

HSSB

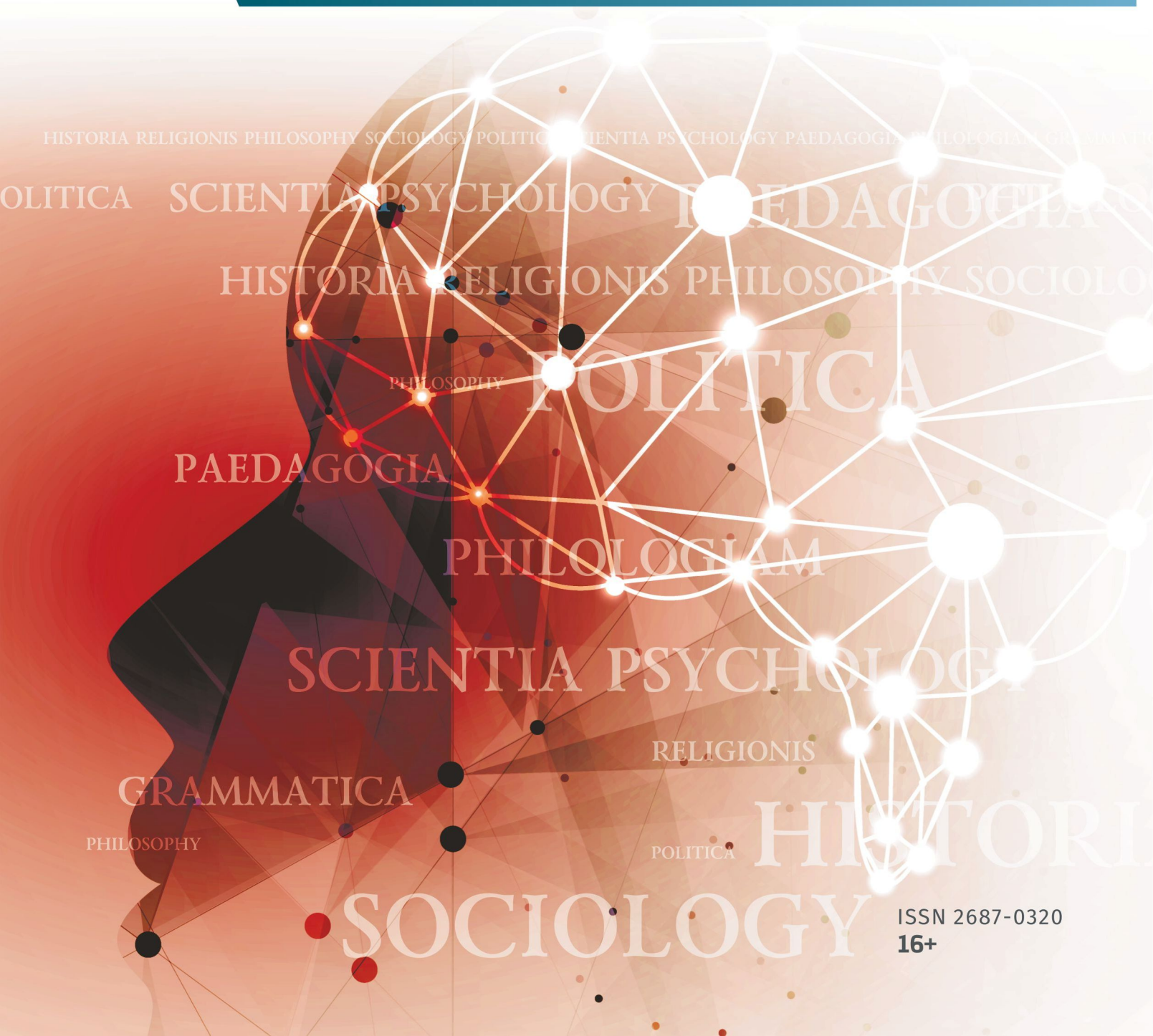
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES BULLETIN

2020 | TOM 1, № 3 | VOL. 1, № 3

ВЕСТНИК ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2687-0320
16+

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76509 от 02.08.2019

Журнал основан в 2019 г.

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 650056, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Ворошилова, д. 22а

ISSN 2687-0320

Адрес редакции и издателя:

650056, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Ворошилова, д. 22а,
Тел/факс: (3842) 73-27-75,
e-mail: vogn@kemsma.ru

Адрес типографии: 650024, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Сибирская, д.35а, ООО «Принт», тел. (3842) 35-21-19

Периодичность: 4 раза в год.

Подписано в печать 30.09.20 г.
Дата выхода в свет 07.10.20 г.

Печать офсетная.
Тираж 950 шт.
Заказ № 98.

Полная версия журнала в электронном виде доступна на сайте Российской электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Распространяется по подписке.

Подписной индекс П3593 в каталоге «Почта России», 80843 в каталоге «Роспечать».

© КемГМУ, 2020
© Авторы научных статей, 2020

Все статьи проверены с помощью системы «Антиплагиат». Публикуются в авторской редакции.

Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Цена свободная.

ВЕСТНИК ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Научный журнал

Главный редактор

- Шиллер Вадим Викторович, к.и.н. (Россия, Кемерово)

Заместители главного редактора:

- Бирюков Сергей Владимирович, д.полит.н., профессор (Германия, Потсдам)
- Шапкина Елена Владимировна, к.полит.н. (Россия, Кемерово)

Научный редактор журнала

- Звягин Сергей Павлович, д.и.н., доцент (Россия, Кемерово).

Редакционная коллегия

- Арапина Светлана Владимировна, к.и.н., доцент (Россия, Санкт-Петербург)
- Бадаев Евгений Васильевич, к.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Барсуков Александр Михайлович, к.полит.н. (Россия, Новосибирск)
- Боровикова Злата Владимировна, к.и.н. (Россия, Кемерово)
- Валиуллина Евгения Викторовна, к.псих.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Горбатов Алексей Владимирович, д.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Грунина Людмила Петровна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Гукина Людмила Владимировна, к.ф.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Дзермант Алексей Валерьевич, к.филос.н. (Республика Беларусь, Минск)
- Дмитриева Софья Игоревна, к.и.н., доцент (Россия, Воронеж)
- Доктор Ван Хаяйянь (КНР, Шанхай)
- Доктор Цуй Хен, (КНР, Шанхай)
- Желтов Виктор Васильевич, д.филос.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Иванова Наталья Александровна, д.филос.н., доцент (Россия, Новокузнецк)
- Казьмина Маргарита Васильевна, д.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Ким Лидия Густовна, д.ф.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Красиков Владимир Иванович, д. филос.н., профессор (Россия, Москва)
- Ладислав Земанек, русист, доктор философии, Карлов университет (Чехия, Прага)
- Леденева Виктория Юрьевна, д.соц.н., профессор (Россия, Москва)
- Ламин Владимир Александрович, д.и.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, Новосибирск)
- Новиков Павел Александрович, д.и.н., доцент (Россия, Иркутск)
- Омеличкин Олег Викторович, д.полит.н., профессор (Россия, Кемерово)
- Осадчий Михаил Андреевич, д.ф.н., профессор (Россия, Москва)
- Палин Алексей Владимирович, к.и.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Порхачев Василий Николаевич, к.филос.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Радченко Олег Анатольевич, д.ф.н., профессор (Россия, Москва)
- Раков Алексей Александрович, к.и.н. (Россия, Москва)
- Силантьев Роман Анатольевич, д.и.н., профессор (Россия, Москва)
- Старостин Алексей Николаевич, к.и.н., доцент (Россия, Екатеринбург)
- Стоякин Василий Александрович, политтехнолог, политэксперт, директор Центра политического маркетинга (Украина, Киев)
- Суркова Ирина Юрьевна, д.соц.н., профессор (Россия, Саратов)
- Темаев Тимур Вадудович, д.соц.н., профессор (Россия, Саратов)
- Толвайшис Леонас, PhD, профессор политологии (Россия, Сербия)
- Чирун Сергей Николаевич, д.полит.н., доцент (Россия, Кемерово)
- Шалапин Сергей Олегович, к.и.н., доцент (Россия, Архангельск)

Переводчик:

- Бородинкина Александра Юрьевна (Россия, Кемерово)

Registration certificate:

PI NO. FS77-76509 dated
02.08.2019, issued by
the Federal service of
Roskomnadzor

Journal was founded in 2019.

Founder: Kemerovo State
Medical University,
22a, Voroshilova Street,
Kemerovo, Kemerovo Region,
650056, Russian Federation

ISSN 2687-0320

Editorial/Publisher Address:
22a, Voroshilova Street, Keme-
rovo, Kemerovo Region, 650056,
Russian Federation
Phone: +7 (3842) 73-27-75,
e-mail: vogn@kemsma.ru

Printing House Address:
35a, Sibirskaia Street,
Kemerovo, Kemerovo Region,
650024, Russian Federation,
LLC "Print", phone: (3842) 35-
21-19

The Journal is published
quarterly.

Signed and confirmed for
publication on 2020/30/09
Published on 2020/07/10

Offset printing, 950 copies.

Order № 98.

The Journal is entirely available
at the official site of Scientific
Electronic Library
(www.elibrary.ru)
Subscription-based
distribution.

Subscription index
P3593 (Russian Post catalogue),
80843 («Rospechat» catalogue).

© KemSMU, 2020

© Authors of scientific articles,
2020

All articles are checked using
the "anti-Plagiarism" system.
Published in the author's
edition.
The authors' point of view may
not coincide with the opinion of
the editorial Board.

Free Price

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES BULLETIN

Chief editor

- **Shiller Vadim Viktorovich**, Ph.D of Historical Sciences (Russia, Kemerovo)

Deputy chief editor

- **Biryukov Sergey Vladimirovich**, Advanced Doctor in Political sciences, Full Professor (Germany, Potsdam)
- **Shapkina Elena Vladimirovna**, Ph.D of Political science (Russia, Kemerovo)

Scientific editor

- **Zvyagin Sergey Pavlovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)

Editorial board

- **Arapina Svetlana Vladimirovna**, Ph.D of Historical Sciences, associate Professor (Russia, St. Petersburg)
- **Badaev Evgeny Vasilyevich**, Ph.D of Historical Sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Barsukov Aleksandr Mikhailovich**, Ph.D of Political science (Russia, Novosibirsk)
- **Borovikova Zlata Vladimirovna**, Ph.D of Historical Sciences (Russia, Kemerovo)
- **Valiullina Evgeniya Viktorovna**, Ph.D of Psychological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Gorbatov Alexey Vladimirovich**, Advanced Doctor in Historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Grunina Lyudmila Petrovna**, Ph.D of Philological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Gukina Lyudmila Vladimirovna**, Ph.D of Philological sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Dzermant Alexey Valerievich**, Ph.D of Philosophy sciences (Belarus, Minsk)
- **Dmitrieva Sofya Igorevna**, Ph.D of Historical science, associate Professor (Russia, Voronezh)
- **Dr. Wang Haiyan** (China, Shanghai)
- **Dr. Cui Hen** (China, Shanghai)
- **Zheltoz Viktor Vasilyevich**, Advanced Doctor in Philosophy sciences, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Ivanova Natalia Aleksandrovna**, Advanced Doctor in Philosophy sciences, associate Professor (Russia, Novokuznetsk)
- **Kazmina Margarita Vasilievna**, Advanced Doctor in historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Kim Lidiya Gustovna**, Advanced Doctor in Philological sciences, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Krasikov Vladimir Ivanovich**, Advanced Doctor in Philosophy sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Ladislav Zemanek, russianist**, Advanced Doctor in Philosophy (Czech Republic, Prague)
- **Ledeneva Viktoria Yurievna**, Advanced Doctor in Sociological science, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Lamin Vladimir Alexandrovich**, Advanced Doctor in historical sciences, Full Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Novosibirsk)
- **Novikov Pavel Alexandrovich**, Advanced Doctor in historical sciences, associate Professor (Russia, Irkutsk)
- **Omelychkin Oleg Viktorovich**, Advanced Doctor in Political sciences, Full Professor (Russia, Kemerovo)
- **Osadchy Mikhail Andreevich**, Advanced Doctor in Philological sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Palin Alexey Vladimirovich**, Ph.D of Historical sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Porkhachev Vasily Nikolaevich**, Ph.D of Philosophy sciences, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Radchenko Oleg Anatolyevich**, Advanced Doctor in Philological sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Rakov Alexey Alexandrovich**, Ph.D of Historical science (Russia, Moscow)
- **Silantyev Roman Anatolievich**, Advanced Doctor in Historical sciences, Full Professor (Russia, Moscow)
- **Starostin Alexey Nikolaevich**, Ph.D of Historical science (Russia, Yekaterinburg)
- **Stoyakin Vasily Alexandrovich**, political strategist, political expert, Director of the center for political marketing (Kiev, Ukraine)
- **Surkova Irina Yurievna**, Advanced Doctor in Sociological science, Full Professor (Russia, Saratov)
- **Temaev Timur Vadudovich**, Advanced Doctor in Sociological science, Professor (Russia, Saratov)
- **Tolvašis Leonas**, PhD, Professor of Political science (Serbia, Belgrade)
- **Chirun Sergei Nikolavich**, Advanced Doctor in Political science, associate Professor (Russia, Kemerovo)
- **Shalyapin Sergey Olegovich**, Ph.D of Historical science, associate Professor (Russia, Arkhangelsk)

Translator:

- **Borodkina Alexandra Yurievna** (Russia, Kemerovo)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	с. 5
ИСТОРИЯ	
Палин А. В. ДНИ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ И ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ РОССИИ	с. 6
ФИЛОСОФИЯ	
Омеличкин О. В. О ПРЕДМЕТЕ БИОЭТИКИ	с. 10
Ковалева Г. П. ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: «НОМОС CREATRIX» ИЛИ «НОМОС SERVITIUM» («ЧЕЛОВЕК ТВОРЧЕСКИЙ» ИЛИ «ЧЕЛОВЕК СЛУЖЕБНЫЙ»)?	с. 18
СОЦИОЛОГИЯ	
Чирун С. Н. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	с. 24
ПОЛИТОЛОГИЯ	
Бирюков С. В., Барсуков А. М. СЕРГЕЙ БАБУРИН И РОССИЙСКИЙ ОБЩЕНАРОДНЫЙ СОЮЗ: ФЕНОМЕН «ЛЕВОГО НАЦИОНАЛИЗМА» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	с. 31
Васильев В. Е., Власова К. В. ОБРАЗ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19	с. 44
Бирюков С. В., Кисляков М. М., Востриков К. В. ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	с. 52
ПСИХОЛОГИЯ	
Валиуллина Е. В. ИНТЕРАКТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ	с. 57
ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА, ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Турамурадова И. Г. НАРОДНОЕ ПЕСЕННОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО В СТУДЕНЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРНОМ АНСАМБЛЕ «АЛТЫН-АЙ» КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ	с. 61
Лебедева А. С. ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ И ФРОНТОВОЙ ЭПИСТОЛЯРИЙ: ДОМИНАНТНО-ДЕТЕРМИНАНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИЗНАКОВ	с. 64

TABLE OF CONTENTS

EDITORIAL	p. 5
HISTORY	
Palin A.V. DAYS OF MILITARY GLORY AND MEMORABLE DATES OF RUSSIA	p. 6
PHILOSOPHY	
Omelichkin O. V. ABOUT THE SUBJECT OF BIOETHICS	p. 10
Kovaleva G. P. CHALLENGES OF THE DIGITAL ECONOMY: «HOMOCREATRIX» OR «HOMOSERVITIUM» («CREATIVE PERSON» OR «SERVICE PERSON»)	p. 18
SOCIOLOGY	
Chirun S. N. HIGHER EDUCATION IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS OF IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL POLICY	p. 24
POLITICAL SCIENCE	
Biryukov S. V., Barsukov A. M. SERGEY BABURIN AND THE RUSSIAN PEOPLE'S UNION: THE PHENOMENON OF «LEFT-WING NATIONALISM» IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL PROCESS IN MODERN RUSSIA	p. 31
Vasiliev V. E., Vlasova K. V. IMAGE OF MIGRANTS IN RUSSIA INTERNET-MEDIA DURING THE PANDEMIC COVID-19	p. 44
Biryukov S. V., Kislyakov M. M., Vostrikov K. V. ELECTORAL COMPETITION IN MODERN RUSSIA: STATE, PROBLEMS, PROSPECTS	p. 52
PSYCHOLOGY	
Valiullina E. V. INTERACTIVE PERSONALITY TREND	p. 57
PHILOLOGY, LINGUISTICS	
Turamuratova I. G. FOLK SONG PERFORMANCE IN THE STUDENT FOLKLORE ENSEMBLE "ALTYN-AI" OF THE KEMEROVO STATE INSTITUTE OF CULTURE	p. 61
Lebedeva A. S. LEBEDEVA A. S. MILITARY MEMORIES AND FRONT EPISTOLARY: DOMINANT DETERMINANT RELATIONS	p. 64

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Вышел в свет третий номера научного журнала «Вестник общественных и гуманитарных наук». Опубликованные статьи написаны аспирантами, кандидатами и докторами наук, являющимися специалистами в разных отраслях социально-гуманитарного исследовательского поля – философии, истории, политологии, социологии, психологии, лингвистики и языкознания.

Перечень представленных в журнале текстов отражает вопросы памятных исторических дат, связанных с днями воинской славы России, выводит на уровень дискуссионных обсуждений статусные позиции учебной дисциплины «Биоэтика», поднимает философские проблемы идентификации человека в условиях бурного развития цифровой экономики. Большой интерес представляет социологическая статья, в рамках которой ученый-политолог обсуждает проблемы высшего образования на основе данных, полученных в результате проведения социологических исследований.

Очень внушительным получился политологический раздел, включающий тексты, посвященные проблемам «левого национализма» в контексте современных политических процессов, отражению образа мигрантов в виртуальных информационных изданиях и электоральной конкуренции в условиях сложившейся политической системы и политической культуры граждан России.

В статье по психологии рассматривается интерактивная направленность личности в юношеском возрасте с акцентом на гендерную специфику. На примере фольклорного ансамбля Кемеровского государственного института культуры обсуждаются вопросы культурного многообразия народов через разные формы и жанры музыкального творчества. Большой интерес представляет статья аспирантки КемГУ, посвященная вопросам изучения военных мемуаров и фронтовых писем. Исследование было проведено в рамках реализации проекта, получившего финансовую поддержку Российского фонда фундаментальных исследований.

Приглашаем всех заинтересованных исследователей из числа историков, политологов, философов, религиоведов, социологов, филологов, лингвистов, языковедов, педагогов, психологов, а также представителей других отраслей научного знания, интересующихся вопросами гуманитарных и общественных наук, публиковаться в нашем журнале, который выходит 4 раза в год.

С уважением,
главный редактор журнала
Шиллер В. В.

Палин А. В.

ДНИ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ И ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ РОССИИ

Аннотация

Статья посвящена дням воинской славы и памятным датам России, которые закреплены законодательно. Показывается, что это продиктовано необходимостью защитить героическое прошлое страны, способствует формированию уважительного отношения к истории и традициям, консолидирует общество, укрепляет гражданско-патриотические ценности, воспитывает и просвещает молодежь.

Для цитирования: Палин А. В. Дни воинской славы и памятные даты России // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 6–9.

HISTORY

Palin A.V.

DAYS OF MILITARY GLORY AND MEMORABLE DATES OF RUSSIA

Abstract

The article is devoted to the days of military glory and memorable dates of Russia, which are fixed by law. It is shown that this is dictated by the need to protect the country's heroic past, contributes to the formation of a respectful attitude to history and traditions, consolidates society, strengthens civil and Patriotic values, and educates young people.

For citation: Palin A.V. Days of military glory and memorable dates of Russia // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 3. P. 6–9.

История России насыщена яркими, памятными и величественными событиями в различных сферах жизни общества. Это способствует формированию единых социокультурных ценностей, демонстрирует общность исторического сознания россиян, воспитывает уважение к прошлому среди молодежи. Особое значение в осмыслении и сохранении исторического наследия России имеют события героического прошлого, великих достижений и открытий, а также деятельность выдающихся людей. Все это в совокупности представляет собой историческую память, позволяющую сохранять непрерывную и преемственную связь между различными поколениями и историческими эпохами. Тем самым история, с одной стороны, становится важным объединяющим фактором для людей, живущих в одном государстве, а с другой – обеспечивает развитие личного самосознания и самоопределения человека, поиск им своего места и роли в гражданском обществе.

Ключевые слова: историческая память, день воинской славы, памятная дата, Великая Отечественная война, закон, гражданское общество, патриотизм.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования

Данная работа не имела источников финансирования.

Keywords: historical memory, day of military glory, memorable date, Great Patriotic War, law, civil society, patriotism

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

Совершенно верно заметил выдающийся советский, российский ученый Д. С. Лихачёв: «Интерес к истории связан с необходимостью (духовной необходимостью) искать свои корни, ощущать в нашем шатком мире стабильность, прочность, свое место и предназначение. И это же учит уважению к другим народам, другим культурам и одновременно самоуважению. История приучает ценить современность как результат тысячелетних усилий, подвигов, а иногда и мученичества наших предков. <...> Она воспитывает чувство ответственности перед будущим» [3, с. 451].

Недостаточное знание (или его отсутствие) о прошлом своего народа, государства нередко приводит к тому, что история становится манипулятивным инструментом в руках безответственных политиков и общественных деятелей. Это ведет к искажению исторических событий, к разрушению исторической памяти, а значит, лишает народ необходимых объединяющих нравственных и духов-

ных ценностей, национальной идентичности, привязанности к Родине. Негативными последствиями становятся деструктивное поведение молодежи, отсутствие у общества способности к критическому осмыслению сведений, поступающих из средств массовой информации (СМИ) на тему исторических событий.

Поэтому очень важно на государственном уровне защищать и укреплять основы исторической справедливости, единства национального самосознания для русского народа. Следствием этого стало принятие в 1995 г. федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» [5].

В преамбуле к документу говорится: « Настоящий Федеральный закон устанавливает дни славы русского оружия – дни воинской славы (победные дни) России ... в ознаменование славных побед российских войск, которые сыграли решающую роль в истории России, и памятные даты в истории Отечества, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества...» [5].

Последние изменения в закон были внесены в 2020 г. и связаны с событиями Великой Отечественной войны, Второй мировой войны. В апреле 2020 г. по инициативе группы депутатов во главе с председателем Комитета по обороне В. А. Шамановым был установлен новый день воинской славы – 3 сентября – День окончания Второй мировой войны [2].

Хорошо известно, что 2 сентября 1945 г. на американском линкоре «Миссури» состоялась церемония подписания Акта о капитуляции Японии. Этот день принято считать датой окончания Второй мировой войны.

Однако предложение депутатов Государственной думы появилось не случайно. Еще 2 сентября 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, где 3 сентября объявлялось «днем всенародного торжества – Праздником Победы над Японией» [4]. 2 сентября еще продолжались локальные ожесточенные бои на Курильских островах. А к исходу 4 сентября 1945 г. остатки японских войск были разоружены и взяты под охрану [1, с. 581].

Надпись «3 сентября 1945» на оборотной стороне медали «За победу над Японией» символизирует окончание

Фотография 1.

Второй мировой войны для СССР (см. фотографию 1) .

Этой награды были удостоены **1831000 человек**. Тем самым восстанавливается историческая справедливость, отдается дань подвигу советских воинов, победивших фашистскую Японию.

В июле 2020 г. был утвержден еще один день воинской славы – 9 октября – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ (1943 г.) [5]. Успешные военные действия Красной армии в 1943 г. на Кавказе оказали большое влияние на достижение коренного перелома в войне в ходе Курской битвы. Турция окончательно отказалась от вступления в войну против Советского Союза на стороне Германии. 9 октября стало восьмым днем воинской славы, связанным с периодом Великой Отечественной войны и советско-японской войной.

Массовый героизм, мужество и отвагу демонстрировали советские войска во многих боях и сражениях Великой Отечественной войны. И сегодня важно сохранить, увековечить, нормативно защитить историческое знание об этих великих событиях.

В настоящее время закон «О днях воинской славы и памятных датах России» устанавливает 19 дней воинской славы и 15 памятных дат.

Таблица 1. Дни воинской славы России

№	День воинской славы	Историческое событие
1	27 января	День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944г.).
2	2 февраля	День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 г.).
3	23 февраля	День защитника Отечества. 23 февраля 1918 г. первые части Красной армии и вооруженные отряды рабочих (Красной гвардии) остановили под Псковом и Нарвой наступление немцев.

4	18 апреля	День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242 г.). По юлианскому календарю – 5 апреля.
5	9 мая	День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов (1945 г.).
6	7 июля	День победы русского флота над турецким флотом в Чесменском сражении (1770 г.). По юлианскому календарю – 26 июня.
7	10 июля	День победы русской армии под командованием Петра Первого над шведами в Полтавском сражении (1709 г.). По юлианскому календарю – 27 июня.
8	9 августа	День первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра Первого над шведами у мыса Гангут (1714 г.). По юлианскому календарю – 27 июля.
9	23 августа	День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве (1943 г.).
10	3 сентября	День окончания Второй мировой войны (1945 г.)
11	8 сентября	День Бородинского сражения русской армии под командованием М. И. Кутузова с французской армией (1812 г.). По юлианскому календарю – 26 августа.
12	11 сентября	День победы русской эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790 г.). По юлианскому календарю – 28 августа.
13	21 сентября	День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380 г.). По юлианскому календарю – 8 сентября.
14	9 октября	День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ (1943 г.).
15	4 ноября	День народного единства. 22–26 октября (по юлианскому календарю) 1612 г. второе ополчение во главе с К. Мининым и Д. Пожарским штурмом взяло московский Китай-город и изгнало польских интервентов из столицы.
16	7 ноября	День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.).
17	1 декабря	День победы русской эскадры под командованием П. С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп (1853 г.). По юлианскому календарю – 18 ноября.
18	5 декабря	День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой (1941 г.).
19	24 декабря	День взятия турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием А. В. Суворова (1790 г.). По юлианскому календарю – 11 декабря.

Таблица 2. Памятные даты России

№	Памятная дата	Пояснение
1	25 января	День российского студенчества. 25.01. 1755 г. Елизавета Петровна подписала указ об открытии первого в России высшего гражданского учебного заведения – Императорского московского университета.
2	15 февраля	День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества. 15 февраля 1989 г. завершился вывод советских войск из Афганистана.
3	12 апреля	День космонавтики. 12.04. 1961 г. – первый в мире полет в космос Ю. А. Гагарина на корабле «Восток».
4	19 апреля	День принятия Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской империи (1783 г.). По юлианскому календарю – 8 апреля.
5	26 апреля	День участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф и памяти жертв этих аварий и катастроф. 26.04.1986 г. произошла авария на Чернобыльской АЭС.
6	27 апреля	День российского парламентаризма. 27.04. 1906 г. начала работу I Государственная дума Российской империи.
7	22 июня	День памяти и скорби – день начала Великой Отечественной войны (1941 г.).
8	29 июня	День партизан и подпольщиков. 29.06. 1941 г. принята Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о создании в прифронтовых областях партизанских отрядов.

9	28 июля	День Крещения Руси. В 988 г. великий киевский князь Владимир I крестил Русь. Это оказало большое влияние на общественное, духовное и культурное развитие народов России и на укрепление российской государственности.
10	1 августа	День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914 –1918 гг. 1 августа (19 июля по ст. ст.) Германия объявила войну России.
11	3 сентября	День солидарности в борьбе с терроризмом. 1 –3 сентября 2004 г. в результате террористического акта в школе № 1 г. Беслана погибло 334 человека, среди которых 186 детей. В этот день в России вспоминают обо всех жертвах террористической агрессии.
12	7 ноября	День Октябрьской революции 1917 г.
13	3 декабря	День Неизвестного Солдата. 3 декабря 1966 г., в ознаменование 25-й годовщины разгрома немецких войск под Москвой, прах неизвестного солдата был торжественно захоронен у стен Московского Кремля в Александровском саду. Это память о российских и советских воинах, погибших в боевых действиях на территории страны или за ее пределами.
14	9 декабря	День Героев Отечества. В этот день чествуют Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, кавалеров ордена Святого Георгия Победоносца и ордена Славы. 26 ноября (7 декабря) Екатерина II учредила орден Святого Георгия Победоносца для воинов, проявивших в бою доблесть, отвагу и смелость.
15	12 декабря	День Конституции Российской Федерации.

За 25-летие действия закона «О днях воинской славы и памятных датах России» закрепились ранее действующие и сложились новые традиции отмечать и вспоминать яркие, важные исторические события нашего государства.

В целом дни воинской славы и памятные даты – это напоминание нам о великом прошлом, об уроках истории и людях России, внесших вклад в процветание и защиту своей Родины. Сложились хорошие традиции по увековечиванию этой исторической памяти посредством уста-

новления и благоустройства памятников, мемориальных сооружений; разбивки парков и скверов в честь Героев; посещения музеев и выставок; организации в СМИ просветительских мероприятий для подростков и молодежи; проведения всероссийских и региональных конкурсов; публикации книг патриотического содержания; выхода исторических патриотических фильмов, популярных героическое прошлое страны и многого другого. Хорошей ежегодной традицией россиян стало участие в акции «Бессмертный полк».

Источники и литература / Sources and references

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т.Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. – М.: Кучково поле, 2013. – 864 с., 24 л. ил.
2. В России появится новая памятная дата – День окончания Второй мировой войны // Государственная Дума Федерального собрания РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://duma.gov.ru/news/48281/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения 20.09. 2020).
3. Лихачев Д. С. Раздумья о России. – 3-е изд., испр. – СПб.: Логос, 2004. – 654 с.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.09.1945 г. «Об объявлении 3 сентября Праздником Победы над Японией» // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=15976&req=doc#05235651758155926> (дата обращения 20.09. 2020).
5. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (с изменениями и дополнениями от: 22 августа, 29 декабря 2004 г., 21 июля 2005 г., 15 апреля 2006 г., 28 февраля, 24 октября 2007 г., 10 апреля 2009 г., 31 мая, 23 июля, 29 ноября 2010 г., 1 апреля, 27 июня, 10 июля, 30 декабря 2012 г., 2 ноября 2013 г., 4 ноября, 1 декабря 2014 г., 3 августа 2018 г., 1, 24 апреля, 31 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5978/ (дата обращения 20.09. 2020).

Информация об авторе:

Палин Алексей Владимирович, к.и.н., доцент кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: a-palin@mail.ru.

Author information:

Palin Aleksei Vladimirovich, Ph.D of Historical Sciences, associate Professor of the Department of history of Kemerovo state medical University. E-mail: a-palin@mail.ru.

Омеличкин О. В.

О ПРЕДМЕТЕ БИОЭТИКИ

Аннотация

Статья посвящена новой научной и учебной дисциплине. Актуальность ее обусловлена необходимостью изучения моральных вопросов о роли человека на Земле и поддержании экологического равновесия, о его отношении к живому миру и собственному здоровью. Методами исследования выступают социально-философский, раскрывающий социальную обусловленность моральных ценностей и норм, и дискурсивный метод, позволяющий сопоставить различные теоретические подходы и выработать общий дискурс в отношении к биосфере. Результатом проведенного анализа явился вывод о неправомерности отождествления биоэтики с медицинской этикой. Она имеет философские основания и соединяет

биологические и медицинские знания с общечеловеческими ценностями. Предметом ее выступают модели морального сознания и поведения людей в их отношении к живой и неживой природе и своему здоровью. В выводах сформулированы особенности биоэтики и подчеркивается необходимость ее изучения в процессе подготовки современных специалистов.

Ключевые слова: этика, мораль, биоэтика, медицинская этика, биосфера, природа, жизнь, здоровье, этический кодекс.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Источник финансирования

Данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Омеличкин О. В. О предмете биоэтики // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 10–17.

PHILOSOPHY

Omeliichkin O. V.

ABOUT THE SUBJECT OF BIOETHICS

Abstract

The article is devoted to a new scientific and academic discipline. Its relevance is due to the importance of studying moral aspects of the man's role on Earth and maintenance of ecological balance, his attitude to the living world and his own health. The research methods are socio-philosophical revealing the social conditionality of moral values and norms, and a discursive method which allows to compare different theoretical approaches and develop a common discourse relevant to the biosphere. The result of the analysis was a conclusion about the illegality of identifying bioethics with medical ethics. The former has a philosophical foundation and

combines biological and medical knowledge with universal human values. Its subject is models of moral consciousness and behavior of people in their relations to living and inanimate nature and their health. The conclusions formulated the features of bioethics and emphasize the need for its study in the process of training modern specialists.

Keywords: ethics, morality, bioethics, medical ethics, biosphere, nature, life, health, ethical code.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

For citation: Omeliichkin O. V. About the subject of bioethics // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 3. P. 10–17.

Введение

К числу новых и перспективных областей знания можно отнести биоэтику – относительно недавно вошедшую в академический обиход научную и учебную дисциплину. В ней соединяются антропологические и философские вопросы, связанные с сохранением жизни людей и поисками ее нравственных смыслов. Для нее характерны поиски жизненного идеала и практическое решение современных проблем общественного бытия. Она обращается к глубинным моральным сюжетам о роли человека на Земле, о его отношении к живому миру, о целена-

правленной деятельности по поддержанию собственного здоровья и благополучия. Новая дисциплина является частью общей этики как самостоятельного раздела философии. Поэтому ее принципы и нормы имеют философские основания, но обращены при этом к различным ситуациям общественной практики, обусловленным необходимостью сохранения жизни на Земле и поддержанию природного баланса. В ней проявляются такие важнейшие черты существования, как благоговение перед данной нам жизнью, человеческая солидарность и взаимная помощь.

Как известно, древнегреческое слово *etos*, лежащее в основе термина «этика», означало относительно постоянное местопребывание человека или животных, жилище и связанные с ним устойчивые формы общежития. В дальнейшем в философских науках благодаря Аристотелю оно было перенесено на человеческие отношения и даже особые качества людей (добродетели). Несколько позже сформировались понятия морали (латынь) и нравственности (в немецком, русском языке). Сложный этимологический процесс конвертации данных понятий дает основание многим исследователям рассматривать их как синонимы, обусловленные местом и временем. Однако мы полагаем, что за каждым из них стоит определенная реальность и порождаемые ею смыслы.

Мы придерживаемся традиционного взгляда на соотношение данных понятий, имеющих различную функциональную нагрузку. Этика – это система теоретических знаний об особых отношениях между людьми, отражающих доминирующие представления о добре и зле, вечности и коллективности жизни. Она дает классификацию и устанавливает определенную иерархию значений различных общественных явлений. Мораль есть основанная на общественном опыте устойчивая совокупность желательных для общества и одобряемых им принципов и норм гуманного и социально ответственного поведения людей. В ней зафиксированы общие ценности и правила, присущие данному социуму и регулирующие его жизнедеятельность. Понятие нравственности отражает весь спектр существующих в обществе нравов, моральных позиций и действий индивидов, выражающих их интересы и оценки окружающей действительности. Они закрепляются в моральных качествах и установках человека. Мораль и нравственность составляют предмет изучения этики. Подобное утверждение окажется принципиально важным в дальнейших рассуждениях о природе биоэтики. Из сказанного можно заключить, что этика возникает и оформляется позже морали, и если общественная мораль целостна и едина, то этических систем, отражающих интересы и взгляды отдельных групп, может быть несколько.

Отметим, что во второй половине XX века сфера распространения этических представлений значительно расширилась. Она охватила многие вопросы человеческой жизни, обращаясь в первую очередь к ее естественным основам – биологии и здравоохранению. Для этого были определенные причины. Выделим наиболее важные из них.

Произошли революционные изменения в биологической науке и медицинской практике. Было осуществлено множество открытий, создано огромное количество новых технологий и лекарственных средств, существенно расширивших возможности поддержания жизни и здоро-

вья людей. Это и реанимация, и трансплантация органов и тканей, генная инженерия и т. д. Проводятся смелые исследования на животных и людях. Вместе с ними возникли новые моральные вопросы, требующие общественного обсуждения и контроля.

Другая причина связана с актуализацией проблемы прав и свобод личности, которая выходит на первый план в эпоху демократизации общества. На этой основе возникают новые социальные движения и комитеты. Они занимаются правами человека в различных областях жизни, в том числе и пациентов лечебниц. Обсуждаются вопросы здоровья и окружающей среды, защиты недееспособных граждан, формирования равноправных отношений между всеми участниками процесса, справедливого распределения медицинских средств. Все они требуют моральной экспертизы.

Мы не говорим уже о наблюдаемом в наши дни общем ослаблении моральных устоев современного общества, выражающемся, в частности, в злоупотреблениях в данной сфере, коммерциализации медицинской практики, сомнительных схемах управления отраслью и т. п.

Выдвижение целого ряда подобных причин способствовало осознанию необходимости создания философской дисциплины, отражающей биологические и медицинские проблемы жизни на Земле в моральном измерении. Такой дисциплиной стала биоэтика. Ее особенностью является междисциплинарный характер, объединяющий подходы и достижения различных наук. Причем не только родственных ей философии и этики, но и отдаленных по своей предметной области биологии и медицины. Тем самым образовался достаточно необычный синтез гуманитарных и естественных дисциплин. По сути своей новую дисциплину можно назвать этикой жизни, поскольку речь в ней идет об этически правильных способах сохранения всего живого на Земле и укреплении здоровья людей. Это в полной мере новое мышление и мировоззрение, задающее иные приоритеты и принципы понимания жизни.

Сам термин «биоэтика» состоит из двух греческих слов – *bios* (жизнь), отражающее факты и явления жизни, и *ethos* (этика), наука о моральных ценностях и долге. Термин был предложен американским биохимиком, онкологом Ван Ронселлером Поттером. Хотя некоторые специалисты называют имя работавшего в 1920-е годы немецкого пастора Фрица Яра. Тем не менее, заслуга разработки научной теории этического отношения к любым формам жизни принадлежит Поттеру. В 1970 г. он написал получившую широкую известность статью «Биоэтика – наука выживания», а затем книги «Биоэтика – мост в будущее» (1971) [16] и «Глобальная биоэтика» (1988). Ученый использовал образ моста в двух значениях: как соединение естественных и гуманитарных наук (рабо-

чие) и как связь между настоящим и будущим (основное). Наиболее важными составными частями нового подхода являются биологические знания и нравственные ценности. Это этика на основе биологических знаний. Главными этическими постулатами он объявил смирение, ответственность и мудрость. Особенно важны они в отношении к окружающей природной среде (экологии) для долгосрочного выживания человечества и улучшения качества жизни. Надо отметить и вклад в разработку теории биоэтики работавшего в то же время американского ученого Андре Хеллегерса. Он установил более тесную связь биоэтики с медициной и предложил ввести новую дисциплину в учебные планы медицинских институтов.

Методы и материалы

Следует подчеркнуть определяющую связь биоэтики с философией [11]. Проблема выживания имеет множество аспектов – экономических, политических, технологических, экологических, демографических и т. п. Новая дисциплина предлагает вектор развития, связанный с гуманизацией и нравственным совершенствованием общества и человека. Она опирается на идеи общественного блага, добра, прав человека, гражданского долга и ответственности за результаты его деятельности. При этом она базируется на объективных и достоверных знаниях, которые переводятся в формы нравственных установок и нормативных регуляторов общественной практики. Биоэтика изучает моральное сознание и поведение человека в области сбережения здоровья и сохранения биосферы. Она дает системное обоснование возможности гармоничного взаимодействия человека с живой природой и самим собой. При этом гуманистические идеалы и мировоззренческие установки людей становятся интегрирующим началом в их отношении к жизни. Главным принципом биоэтики стал провозглашенный Альбертом Швейцером в работе «Культура и этика» (1923) принцип «благоговения перед жизнью». Он предполагает уважение каждого живого существа, сострадание к нему и ответственность за сохранение жизни. Именно это способствует духовному возвышению человечества [13].

Социально-философский метод раскрывает нам социальную обусловленность моральных ценностей и норм в общественной практике освоения природного мира и сбережения здоровья человека, рассматривая мировоззренческие установки и стереотипы граждан как превращенную форму их социального и биологического бытия. Особое значение приобретает дискурсивный метод, который позволяет изучить и представить основные теоретические подходы к нравственным вопросам биологии и медицины в рамках широких общественных дискуссий и существующих трендов, способствующих выработке воспроизводимого биоэтикой общепризнанного научно-го дискурса в отношении к биосфере.

Любая научная дисциплина требует решения таких методологически важных проблем, как определение ее предмета, структуры, природы явлений и представлений, которые она призвана изучать. Здесь наметился ряд дискуссионных вопросов, на которые мы бы хотели обратить внимание читателей. В качестве источников нами взят ряд популярных учебников по биоэтике и биомедицинской этике. Они написаны известными специалистами в этой области и, предположительно, отражают общепринятые подходы и суждения по интересующим нас сюжетам. В ходе их анализа мы выскажем и свое мнение по ключевым вопросам.

Результаты исследования

По нашему мнению, объектом биоэтики является жизнедеятельность человека в рамках всей экосистемы по созданию условий для естественной жизни, рассматриваемая с точки зрения определенных нравственных требований и критериев. Предметом науки становятся общие модели морального сознания и поведения людей в их гуманном отношении к живой и неживой природе и своему здоровью. Но здесь мы вынуждены остановиться, так как в дальнейших рассуждениях возникает ряд теоретических затруднений.

Таким дискуссионным вопросом является широко распространенное в академическом сообществе отождествление биоэтики с медицинской этикой. Иногда в этот синонимический ряд включают биомедицинскую этику, которая, на самом деле, является вынужденным компромиссом или модификацией, в которой преобладает медицинская проблематика. Так, Б. Г. Юдин считает, что «моральные стороны взаимодействия между медиком и пациентом и есть главный объект изучения в биоэтике» [3, с. 7]. М. Я. Яровинский пишет: «Термин «биомедицинская этика», широко используемый в последнее время, ничего не добавляет к пониманию термина «биоэтика». Совершенно ясно, что основным содержанием биоэтики является медицинская этика в современных условиях» [14, с. 22]. Автор считает, что биоэтика, как и медицинская этика, осталась наукой о законах, принципах и правилах регулирования профессионального поведения медицинского работника, но в условиях использования новых медицинских технологий [14, с. 23].

Близкие взгляды высказывают и другие авторы. Например, И. В. Силуянова полагает, что биоэтика – это современная форма профессиональной этики врача, возникновение которой непосредственно связано с внедрением в медицинскую практику новейших биомедицинских технологий. И общим понятием, включающим все многообразие врачебного нравственного опыта вплоть до его современной формы, является биомедицинская этика. Она пишет: «Биомедицинская этика – это профессиональная

этика всех, кто работает в медицине и здравоохранении. Биомедицинская этика изучает отношения между людьми в системе здравоохранения, а также систему норм, ценностей и обязательств, которую принимает и исполняет врач, оказывая помощь больному человеку» [9, с. 30, 18]. Е. В. Ушаков в своем учебнике также использует термины «биоэтика» и «биомедицинская этика» как синонимы. По его мнению, биоэтика – это междисциплинарная область исследований и обсуждений, предметом которой являются моральные основания и проблемы медицины и здравоохранения, а также тесно связанных с ними современных научных направлений (таких, как биология, генетика, биотехнология, науки о сознании и др.) [10, с. 15, 16]. Т. О. Бажутина говорит о «медицинской биоэтике», относя ее к профессиональному поведению медицинских работников в новых условиях [1, с. 67]. Подобные примеры можно продолжить.

Мы полагаем важным разграничение данных понятий. От этого зависят и наши представления о предмете биоэтики и ее структуре. Прежде всего, подчеркнем, что содержание биоэтики значительно шире, чем биомедицинской или медицинской этики. На это указывал еще В. Р. Поттер, включая в этику выживания не только охрану здоровья человека (медицинская этика), но и сохранение природной среды (экологическая этика). То есть биоэтика выражает заботу обо всем биологическом мире, вырабатывает нравственное отношение к различным формам жизни, среди которых существование и здоровье человека имеет основополагающее значение. Ее проблемное поле включает в себя не только жизнь и здоровье людей, но и других биологических видов и биосферы в целом. Она соединяет биологические и медицинские знания с общечеловеческими ценностями. И здесь представляются несостоятельными ссылки на возможность рассмотрения биоэтики в широком и узком значении этого термина и другие подобные предложения. Природа явления от этого расширения не меняется. Данную точку зрения разделяют и другие специалисты (Е. Н. Викторук и В. В. Минеев, Т. В. Мишаткина, И. А. Шамоу). Так, Т. В. Мишаткина видит функциональные различия данных этик в том, что биоэтика регулирует отношение человека к жизни вообще и всему живому, биомедицинская этика выдвигает на первый план защиту жизни и здоровья самого человека, а медицинская этика устанавливает нормы отношений между врачом и пациентом. Интересно, что экологическая этика рассматривается автором как универсальная этика человеческой деятельности, выполняющая функцию методологического основания других этик. Между всеми видами этик существует сложная взаимосвязь [8, с. 35].

Мы поддерживаем стремление определить биоэтику как науку о нравственных основах общественной деятельности как социального механизма самовоспроизвод-

ства человеческого рода и бережного отношения к биосистемам. Так, в изданной в 1978 г. авторитетной «Энциклопедии биоэтики» последняя представлена как «систематическое исследование человеческого поведения в рамках наук о жизни и охране здоровья в той мере, в какой это поведение рассматривается в свете моральных ценностей и принципов» [15, р. 19]. Подобный подход не получил развития в отечественной науке. Обычно на первый план авторами выводятся только вопросы медицины и здоровья людей. В качестве попытки исследовать многогранные отношения в этой сфере можно выделить позицию П. В. Лопатина и О. В. Карташовой, согласно которой биоэтика – это «наука, изучающая противоречия между интересами людей, а также их сообществ в области здоровья и достижениями биологии, медицины и формации, которые могут прямо или опосредованно нанести ущерб здоровью и качеству жизни, с целью выработки морально-нравственных норм, требований и принципов, обеспечивающих здоровье человека и общества» [6, с. 27]. Обращает на себя внимание фиксируемое учеными несовпадение реальных интересов людей с неоднозначными достижениями медико-биологических наук и практики.

По нашему мнению, биоэтику можно определить как науку (систему знаний) о нравственных отношениях в обществе, обеспечивающих условия и меры по поддержанию жизни и здоровья человека и сохранению всех необходимых параметров и компонентов биосферы. Как общая этика изучает общественную мораль, так предметом биоэтики выступает то, что можно назвать биоморалью. На наш взгляд, последняя представляет собой особую форму морального сознания и поведения людей, регулирующую их жизнедеятельность и продуктивное взаимодействие с окружающей природной средой. К сожалению, во всех рассмотренных нами учебных пособиях данное (ключевое) понятие вообще отсутствует. Вместо этого Е. В. Ушаков предлагает считать предметом исследований биоэтики «биомедицину» [10, с. 16]. Полагаем, что последняя является предметом изучения медицинских наук.

Из сказанного ясно, что состав и структура биоэтики довольно сложны. Опираясь на традиции В. Р. Поттера, в нее можно было бы включить (био)-медицинскую (здоровье человека) и экологическую (защита всех форм жизни и экосистем) этику. Однако мы должны заметить, что разделы об экологической этике в большинстве отечественных учебников, за редким исключением [2], отсутствуют. Но есть и более широкие классификации. Так, И. А. Шамоу считает, что она включает в себя, наряду с медицинской и экологической этикой, этику науки, образования, этику космоса, этику продовольствия, этику технологии и т. п. [12, с. 29]. Обращает на себя внимание разнородность и произвольность выделенных направле-

ний. Существуют и другие подходы, в которых выделяются иные предметные области биоэтики. П. В. Лопатин и О. В. Карташова полагают, что она включает теоретико-философскую биоэтику, медицинскую биоэтику, биоэтику создания и клинических испытаний лекарств и фармацевтическую биоэтику [6, с. 28, 31].

Иные направления в современной биоэтике выделяет Е. В. Ушаков. В широком смысле биоэтика включает составные части – биомедицинскую этику, медицинскую этику, клиническую этику, связанную с анализом конкретных клинических случаев. Более частными направлениями является биоэтика окружающей среды и биобезопасность. Кроме того, в рамках биомедицинской этики автор выделяет этику биомедицинских исследований, фармацевтическую биоэтику, репродуктивную биоэтику, геронтоэтику и т. п. Границы между ними весьма условны, так как все они находятся в состоянии формирования и тесно взаимодействуют между собой [10, с. 16]. Однако подход, демонстрирующий постоянное расширение проблемного поля биоэтики без выяснения ее системного характера, вряд ли можно считать перспективным. Поэтому Е. Н. Викторук и В. В. Минеев предлагают выделять определенные уровни в биоэтике. Это общая биоэтика, изучающая изначальные ценности и принципы медицинской этики и основополагающие документы, специальная биоэтика, анализирующая главные проблемы медицины и биологии, клиническая биоэтика, предлагающая решения на основе анализа конкретных случаев врачебной и клинической практики [5, с. 15]. Несмотря на существенное сужение содержания дисциплины, выделение различных уровней биоэтики с точки зрения масштабов и степени конкретности исследуемого материала можно считать обоснованным.

В этой связи мы предлагаем выделять формы и компоненты биоэтики с точки зрения их содержания и функционального назначения. По горизонтали (рядоположенности) это будут этика живой природы (включая экологическую этику) и этика здоровья человека (включает медицинскую этику). По вертикали (соподчиненности) к таковым можно отнести: мировоззренческую (общественные идеалы), концептуальную (этические теории), аксиологическую (моральные ценности), нормативную (регулирующие правила и нормы), институциональную (организации, комитеты), деятельностную (мотивы, способы) формы биоэтики. Они определяются культурным контекстом и общим характером проводимой в стране политики в области здравоохранения и природопользования. Все они требуют специального рассмотрения.

Говоря о структуре биоэтики, мы бы хотели обсудить еще одну проблему. В научной и учебной литературе принято рассматривать биоэтику как особую форму практической или прикладной этики. Так, Т. В. Мишаткина рассматривает биоэтику как практическую этику, возника-

ющую как совокупность моральных норм, сориентированную на выработку и установление в практике био- и медицинских исследований нравственно-понимающего отношения к жизни и всему живому, на заботу о правах биоса [8, с. 34]. И. В. Силуянова идет дальше и рассматривает биомедицинскую этику (и ее высшую форму – биоэтику) как прикладную этику, «которая на основе моральных принципов решает задачи установления таких отношений с пациентом, которые обеспечивали бы веру в лечение, доверие к врачу пациента и общества». Речь идет о важнейшей задаче профессиональной врачебной этики применять моральные ценности и нормы в конкретной медицинской практике. На их основе формулируются обязанности врача и рекомендации по их исполнению [9, с. 19]. Е. П. Михайлова и А. Н. Бартко также определяют биомедицинскую этику (или биоэтику) как один из разделов прикладной нормативной этики, имеющий конкретное дело с моральными принципами и решениями в контексте медицинской практики, политики и проведения биомедицинского исследования [7, с. 55–56].

Разумеется, никто не отрицает, что биоэтика, помимо теоретических знаний, предполагает практическое участие в вопросах жизни и здоровья людей и сохранения живых организмов, а также в принятии решений в конкретных клинических случаях. Она не может ограничиваться только обсуждением этических проблем. Биоэтика возникла на основе реальных потребностей биологии и медицины в моральной экспертизе и консультировании в различных драматических ситуациях, способствующих разрешению моральных дилемм. Поэтому заметна ее роль в разработке соответствующих законов, регулирующих политику в области здравоохранения и экологии, различных профессиональных кодексов, в формулировании общих принципов и правил предоставления медицинской помощи и проведения биомедицинских исследований. Однако это ни в коей мере не отменяет философского и антропологического характера науки, ее обращенности к фундаментальным вопросам жизни. Она рассматривает границы человеческого вмешательства в существование живого, общие моральные ценности и этические основания биомедицинской деятельности. Биоэтика выполняет важную роль в нравственном воспитании людей.

Поэтому мы считаем, что биоэтика не может рассматриваться исключительно как прикладная наука. Как и общая этика, она включает несколько уровней биологического знания: 1) теоретический (моральные доктрины, категории, принципы); 2) нормативный (кодексы и правила этического поведения); 3) дескриптивный (описание моральных практик); 4) прикладной (анализ конкретных ситуаций). Таким образом, биоэтика имеет в составе свои философские основания и необходимый исследовательский аппарат для анализа конкретных случаев и принятия обоснованных решений.

Исходя из вышесказанного, попытаемся обозначить основную проблематику биоэтических исследований. Нам представляется, что в первую очередь биоэтика выработывает ценностные основания и гуманистические цели в области медицины и экологии, определяет моральное содержание человеческой деятельности в контексте живой и неживой природы. Кроме того, биоэтика изучает типологически важные конкретные проблемы медицины и биологии, проводимые в них исследования и применяемые технологии, в которых возникают ситуации морального выбора и ответственных решений.

Нам кажутся малопродуктивными попытки описать все многообразие конкретных проблем, изучаемых биоэтикой. Можно указать только на основные области их существования. Это вопросы отношений человека и природы, оказания медицинской помощи людям, проведения медико-биологических исследований и разработки новых технологий, проблемы социальной справедливости и защиты прав человека, утверждения общечеловеческих ценностей (жизнь, милосердие, взаимопомощь, согласие и т. д.) в общественной практике. Поэтому можно отчасти согласиться с Т. В. Мишаткиной, которая выделяет три круга проблем, определяющих содержание биоэтики. К ним относятся: 1) модификация традиционных моральных принципов и ценностей (добро, сострадание, долг, совесть) в профессиональной деятельности медицинских работников и биологов – нормативно-этический круг; 2) нравственные коллизии в конкретных ситуациях (автаназия, трансплантация и т. д.) – казусы, возникающие в процессе биомедицинских исследований и лечения больных – ситуативный круг; 3) «новые» межличностные отношения в системе вертикальных и горизонтальных связей в сфере современной медицины (коллеги-врач-пациент) – деонтологический круг [8, с. 40–43]. Отметим, что здесь отсутствует широкий круг вопросов, связанный с освоением человеком окружающей среды.

Однако большинство ученых стремятся более детально очертить проблемное поле биоэтики. Во многих учебниках по биоэтике подробно описываются вопросы эвтаназии и реанимации, репродуктивных технологий и аборт, генной инженерии и клонирования, трансплантации и донорства органов, пластической хирургии и психиатрических расстройств и прочее, которые, по нашему мнению, в первую очередь должны изучаться медицинскими науками. Тем не менее, мы часто имеем дело с подробным описанием существа данных проблем, истории их возникновения и изучения, получившими широкий резонанс конкретными случаями, иллюстрирующими их актуальность и значение. В таком виде биоэтика, как уже отмечалось, сводится к врачебной практике и лечению. Во всех этих случаях, несомненно, присутствует этический аспект, но там, где речь идет о физическом спасении здоровья людей или биосферы, он

не является определяющим (директивным) в практическом плане, а носит скорее оценочный или корректирующий характер.

По нашему мнению, биоэтика занимается изучением не отдельных случаев, а общих, широко распространенных в биомедицинской практике типичных явлений, связанных не с медицинскими вопросами диагностики, профилактики или лечения, а с общими моральными принципами отношения к жизни и здоровью человечества и планеты. Это фундаментальные вопросы их судьбы. Речь идет о философских проблемах жизни и смерти, о том, что есть добро и зло, насколько допустимо вмешательство в природу и геном человека, оправданы ли различные эксперименты на людях и животных и т. д. Биоэтика должна ответить на эти сложнейшие вопросы в принципе (и подтвердить их правомерность в отдельных случаях), а также сформулировать моральные условия, при которых рекомендуемые ею действия становятся возможными. В этом проявляется моральная ответственность человека и специалиста, гуманистичность его гражданской позиции.

Биоэтика обеспечивает моральное регулирование человеческих отношений в сфере медицины и биологического существования человека, а не решение конкретных медицинских проблем, требующих специальных знаний, медикаментозных и иных терапевтических средств. Она включает в себя понимание морального долга по отношению ко всему живому на Земле как у медицинского работника и биолога, так и у любого гражданина, соответствующие права и обязанности людей, меру их ответственности за жизнь и здоровье, свое и чужое, гуманное отношение к животному и растительному миру. Особенно сложны постоянно возникающие проблемы морального выбора, когда необходимо разрешить какую-то жизненную дилемму, связанную с принятием решений в ситуации, допускающей разные варианты. Они требуют дополнительного этического анализа и обоснований и сохранения нравственных приоритетов в выборе дальнейшего способа действия. Подобные биомедицинские ситуации бывают крайне сложными и конфликтными по своей природе. От каждого человека, тем более, специалиста, требуется достойное и максимально ответственное поведение.

Еще один дискуссионный вопрос требует уточнения. Мы уже неоднократно отмечали, что отечественной науке свойственно отождествлять биоэтику с хорошо известной и разработанной медицинской (или, как вариант, биомедицинской) этикой. Само существование медицинской этики никем не оспаривается. Она занимает свое место в системе этического знания наряду с экономической, политической и т. п. этикой, отражающими особенности функционирования тех или иных областей общественной жизни. В них содержится проекция общих этических представлений и ценностей на данную

сферу и фиксируются происходящие в них трансформации под влиянием специфики конкретных видов деятельности. Но, признавая это, мы выступаем против широко распространенного в научной и учебной литературе сведения содержания медицинской этики к регламентированным взаимоотношениям врача с пациентом и коллегами. Это довольно бедная и узкая трактовка, имеющая сомнительные философские основания. Конечно, в этих отношениях есть этические моменты, но в их наиболее простом выражении. Наряду с ними, по нашему мнению, необходимо, причем в первую очередь, рассмотреть отношение общества, включая медиков и биологов, к здоровью всего населения, то есть нравственные принципы системы здравоохранения. При этом в качестве равноправного субъекта данных отношений выступают сами граждане, которые также должны нести ответственность за свое здоровье и формирование здорового образа жизни, соблюдение элементарных правил гигиены и профилактики заболеваний. Значительный интерес представляют также вопросы альтернативной, народной медицины.

Данной теме можно придать еще более полемический характер. Если согласиться с трактовкой медицинской этики как нормативного регулирования отношений внутри медицинского сообщества и его взаимоотношений с пациентами, то оказывается, что мы имеем дело с узко-профессиональным, групповым, закрытым для других поведенческим кодексом, рассчитанным на небольшой круг посвященных. С нашей точки зрения, такая корпоративная система профессиональных знаний в этическом плане весьма ограничена. Ее нормы не являются всеобщими, а ценности – общечеловеческими. Ее носителями выступает лишь медицинский персонал. Но ведь все люди так или иначе вовлечены в процессы функционирования медицины и охраны здоровья. Причем не только в качестве пациентов, но и как участники общественных дискуссий и экспертных оценок относительно не только болезней, но и факторов своего здоровья. Заинтересованное участие всего гражданского общества в этих диалогических, по своей сути, отношениях и реальных процессах народосбережения способствует превращению выработанных профессиональным и народным опытом знаний и традиций в особую этику.

И здесь мы бы хотели привести часто цитируемые слова известного врача и писателя В. В. Вересаева, сказанные им еще в 1903 г. в статье «По поводу «Записок врача»: «Как это ни печально, но нужно сознаться, что у нашей науки до сих пор нет этики. Нельзя же разуместь под нею ту специально-корпоративную врачебную этику, которая занимается лишь нормировкою непосредственных отношений врачей к публике и врачей между собою. Необходима этика в широком, философском смысле, и эта этика, прежде всего, должна охватить во всей полноте... вопрос о взаимном отношении между врачебной

наукой и живой личностью. Между тем даже частичные вопросы такой этики почти не поднимаются у нас и почти не дебатуются». Он подчеркивает, что вопрос «о правах человека перед посягающею на эти права медицинскою наукою неизбежно становится коренным, центральным вопросом врачебной этики» [4, с. 429, 443]. Как видим, уже в то время В. В. Вересаев рассматривал сознательное участие и права людей как необходимую составную часть медицинской этики.

Заключение

Если медицинская этика отличается некоторой описательностью и вниманием к эмпирическим материалам, то биоэтика представляет собой философскую рефлексию над нравственными вопросами развития биологии и медицины. Речь идет о человеческой деятельности в этих областях, оцениваемой с точки зрения нравственных ценностей и принципов. Биоэтика предлагает философское осмысление актуальных вопросов сохранения жизни на Земле и здоровья человека. Необходимость формирования этой науки (с медицинской этикой с ее практической направленностью все ясно) объясняется сложностью моральных проблем и требований, предъявляемых современному человеку, причем, не только специалисту в названных областях. Это вопросы общественного блага, добра и зла, справедливости, гуманности и т. д., которые придают смысл и моральное оправдание человеческому поведению. Причем биоэтика распространяет этическое отношение не только на человека, но и на все живое, на животных и на экологические условия нашей жизни. Тем самым она способствует формированию гуманистического планетарного мышления и решению острейших глобальных проблем.

Говоря о биоэтике как о новой научной и учебной дисциплине, следует ответить на вопрос, чем же она отличается от других частей традиционной социальной этики, в чем ее специфика. Разумеется, в первую очередь речь идет о новой предметной области, связанной с изучением моральных проблем существования всего живого в мире с общих позиций учения о нравственности и общечеловеческих ценностях. Однако ее особенности и сущностные черты не в полной мере осмыслены в отечественной литературе.

В этой связи интересны рассуждения Т. В. Мишаткиной, которая выделяет следующие принципиальные особенности биоэтики: универсальный и глобальный характер; нормативность предписаний; публичность; институциональность. Она обеспечивает переход от антропоцентризма, присущего старому мировоззрению, к заботе о жизни во всех ее проявлениях. Биоэтика учит человека отказаться от собственного эгоизма и безудержного использования окружающей среды в своих интересах и проявлять уважение и

ответственность по отношению ко всему природному миру. То есть гуманизм должен проявляться не только в отношении человека к самому себе, но и к остальной биосфере [8, с. 37–38]. К сказанному можно добавить и некоторые другие специфические черты, о которых уже шла речь – междисциплинарный характер; высокая степень формализованности, закреплённости в документах; преобладающее значение профессиональных знаний и др.

В заключение скажем, что биоэтика разрабатывает новые принципы и правила жизнедеятельности людей в

стремительно изменяющемся мире. Она имеет теоретическую форму и ценностно-нормативное содержание, в котором целостная картина биосферы подвергается философскому осмыслению и реконструкции. Биоэтика открывает людям смысл и цели их жизни, устанавливает необходимые стандарты и ограничения на их деятельность. Она предлагает новые подходы к решению глобальной задачи сохранения жизни на Земле. Поэтому ее изучение является обязательным условием компетенций современного специалиста.

Источники и литература / Sources and references

1. Бажутина Т. О. Биоэтика: учебное пособие. – Новосибирск: Сибмедииздат НГМУ, 2007. – 364 с.
2. Ботяжова О. А. Основы биоэтики. Ч. 1: текст лекций. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 64 с.
3. Введение в биоэтику. Учебное пособие / Отв. ред. Б. Г. Юдин. М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.
4. Вересаев В. В. Записки врача // Вересаев В. В. Соч.: в 4-х тт. Т. 1. – М.: Правда, 1985. – 560 с.
5. Викторук Е. Н., Минеев В. В. Биоэтика. Лекции и материалы к практическим занятиям: учебное пособие. – Красноярск, 2017. – 140 с.
6. Лопатин П. В., Карташова О. В. Биоэтика. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 272 с.
7. Михайлова Е. П., Бартко А. Н. Биомедицинская этика: теория, принципы и проблемы. Часть I: Теория и принципы биомедицинской этики. – М.: ММСИ, 1995. – 239 с.
8. Основы биоэтики: учебное пособие / под ред. Я. С. Яскевич, С. Д. Денисова. – Минск: Выш. шк., 2009. – 351 с.
9. Силуянова И. В. Биомедицинская этика: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 312 с.
10. Ушаков Е. В. Биоэтика: учебник и практикум для вузов. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 306 с.
11. См.: Хрусталева Ю. М. Биоэтика. Философия сохранения жизни и сбережения здоровья: учебник. – М., 2012. – 400 с.
12. Шамов И. А. Биомедицинская этика: Учебник. – М., 2013. – 275 с.
13. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
14. Яровинский М. А. Медицинская этика (биоэтика). – М.: ОАО «Изд-во «Медицина», 2006. – 448 с.
15. Encyclopedia of Bioethics / Reich W. Th. (ed.). N. Y. etc.: Macmillan, 1978. Vol. 1.
16. Potter V.R. Bioethics: Bridge to the Future. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1971. Рус. пер. – 2002, 2010 гг.

Информация об авторе:

Омеличкин Олег Викторович, д.полит.н., профессор кафедры философии и культурологии Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: omelichkin.ov@mail.ru.

Author information:

Omelichkin Oleg Viktorovich, Advanced Doctor in political science, Full Professor of the Department of philosophy and cultural studies of Kemerovo state medical University. E-mail: omelichkin.ov@mail.ru.

Ковалева Г. П.

ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: «НОМОСРЕАТРИХ» ИЛИ «НОМОСЕРВИТИУМ» («ЧЕЛОВЕК ТВОРЧЕСКИЙ» ИЛИ «ЧЕЛОВЕК СЛУЖЕБНЫЙ»)?

Аннотация

Предмет исследования – программа цифровой экономики России на 2019–2024 гг. как социокультурный феномен. Целью работы является изучение проблем перехода на цифровое образование в России через призму цифровой экономики, прогнозы и возможные социальные последствия этого перехода. В процессе работы применялся историко-философский метод, благодаря которому удалось проанализировать некоторые этапы развития образования в России, и системно-диалектический метод. Результатом работы являются выводы о необходимости развития в России эволюционной педагогики, направленной на получение знания через призму широкого современного научного мировоззрения. Ведущей задачей эволюционной педагогики должно быть воспитание духовно-развитой, культурной, творчески-созидающей

личности, способной решать широкий спектр проблем, занимать активную жизненную позицию и осознавать ответственность не только за свою жизнь, но и за судьбу других людей в России и на планете. Цифровая экономика и цифровые технологии должны служить средством для достижения этой цели, улучшения жизни и благосостояния граждан страны. Успешному внедрению нацпроекта будет способствовать создание «цифровой экологии» в рамках «духовной экологии».

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая школа, эволюционная педагогика, человек творческий, духовность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Источник финансирования

Данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Ковалева Г. П. Вызовы цифровой экономики: «Номосреатрих» или «Номосервитиум» («Человек творческий» или «Человек служебный»)? // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С.18–22.

PHILOSOPHY

Kovaleva G. P.

CHALLENGES OF THE DIGITAL ECONOMY: "HOMOCREATRIX" OR "HOMOSERVITIUM" ("CREATIVE PERSON" OR "SERVICE PERSON")?

Abstract

The subject of the study is the program of the digital economy of Russia for 2019–2024 as a sociocultural phenomenon. The purpose of the work is to study the problems of transition to digital education in Russia through the lens of the digital economy, forecasts and possible social consequences of this transition. In the process of work the historical and philosophical method was used, thanks to which it was possible to analyze some stages of development of education in Russia, and systemically dialectical. The result of the work is conclusions about the need to develop evolutionary pedagogy in Russia aimed at obtaining knowledge through the lens of a wide modern scientific world view. The leading task of evolutionary pedagogy should be the education of a spiritual-developed, cultural, creative-building

person who can solve a wide range of problems, take an active life position and realize responsibility not only for his life, but also for the fate of other people in Russia and on the planet. The digital economy and digital technology should serve as a means of achieving this goal, improving the lives and well-being of the citizens of the country. The successful introduction of the national project will be facilitated by the creation of a "digital ecology" within the framework of spiritual ecology.

Keywords: digital economy, digital school, evolutionary pedagogy, creative person, spirituality.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

For citation: Kovaleva G. P. Challenges of the digital economy: «Homocreatrix» or «Homoservitium» («creative person» or «service person») // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 3. P. 18–22.

В предстоящем десятилетии Российское государство планирует осуществить комплексную цифровую трансформацию экономики, государственной и социальной сферы, в том числе образования и здравоохранения. С этой целью разработан и активно внедряется национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [5], реализация которого рассчитана на период 2019–2024 годов.

Разработчиком нацпроекта «Цифровая экономика РФ» (ЦЭРФ) является созданная в 2017 году по инициативе Правительства Российской Федерации Автономная Некоммерческая Организация «Цифровая экономика» (АНО ЦЭ). Инициаторами создания этой организации выступили ведущие digital-компании: Фонд «Сколково», «Росатом», Сбербанк, «Почта России», МТС, Ростелеком, Mail.ru, «Ростех» и др. Генеральным директором этой некоммерческой организации является Евгений Владимирович Ковнир, который утверждает, что 14 марта 2018 г. в состав учредителей АНО ЦЭ вошла Российская Федерация, но не называет, в лице каких представителей. По его мнению, участие государства на площадке АНО обеспечит продуктивность совместной работы представителей правительства, бизнеса и экспертного сообщества по наиболее актуальным вопросам развития цифровой экономики [2].

Комплексная цифровая трансформация экономики и социальной сферы России, осуществление которой запланировано к 2024 году, позволит, с точки зрения авторов нацпроекта, модернизировать всю инфраструктуру государства на основе цифровых технологий. С февраля 2020 года руководителями проекта являются: Максут Игоревич Шадаев – министр цифрового развития, связи и коммуникаций и Дмитрий Николаевич Чернышенко – заместитель председателя Правительства Российской Федерации по вопросам цифровой экономики и инновациям, связи, СМИ, а также культуры, туризма и спорта. Е. В. Ковнир называет программу «Цифровая экономика РФ» живым организмом, способным гибко адаптироваться под потребности бизнеса и гражданского общества [2].

На реализацию нацпроекта «Цифровая экономика РФ» предполагается выделить из бюджетных и внебюджетных средств около 2 триллионов рублей.

В качестве целей данного национального проекта провозглашается следующее: 1) за счет всех источников увеличить затраты на развитие цифровой экономики; 2) создать устойчивую и безопасную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, сделать ее доступной для всех организаций и домохозяйств; 3) обеспечить государственные органы, органы местного самоуправления и организации преимущественно отечественным программным обеспечением [3, 4].

Данный нацпроект призван решить задачи создания на основе отечественных разработок системы правового регулирования цифровой экономики и глобальной конкурентной инфраструктуры для передачи, хранения и обработки всех данных. На основе внедрения цифровых технологий в сферу государственного управления, социальных услуг и т.д. планируется преобразование приоритетных сфер экономики, здравоохранения, образования, промышленности, сельского хозяйства, строительства, городского хозяйства, транспортной и энергетической инфраструктуры, финансовых услуг. Кроме того, предстоит разработать и внедрить национальный механизм осуществления согласованной политики государств – членов Евразийского экономического союза и обеспечить информационную безопасность страны. От нацпроекта ожидают, прежде всего, решения экономических проблем: быстрой окупаемости и получения прибыли за счет продажи цифровых технологий на мировом рынке и на территории страны. Ожидается, что внедрение цифровых технологий и платформенных решений будет выгодно широкому спектру предпринимателей, рядовым гражданам, улучшит сферу государственного управления и государственных услуг, будет способствовать повышению производительности труда [3, 4].

Реализация национального проекта по созданию цифровой экономики в РФ требует разработки соответствующего законодательства, модернизации и автоматизации цифровой инфраструктуры и всех бизнес-процессов – производственных, управленческих, инновационных и маркетинговых, подготовки квалифицированных кадров. Все эти преобразования могут сопровождаться серьезными как позитивными, так и негативными социальными последствиями, например, такими, как рост конкуренции и безработицы, рост спроса на кадры, владеющие цифровыми технологиями, и снижение востребованности ряда других профессий. То есть из экономической и профессиональной жизни будут исключаться (сокращаться) конкретные люди конкретных профессий, в том числе учителя, преподаватели высшей школы, юристы, чиновники и разного рода административные работники, работники в сфере здравоохранения, культуры и т.д. Собственно говоря, процесс сокращения рабочих мест и увольнения людей работоспособного возраста, в том числе с высшим образованием, имеет место и сейчас, но с внедрением цифровых технологий он значительно ускорится.

Ученые России прогнозируют, что к 2030 году на рынке труда исчезнут 57 «традиционных» профессий, но появятся 186 «новых» [1, с. 10]. Появление новых профессий потребует решения вопроса о переквалификации кадров. Если учесть, что с увеличением пенсионного возраста на рынке труда оказалось большое количество пожилых людей, которые плохо адаптируются к новым условиям труда и имеют затруднения в овладении цифровыми техно-

логиями, то риск стать безработным или малоквалифицированным работником для этой категории граждан резко увеличивается [7]. Поэтому необходимо уже сегодня продумать меры по защите тех граждан, которые попадают в зону риска и увольнения с работы.

Если говорить о правовых основах перехода к цифровой экономике в России, то специалисты обращают внимание на тот факт, что сегодня нет четкого определения понятий «цифровые кадры», «цифровая экономика», «цифровое образование», «цифровая медицина», «цифровое право» и т.д. Обобщенно цифровой экономикой называют хозяйственную деятельность, в которой ключевыми факторами производства являются цифровые данные [1, с. 7]. То есть для успешной реализации цифрового нацпроекта в ближайшее время необходимо разработать понятийную структуру, соответствующую законодательную и правовую базу.

В современной российской статистике к «цифровым кадрам» относят специалистов в области информационно-коммуникационных технологий. Но в государственном масштабе цифровому предпринимательству России требуется широкий круг специалистов, обладающих разного рода цифровыми компетенциями. Для подготовки таких специалистов следует разработать новые образовательные стандарты, новые программы и обучающие технологии, профессиональные компетенции и др. Вопросы трудоустройства специалистов требуют разработки соответствующей государственной стратегии на переходный период. Она должна учитывать вопросы установления взаимосвязи зарождающегося цифрового предпринимательства с вузами страны, четкое представление о цифровых компетенциях, которыми должны обладать соискатели и работники, способах их измерения, социальные последствия перехода на цифровизацию в различных сферах жизнедеятельности, установить тарифы дифференцированной оплаты за разно-квалифицированный труд и др.

Вопрос подготовки высококвалифицированных кадров, способных работать в условиях цифровой экономики, выдвигает на первое место задачу перестройки системы образования. Ряд отечественных исследователей обеспокоены тем, что результатом реализации нацпроекта «Цифровая экономика РФ» в сфере образования станет замена традиционной школы, в которой главными задачами ставились широкое образование и воспитание всесторонне развитой личности человека, на инновационные виды цифрового обучения, благодаря которым человек сможет овладеть цифровыми технологиями, получить навыки работы с цифровым оборудованием, но при этом быть узким специалистом с ограниченным эгоцентричным мировоззрением, нацеленным исключительно на личный успех и карьерный рост. В цифровой школе не планируется уделять серьезное внимание вопро-

сам самосовершенствования, нравственности, духовного развития. Цифровое образование будет осуществляться с помощью использования планшетов, смартфонов, Wi-Fi с интерактивными досками, электронных учебников, электронной библиотеки с обучающими компьютерными играми и пр., но при этом ученики, погруженные в виртуальный мир, могут испытывать отчуждение, отрыв от реальной действительности, семьи и общества. В ходе учебного процесса, в котором к минимуму сведено живое общение с преподавателями и другими учащимися, личность человека, возможно, будет нивелироваться, усредняться, беднее станет духовно-эмоциональная сфера и т.д. Это неизбежно скажется на психическом здоровье как учеников, так и учителей, или тех менеджеров, которые заменят преподавателей.

С точки зрения Ольги Николаевны Четвериковой – директора Центра геополитики Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, цифровое обучение сначала было апробировано в Московской электронной школе (МЭШ), а затем в Российской электронной школе (РЭШ). Теперь этот опыт планируется распространить на все образовательные учреждения в стране. О. Н. Четверикова считает, что программа цифровизации, на которую ориентируются создатели нацпроекта, написана Всемирным банком, а ее внедрение ударит по экономике России и ее суверенитету [6].

Одним из факторов социальных рисков в цифровой экономике России может стать планируемое создание Национальной системы управления персональными данными всех граждан. С одной стороны, такая система способствует решению ряда вопросов в бизнесе, промышленности, социальной сфере и сфере услуг. С другой стороны, ее данные могут попасть в нечестные руки, могут быть проданы за рубеж и использованы во вред россиянам и государству.

А как повлияет цифровизация на личность человека? Будет ли он чувствовать себя защищенным психологически, социально, экономически, политически, законодательно и со стороны государственной власти? Ведь с помощью цифровых технологий легко можно управлять сознанием человека. Не подготовит ли цифровая экономика кибергосударство и киберчеловека? Эти и многие другие вопросы требуют всестороннего изучения и глубоких размышлений о социальных последствиях цифровизации, принятии необходимых мер, защищающих личность человека, его свободу и жизнь.

Может быть, не стоит бездумно выбрасывать положительный опыт, накопленный в историческом развитии России, в частности в сфере образования? Традиции советской школы были заложены в 30-е годы XX века, когда по инициативе И. В. Сталина, возглавлявшего Отдел школ ЦК ВКП (б), был взят курс на возвращение к дореволюционной русской классической школе. В 1943-

1944 годах была создана Академия педагогических наук СССР, которая смогла суммировать и систематизировать лучший опыт в российском образовании. В те годы из системы обучения старались устранить формализм, а главной задачей, поставленной перед учителями и управленческими образовательными организациями, было повышение качества преподавания и воспитания. Реализация принятой программы в области просвещения стала основой фундаментального качественного образования и обеспечила успехи советской науки в ключевых сферах научно-технического прогресса начиная с 1950-х годов.

Целью советской школы было воспитание человека творческого, созидającego, ответственного и способного решать проблемы. Большое внимание уделялось гражданско-патриотическому и нравственному воспитанию. «Человек человеку друг, товарищ и брат», «Кто не работает, тот не ест», – на таких принципах трудолюбия, коллективизма, товарищества и взаимопомощи воспитывали с детства миллионы советских людей. Благодаря таким нравственным установкам и патриотизму стала возможной героическая победа советского народа над фашистской Германией в 1941–1945 годах, восстановление разрушенного войной хозяйства и создание мощной промышленной индустрии, освоение целинных земель, успехи советских ученых в освоении космоса и т.д. Но, начиная с 1960-х годов, начался очередной этап экспериментаторства в системе образования, который продолжается и по сей день.

Конечно, прогресс не стоит на месте. Сами по себе цифровые технологии представляют определенный интерес для системы образования, но не в качестве основной формы обучения, а лишь в качестве технически-вспомогательного средства, обеспечивающего доступность информации, наглядность, оперативность и пр. Кроме того, надо учитывать вредное влияние на здоровье человека электромагнитных излучений, исходящих от цифровых приборов, в силу чего их использование должно быть ограничено санитарными нормами и законами, охраняющими здоровье человека, особенно детей и подростков.

Человека творчески-созидающего, которого воспитывали в советской школе, можно назвать *homo-creatrix* (по аналогии с *homo sapiens*, согласно латинской фразеологии, или *populus creatrix*). В современном мире ему противостоит *homoservitium* – человек служебный (или *populus servitium*). Кого будет выпускать «цифровая школа»: *homo-creatrix* или *homoservitium*? Смогут ли новые цифровые технологии обеспечить живое общение учителя и ученика, учеников между собой в процессе обсуждения учебной задачи или гуманитарно-социальной проблемы в целом в повседневной жизни? Или цифровые технологии направлены на изолирование человека от общества, его отчуждение от семьи, друзей и других людей? Почему ничего не говорится о гуманитаризации

образования и возможна ли гуманитаризация цифровой школы? Эти и многие другие вопросы требуют изучения, гласности и широкого обсуждения. Наверное, следует поставить вопрос о создании «цифровой экологии» и сделать ее составляющей «духовной экологии».

В современной России образование рассматривают как сферу услуг. При таком подходе учитель – это всего лишь менеджер, который осуществляет образовательные услуги. То есть образование – это товар, который должен пользоваться спросом на рынке образовательных услуг. А для этого необходимо создавать конкуренцию среди образовательных учреждений и специалистов образования, дифференцировать образовательные учреждения на элитные и массовые и т.п. Но при таком отношении и личность человека тоже может расцениваться как товар, а значит, в человеке убивается духовное начало, являющееся основой нравственности, творчества, активной жизненной позиции. Возможно, с помощью цифровых технологий планируют создать новый виртуальный тип человека, изменить его сознание, превратить в набор функций, которые представляют товарную ценность. Не случайно ставка делается на новые технологии мышления, с использованием разного рода психотехник, с целью создания человека служебного (*homoservitium*), востребованного на глобальном рынке. Такой подход абсолютно несовместим с традиционной системой ценностей русской культуры. От него нужно отказаться.

Кардинально противоположный взгляд на человека дает философия русского космизма. В русском космизме человек понимается не только как природное разумное существо, обладающее способностью к познанию и социально-трудовой деятельности, но и как космическое существо, обладающее духовностью и глубокой интуицией, способностью к самосовершенствованию и самотрансценденции как реализации внутренней активности во внешние действия. Поэтому речь надо вести об эволюционной педагогике, способной формировать у человека на основе достижений современной науки, философии и культуры широкое мировоззрение, понимание глубинных основ бытия и осознание своего предназначения в нем в качестве человека творчески созидającego (*homo-creatrix*), как субъекта антропо-космологической эволюции, способного к духовной, а не только к интеллектуально-цифровой трансформации.

Новая педагогика должна быть не цифровой, а эволюционной. Цифровые технологии, цифровая экономика и т.д. – это всего лишь средства, обеспечивающие гармоничное развитие человека в единстве физического, интеллектуального и духовного.

Таким образом, нацпроект «Цифровая экономика РФ» призван обеспечить переход бизнес-организаций, структур государственной власти и социальной сферы на оте-

чественные виды машин, аппаратов, оборудования, робототехники и пр. на базе цифровых технологий, что будет способствовать повышению производительности труда, получению сверхприбылей digital-компаниями, появлению новых профессий, перестройке образования и улучшению функционирования многих сфер жизнедеятельности. Реализация нацпроекта требует разработки законодательной и правовой базы, мер по предупреждению и снижению возможных социальных рисков, безработицы, переквалификации и трудоустройства большого количества граждан и др.

Целью всех реформ Российского государства и общества должен быть человек как личность – творческий, созидательный, широко образованный и с развитым мыш-

лением, ответственный и способный решать различного рода проблемы. Проект «Цифровая экономика РФ» и все ее программы должны быть направлены на реализацию этой цели, обеспечивать гармоничное развитие личности человека через систему образования и воспитания, повышать благосостояние всех граждан России, создавать уверенность в завтрашнем дне. Устойчивое развитие России может обеспечить только «человек творческий» (homo-creatrix), а формирование «человека служебного» (homoservitium) повлечет за собой дальнейшую духовную деградацию и инволюцию, загонит человечество в тупик. Поэтому одной из задач текущего дня является создание «цифровой экологии», как составляющей «духовной экологии».

Источники и литература / Sources and references

1. Искиндаров М. А., Масленников О. В., Масленников В. В. Риски и шансы цифровой экономики в России // Финансы: теория и практика. – Т. 23. – № 5 – 2019.
2. Ковнир Е. В. Data – трансформация в действии – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://files.data-economy.ru/Interview/RSpectr_012018.pdf (дата обращения: 12.05.2020).
3. Национальный проект – цифровая экономика – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальный_проект_—_Цифровая_экономика (дата обращения: 16.05.2020).
4. Паспорт национального проекта «Цифровая экономика» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 16.05.2020).
5. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 14.05.2020).
6. Четверикова О. Н. Цифровизация – финальный этап ликвидации российской школы – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2639995.html> (дата обращения: 14.05.2020).
7. Шатило Ю. Е. Копкова Ю. С. Занятость и безработица в условиях цифровой экономики // Международный научно-технический журнал «Теория, практика, инновации». Октябрь 2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tpnauka.ru (дата обращения: 14.05.2020).
8. Iskindarov M. A., Maslennikov O. V., Maslennikov V. V. Risks and Chances of Digital Economy in Russia//Finance: Theory and Practice. – Vol. 23. – № 5. – 2019.
9. Kovnir E. V. Data – Transformation in Action – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://files.data-economy.ru/Interview/RSpectr_012018.pdf (дата обращения: 14.05.2020).
10. Распоряжение Правительства России от 28 июля 2017 г. №1632-р – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 14.05.2020).
11. Quaternikova O. N. Digitalization - the final stage of liquidation of the Russian school – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2639995.html> (дата обращения: 14.05.2020).
12. Shatilo Yu. E. Koptkova Yu. S. Employment and Unemployment in the Digital Economy//International Scientific and Technical Journal Theory, Practice, Innovation. October 2017 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tpnauka.ru (дата обращения: 14.05.2020).

Информация об авторе:

Ковалева Галина Петровна, к.филос.н., доцент кафедры философии и культурологии Кемеровского государственного медицинского университета.
E-mail: galinakov3012@rambler.ru.

Author information:

Kovaleva Galina Petrovna, Ph.D of Philosophy sciences, associate Professor of the Department of philosophy and cultural studies of Kemerovo state medical University.
E-mail: galinakov3012@rambler.ru.

Чирун С. Н.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация

В статье в качестве предмета рассматривается политика управления системой высшего образования России с целью оценивания её результативности и эффективности.

Автором выявлены особенности и тенденции российской государственной образовательной политики в области высшего образования, представлен их анализ. С ростом международной конкуренции на мировом образовательном рынке возрастает значение государственных институций в управлении и координации ресурсных потоков, необходимых для успешного функционирования и развития современных образовательных систем.

Проанализированы основные параметры эффективности

функционирования отечественной системы образования и трудности, связанные с анализом данных показателей.

Предложены рекомендации по повышению эффективности данного направления государственной политики. Названы основные проблемы и противоречия образовательной политики в системе высшего образования.

Ключевые слова: государственная политика, болонская система, образовательная политика, политические институты, реформа образования, высшая школа.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования

Данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Чирун С. Н. Высшее образование в современной России: проблемы и противоречия реализации образовательной политики // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 23–30.

SOCIOLOGY

Chirun S. N.

HIGHER EDUCATION IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS OF IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL POLICY

Abstract

The article deals with the management policy of the Russian higher education system in order to assess its effectiveness and efficiency.

The author identifies the features and trends of the Russian state educational policy in the field of higher education, and presents their analysis. With the growth of international competition in the global educational market, the importance of state institutions in managing and coordinating the resource flows necessary for the successful functioning and development of modern educational systems increases.

The main parameters of the effectiveness of the nation-

al education system and the difficulties associated with the analysis of these indicators are analyzed.

Recommendations for improving the effectiveness of this area of state policy are proposed. The main problems and contradictions of educational policy in the higher education system are named.

Keywords: public policy, the Bologna system, educational policy, political institutions, education reform, higher education.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

For citation: Chirun S. N. Higher education in modern Russia: problems and contradictions of implementation of educational policy // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 3. P. 23–30.

Образовательная политика: предпосылки, концепты и процесс социальных преобразований

С ростом международной конкуренции на мировом образовательном рынке возрастает значение государ-

ственных институций в управлении в координации ресурсных потоков, необходимых для успешного функционирования и развития современных образовательных систем.

В связи с этим актуализируется потребность в выявлении особенностей и тенденций российской государ-

ственной образовательной политики в области высшего образования, их последующем мониторинге и анализе.

Реализация политики в сфере высшего образования представляет собой сложный, в идеале – целостный процесс совершенствования системы высшего образования с целью достижения управляемого позитивного качественного изменения и приращения человеческого капитала. Она включает интеллектуализацию образовательной деятельности, фундаментализацию образования, внедрение инновационных информационных и сетевых образовательных технологий, меняющих в силу новых задач доминанту развития внутреннего потенциала системы высшего образования.

Советская система науки и образования на момент распада СССР была самой крупной в мире. В ней было сконцентрировано 20% научных работников всего земного шара. Как утверждали известные зарубежные эксперты, советские вузы имели хорошую репутацию с точки зрения качества высшего образования [26, р.116–117]. Однако вместе с отказом от плановой экономики становится необходимым и реформирование российского образования [13, с.145–148].

В 1992 г. принимается либеральный Закон «Об образовании». В нем ставилась задача разрушить монополию государства в сфере образования и перейти к управлению процессами в децентрализованном режиме. В частности предусматривалась конкуренция организаций и учреждений, предоставляющих образовательные услуги, в том числе путем приватизации вузов. Закон предоставлял возможности для создания негосударственных образовательных институций.

В начале 1993 г. в Российской Федерации насчитывалось 535 учреждений высшего образования, из которых 97 имели статус университетов. После внесения изменений в закон в 1996 г. все вузы были разделены на три категории: институты и академии формировали первую и вторую категории, а университеты были отнесены к самой престижной – третьей. Вместе с тем эксперты считают, что имел место стихийный процесс переименования институтов в университеты, что не соответствовало качеству обучения в данных учебных заведениях [15, с. 442].

Контрольным органом являлся Государственный комитет по высшему образованию. Ему подчинялись 219 вузов (1,4 млн студентов). Остальные вузы были распределены между 23 министерствами, которым и подчинялись (1,2 млн. студентов). Из них больше всего – 96 вузов подчинялись Министерству народного образования (400 тыс. студентов). Лишь в 1996 г. появилось Министерство общего и профессионального образования, которое вырабатывало унитарный подход к развитию сферы образования.

В 1992 и 1993 гг. многие регионы отказались платить налоги в федеральный бюджет. Произошло резкое сокращение ВВП и снижение доходной части бюджета. Расходы на

образование снизились с 1992 по 1998 г. с 5,8% до 3,45% ВВП. Даже зарплата сотрудникам вузов задерживалась на несколько месяцев. Все же остальные расходы вузы должны были покрывать из собственных доходов. Упрощение процедуры создания вузов привело к резкому и неоправданному увеличению их числа. Рабочие места в высшей школе теряли престиж по сравнению с работой в коммерческом секторе и на государственной службе. Происходила «утечка мозгов». За рубеж эмигрировали, по разным данным, от 500 до 800 тыс. ученых и инженеров [3, с. 34].

Глобальные и национальные аспекты идентичности в модусах образовательной реформы

Глобализационные процессы несомненно оказывают колоссальное влияние на систему высшего образования. В то же время пока отсутствует единый подход в оценке глобализационного процесса для системы высшего образования различных стран и регионов.

Существует несколько наиболее сильных подходов к анализу процессов глобализации в образовании. Рассмотрим некоторые из них.

Ведущее значение в рамках мир-системного (неомарксистского) подхода И. Валлерстайна уделяется капиталистическому миру-экономике, единственному, который сумел выжить и победить в конкурентной борьбе иные общественные системы, поглощая последние, одну за одной. Структура мира-экономики включает в себя: ядро, полупериферию и периферию. Выраженное отставание государств периферии, является, с точки зрения неомарксистов следствием их эксплуатации, государствами образующими ядро мир-системы. Для этих целей успешно применяются технологии разделения труда, извлечения ренты и создания новых рынков для сбыта избыточной продукции, производимой в рамках общества потребления. Таким образом, отношения внутри современной мир-системы, состоящей из ядра, полупериферии и периферии, характеризуются отношениями высокой конфликтности.

Представления о господстве стран ядра и в первую очередь государства-гегемона над странами периферии и полупериферии, использования силового аппарата для поддержания действующей экономической модели глобального разделения труда используются сторонниками научной школы «Зависимости» для объяснению тех явлений, которые являются следствием влияния процессов глобализации на развитие и реформирование высшего образования.

Как правило, исследования представителей данной школы делают акцент на анализе влияния международных транснациональных структур на экономические, политические и социальные процессы, непосредственным образом затрагивающие развитие системы высшего образования.

Например, укажем исследования таких учёных, как

К. Кемпер в которых он доказывает наличие выраженной корреляции между теориями структурной перестройки, которые были в своё время навязаны политическому классу Бразилии со стороны Всемирного банка и Международного валютного фонда – с одной стороны и вынужденным сокращением государственного финансирования высшего образования Бразилии – с другой стороны [25, р. 429–455].

Аналитики утверждают, что многие из ведущих международных организаций, выделявших финансовые средства, в итоге стали драйверами проведения радикальной неолиберальной политики в Латинской Америке [28, р.55–79].

Пусть даже Всемирный банк создаёт видимость поддержки проектов, которые, на первый взгляд, должны казалось бы способствовать социальной справедливости, однако данная финансовая помощь базируется на идеях нелиберальной модели экономики, окончательно оформленной в рамках Вашингтонского консенсуса.

Недостатком мир-системного подхода, с точки зрения его применимости в анализе техпроцессов, которые сегодня наблюдаются в образовании, связана с представлениями о заинтересованности государств ядра в сохранении отсталости стран периферии с целью недопущения их самостоятельного развития и сохранения системы кабальной эксплуатации стран периферии со стороны государств ядра.

В ситуации глобализации процессы в высшем образовании управляются правительствами и университетами суверенных государств на основе универсальных моделей. Однако затем данные модели проходят этап федерализации, когда в каждом конкретном государстве и вузе эти модели трансформируются в соответствии с национальными традициями и спецификой доминирующей культуры. Кроме того, на трансформационные процессы оказывает огромное влияние текущий баланс сил и интересов экономических, политических и социальных игроков.

Другой подход, «Glonacal Agency Neuristic», представляет собой аналитическую модель, разработанную политологами С. Маргинсоном и Г. Родсом. В данной модели на первый план выдвигаются интересы национальных государств, агентов национального рынка, а также национальной модели высшего образования. Особое внимание авторы данного подхода обращают на интересы экономики в этих отношениях.

В данном подходе выделяется три уровня анализа процессов в сфере высшего образования. А именно: глобальный, региональный и локальный [29, р. 101–128].

Новая теория институционализма рассматривает вопрос о том, каким образом осуществляется интеграция образовательных структур и институтов вокруг интегрирующих оснований. Так Б. Рассер и Дж. Майер в своей работе «Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемония», определяют институционально-организационные нормативы как социально конструируемые мифологемы [8, р. 340–363].

Вузы, для обладания необходимой легитимностью, чтобы поддерживать доступ к ресурсам и благодаря этому выживать, должны быть максимально интегрированными и чувствительными к интересам и потребностям собственного окружения. Так, к примеру, университеты в развивающихся странах, сотрудничая с престижными вузами развитых стран, повышают свой статус, что помогает им получать такие ресурсы, как спонсорские пожертвования и помощь выпускников, а также получение преподавателями исследовательских грантов.

Институциональные ограничения трансформируют характеристики инкорпорирования условий среды через механизмы изоморфизма, который является сдерживающей и гомогенизирующей силой.

Это обусловлено унифицированными представлениями о структурных особенностях подобного рода учреждений, что отражает специфику изоморфизма. Существуют следующие разновидности изоморфизма:

1. Вынужденный изоморфизм, когда ведущие институты навязывают системную институциональную трансформацию. В высшей школе изоморфизм обычно является результатом государственной образовательной политики.
2. Миметический изоморфизм, проявленный в симуляции деятельности прочих институций.
3. Нормативный изоморфизм относится к тем институциональным нормам, которые предполагают нормативное обоснование.

После вступления в должность Президента РФ В. В. Путина в 2000 г. была разработана Национальная доктрина образования в Российской Федерации [16]. Ядром модернизационной политики стала выработка многочисленных норм, правил и установлений, необходимых для формирования «цивилизованного» рынка образовательных услуг. Ст. 43.3 Конституции РФ предусматривает бесплатное получение высшего образования на конкурсной основе, т.е. гарантирует его получение только для выигравших в конкурсе и побуждает остальных обращаться за получением платных образовательных услуг.

Несмотря на все усилия бюрократия, особенно в секторе высшей школы, продолжала разрастаться, коррупция усиливалась, а механизм получения образования остался абсолютно непрозрачным [9, с. 82–98].

В 2005 г. образование было объявлено одним из четырех приоритетов развития государства. Приоритетный национальный проект «Образование» требовал максимального привлечения административных и финансовых ресурсов на развитие инфраструктуры, поддержку лучших практик.

Механизмом достижения качества высшего образования явилась система аккредитации. Она проводилась в период с 1997 по 2004 гг. специальной коллегией непосредственно в Министерстве образования и науки, а в 2004 г. эта функция была передана специальному органу контроля и надзора –

Федеральной службе по надзору за качеством образования и науки (Рособрнадзор). При этом в России аккредитацией вузов занимается исключительно государство.

Правительство руководствовалось принципом «маяка». Ряд крупнейших федеральных вузов должны были заслужить мировое признание и стать образцом для прочих учебных заведений высшей школы.

Для этих целей Московский и Санкт-Петербургский университеты в 2007 г. получают статус национальных университетов, получают дополнительное финансирование и управленческую самостоятельность [15].

Следующими по рангу престижности стали Национальные исследовательские университеты. За этот статус в России боролись 110 вузов. Такой вуз предполагает интеграцию науки и практики и работает, по сути, как бизнес-структура.

Следующая категория оказалась представлена федеральными университетами [21]. Особенность статуса данной категории заключалась в том, что на каждый федеральный округ должен был приходиться один федеральный университет. Формирование федеральных университетов осуществлялось по следующей схеме: к классическому государственному университету, действующему в регионе, добавляли прочие действующие в регионе образовательные учреждения высшей школы.

На процесс трансформации отечественного образования от советской к российской модели оказывали огромное влияние западные институциональные стейкхолдеры. Среди них: бюро Европейской комиссии, реализовывавшее программу Tempus; Институт международного образования, реализующий программы Форда и Фулбрайта, и многие другие [19, с. 6–12]. Такое партнёрство было выгодно российским вузам, поскольку помогало перекрывать дефицит финансирования и, будучи закреплено в «дорожной карте», расширяло перспективы их развития [10, с.134].

Однако, по мере роста геополитической напряженности и приближения к границам России зоны «цветных» революций, отношение власти к западным гуманитарно-образовательным проектам и западным НКО стало стремительно меняться [8, с. 57–74]. Например, по этой причине «Институт Открытое общество» Фонда Сороса с 2003 года значительно снизил активность по финансированию образовательных проектов для России, а затем и вовсе прекратил здесь свою работу.

Колоссальное влияние на процессы, происходящие в российской высшей школе, оказало присоединение Российской Федерации к Болонскому процессу. Первым был Российский университет дружбы народов (РУДН), где началось введение двухуровневой системы высшего образования. С 1996 г. началось повсеместное внедрение бакалавриата и магистратуры. Однако большинство выпускников российских вузов по-прежнему получали диплом специалиста [7, с. 23–33]. Россия присоединилась в 2000 г. к Лиссабонской конвенции Совета Европы и ЮНЕСКО, что обеспечило признание ди-

пломов о высшем образовании, полученных за границей. С 2001 г. ФГБУ «Росаккредитация» является полноправным членом Международного союза агентств по обеспечению качества высшего образования (INQAAHE), а с 2002 г. является членом Ассоциации агентств по высшему образованию стран Центральной и Восточной Европы (CEE).

В 2002 г. начинается экспериментальное применение балльно-рейтинговой системы оценки в Российском университете дружбы народов. В сентябре 2003 г. Россия подписала Болонскую декларацию и тем самым вступила в Болонский процесс с целью интегрировать отечественные вузы в европейское образовательное пространство. Видимо, присоединение к Болонскому процессу было обусловлено стремлением к коррекции имиджа страны, а также повышению значимости России на международной арене. Болонские преобразования коснулись, в первую очередь, введения многоуровневой структуры: бакалавриат (сроком обучения 3–4 года), магистратура (1–2 года), докторантура (аспирантура; срок обучения 3 года) с последующей защитой диссертаций и присуждением учёных степеней.

Помимо государственной власти и представителей академического сообщества в дискуссии участвовали разнообразные заинтересованные стейкхолдеры, представляющие российский бизнес и НКО.

Отрицательную позицию по отношению к Болонскому проекту, обусловленную сокращением срока получения высшего образования, высказывало руководство Московского государственного университета [12].

Оппонентами назывались такие недостатки Болонской системы, как профессиональная невостребованность бакалавров на рынке труда; увеличение продолжительности обучения, а, следовательно, и удорожание.

Проблемой стала и утрата научной базы для российской высшей школы [23, с. 3], поскольку в аспирантуру теперь можно поступить лишь после окончания магистратуры. Изначально Россия оказалась в неравных стартовых условиях с государствами ЕС.

Исследователи отмечают снижение качества высшего образования вследствие сокращения срока обучения до четырех лет, поскольку большинство выпускников бакалавриата не идёт в магистратуру [14, с. 23–26]. Кроме того, негативным последствием перехода к Болонской системе для России стало обострение проблемы «утечки мозгов» [1, с. 212–215].

Лоббистами болонских новаций стало руководство Санкт-Петербургского государственного университета [5, с. 24–25], а также бывший министр, а ныне председатель ВАК, ректор РУДН Владимир Михайлович Филиппов [22, с. 5–9].

Лоббисты утверждали, что присоединение к Болонскому процессу будет способствовать модернизации российской высшей школы. Элементы Болонского процесса присутствовали в «Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы».

Федеральный закон «Об образовании» 2007 года № 232-ФЗ сделал двухуровневую систему высшего образования и участие в Болонском процессе обязательным для российских вузов.

В соответствии с Указом Президента «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» от 07.05.2012 № 599 началась реализация проекта «5–100». Цель этого проекта заключалась в том, чтобы вывести не менее 5 российских вузов в 100 наиболее престижных вузов по трем международным рейтингам: «Quacquarelli Symonds»; «Times Higher Education»; «Academic Ranking of World Universities» [17].

Перед вузами-участниками были поставлены жесткие рамочные условия, в числе которых – привлечение в штат не менее 10% иностранных преподавателей и в состав студентов не менее 15% иностранцев. При этом, как справедливо отмечает профессор А. В. Торкунов, «затраты на приглашение преподавателей из-за рубежа... непропорционально высоки по сравнению с отдачей от такого рода программ...» [20, с. 10].

Однако сам процесс перманентного реформирования высшего образования порядком утомил общество. Так, по данным ВЦИОМа, в начале 2016 г. министр образования и науки Д. В. Ливанов оказался самым непопулярным министром.

Наиболее острым, с социально-политической точки зрения, и вызвавшим ожесточенную полемику, как в профессиональном сообществе, так и в российском обществе, стало реформирование ряда направлений [35, с. 22–30].

Актуальные конструктивные и деструктивные аспекты социальных преобразований в высшей школе

Сегодня для большинства вузов крайне остро встал вопрос об увеличении соотношения числа студентов и преподавателей.

Это приводит, во-первых, к сокращению штата преподавателей, а во-вторых, негативно сказывается на дисциплине и успеваемости студентов, поскольку последние, как правило, хорошо информированы о том, что их возможное отчисление по причине неуспеваемости (выбытие студентов) [6] повлечёт за собой, как следствие, также и снижение нагрузки профессорско-преподавательского состава. С одной стороны, это вынуждает преподавателей заниматься симуляцией студенческой успеваемости, дабы избежать отчислений, которые больно бьют по благополучию преподавателей. А с другой стороны, это негативно сказывается на мотивации студентов [2, с. 127–130].

Реальная перспектива снижения и без того низкого статуса вузовского работника разрушает лояльность ППС по отношению к действующей власти.

Во-вторых, понятие «эффективный контракт» остается весьма размытым, что создаёт предпосылки для реализа-

ции коррупционных схем в образовании, поскольку позволяет администрации вузов трактовать его достаточно произвольно и, опираясь на поддержку «карманных профсоюзов», увольнять даже хороших преподавателей в случае их неспособности к поиску внебюджетных источников финансирования (гранты, целевые программы, хоздоговор) для пополнения финансовых ресурсов образовательного учреждения.

Наши исследования, проведенные методом фокус-групп при поддержке фонда «Сибирская политика» на территории Кемеровской области, показали, что в некоторых случаях преподаватели, поставленные перед дилеммой внесения средств или увольнения (оптимизации), «идут на хитрость», заключая фиктивный хоздоговор и внося в вузовскую кассу средства из собственных довольно скудных сбережений. Фокус-группы, а также проведенный нами экспертный опрос, показали, что наиболее часто подобная практика реализуется в КемГСХИ (Кемеровский сельскохозяйственный институт) и значительно реже в других вузах Кузбасса.

Подобная же симулятивная ситуация, как показали наши исследования, проведенные при поддержке фонда «Сибирская политика», сложилась и в сфере повышения квалификации профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, формальная отчетность по которой, с одной стороны, жестко контролируется, а с другой стороны — средств на её реализацию не выделяется. В результате ППС, на чьи плечи администрацией вузов перекладывается финансовая нагрузка за обязательное повышение квалификации, оказывается заинтересован уже не в реальном повышении квалификации, но в приобретении по приемлемой цене формального документа о повышении квалификации установленного образца. Фактически же исследования (данные по Кемеровской области) показали, что на региональном уровне наблюдается массовая симуляция повышения квалификации ППС, а также наблюдаются и другие «промысловые» и симулятивные практики в сфере образования, исследованием которых в настоящее время активно занимается фонд поддержки социальных исследований «Хамовники» под научным руководством профессора С. Г. Кардонского.

В-третьих, низкий уровень оплаты труда находится в противоречии с колоссальной преподавательской нагрузкой. Так, за последние 10 лет наблюдается существенный рост аудиторной и внеаудиторной нагрузки в расчёте на ставку ППС, что сопровождалось сокращением штатных единиц. Отметим, что сегодня аудиторная нагрузка на ставку преподавателей в государствах Евросоюза в 3–5 раз ниже, чем в России.

Исследование, проведенное нами при поддержке фонда «Сибирская политика» в феврале – марте 2018 г., состояло из пяти фокус-групп, в которых принял участие ППС из двух естественнонаучных – технических и двух гумани-

тарных вузов Кемеровской области. В каждом из отобранных вузов проводилось по две фокус-группы – для преподавателей и для студентов. Кроме того, была проведена пятая – контрольная фокус-группа, в которой участвовали респонденты, не имеющие прямого отношения к системе высшего образования. В категории ППС наше исследование показало существенное снижение рейтинга институтов государственной власти (законодательной и исполнительной) в сравнении с фокус-группами студентов и с контрольной группой.

В-четвертых, наблюдается противоречие между, с одной стороны, ростом оплаты за получение образовательных услуг и, с другой стороны, – сокращением количества бюджетных мест в высших учебных заведениях страны. Особенно данная проблема касается провинциальных вузов. Отметим, что указанная ситуация находится в противоречии с общеевропейской практикой, где всё большее количество членов ЕС (Германия, Чехия, Швеция, Польша, Финляндия и др.) переходят на бесплатное высшее образование. Однако большинство близких власти российских либеральных экспертов (А. А. Фурсенко, Д. В. Ливанов, А. Л. Кудрин, Я. И. Кузминов, Г. О. Греф, В. Л. Иноземцев) рассматривают целесообразность массового высшего образования в России в преимущественно негативном аспекте. Если обобщить их точку зрения, то выходит, что массовизация высшего образования не только вредна для российской экономики, но, более того, она совершенно недопустима, поскольку неизбежно приведёт к снижению и без того невысокого качества российского высшего образования [4, с. 84].

В-пятых, сильное раздражение в среде ППС вызывает непропорционально высокий разрыв в оплате труда между высококвалифицированным ППС и руководством вузов, достигающий соотношения 1/20 и выше. Поляризация доходов, а также административный произвол руководства ряда вузов, создали ситуацию, для описания которой идеально подходит понятийно-категориальный аппарат неомарксизма (Р. Дарендорф и др.). По сути, речь идёт о формировании двух антагонистических классов – управляющих (элитарным слоем вузовской администрации) и управляемых (штатным составом ППС), между которыми отсутствует даже намёк на солидарность.

В-шестых, оценка ППС по наукометрическим показателям, и в первую очередь по базам Web of Science и Scopus, являющихся важнейшими показателями в международных рейтингах вузов. Этой ситуацией пользуются появившиеся в огромном количестве околонулевые теневые структуры, предлагающие для ППС лоббизм публикационных интересов через оказание платных посреднических услуг. Отметим, что в наиболее тяжёлом положении оказались преподаватели социально-гуманитарных наук, ведь их научные работы зачастую не принимаются зарубежными издательствами к печати сугубо по геополитическим и идеологическим причинам, связанным с усиливающимся кризисом отноше-

ний между неопатримониальной Россией и либеральным Западом. Причём магистральной общемировой тенденцией современного высшего образования является его либерализация. В сфере административно-правового регулирования высшего образования, по нашему мнению, данная тенденция нашла своё выражение в следующих явлениях и процессах:

- в переходе от ориентации на учреждения высшего образования к ориентации на студентов и их потребности;
- в поощрении конкуренции на рынке высшего образования;
- в переходе к оценке качества результата обучения по критерию социальной успешности выпускников;
- в переходе к стратегическому планированию на основе рыночных моделей.

В-седьмых, рост документооборота в вузе, в том числе за счет перманентной модернизации ФОСов, не находит поддержки и понимания в преподавательской среде, способствует перегрузкам, высокой утомляемости ППС и в итоге приводит к снижению качества оказываемых преподавателями образовательных услуг и, как следствие, к снижению престижа российских образовательных учреждений высшего образования.

Во многом отмеченные выше проблемы и противоречия в развитии высшей школы стали следствием стратегических ошибок и просчётов в системе государственного управления.

Так, по отношению к высшему образованию, начиная с 90-х годов XX века, преобладал неолиберальный подход. И даже сейчас, в условиях серьезных изменений, связанных с формированием в молодёжной среде патриотического сознания, воспитания, основанного на традиционных ценностях, в основе своей этот подход сохраняется и находит свое выражение в следующем:

- минимизация государственной поддержкой бесплатного образования;
- переход от финансирования высшей школы к финансированию подготовки рабочих специальностей;
- ориентация на международное признание достижений российского образования.

Например, много говорилось и говорится о модернизации, когда российское образовательное пространство рассматривается как инновационная база для грядущего технологического прорыва.

Чрезвычайно значимым аспектом в развитии современной высшей школы являются процессы трансформации их взаимодействия с бизнес-структурами.

В ситуации доминирования «экономики знаний», знаменующей собой новый этап развития постиндустриального общества, базирующегося на инновационных технологиях, общественный прогресс предполагает в качестве ведущего условия трансформацию когнитивного компонента в генеральную детерминанту общественного развития.

В этих условиях наблюдается существенная активизация взаимовыгодного сотрудничества институций высшего образования и бизнеса. Так, в частности наблюдается популяризация модели двойной спирали: «национальных инновационных систем» и «предпринимательского университета» [24].

Данные концептуальные построения постепенно привели к формированию идеи о дополнительной миссии университетов, когда помимо обучения и развития науки высшая школа занимается включением в общественное производство через технологический транзит междисциплинарности к вхождению на рынок труда. С этим связана актуальная в условиях глобализации потребность выхода университетов за рамки узко-академического сообщества и достижение взаимовыгодного и эффективного взаимодействия с бизнесом.

В новых условиях приоритет должен быть отдан повышению качества человеческого капитала с учетом потребностей экономики и конкурентной ситуации на национальных рынках. Инвестиции бизнеса в институты образования и профессионального обучения рассматриваются как вложение в долгосрочное общественное развитие.

Корреляционную связь между качеством высшего образования и перспективами индивидуальных профессиональных траекторий можно рассмотреть с нескольких позиций.

Прежде всего вызывает интерес соотношение между субъективными и объективными факторами успеха и условиями той социально-профессиональной среды, в которой индивид формируется и взаимодействует на основе своих личностных и профессиональных компетенций.

В данной ситуации в числе основных приоритетов анализа оказываются рассмотрение стратификационных характеристик выпускника, качество получаемого им образования, методика преподавания, организационная культура конкретного вуза, а также такие параметры, связанные с его профессиональной деятельностью, как характеристики работы, связанные с ней межличностные отношения, рынки труда, новые формы работы и организации трудовой деятельности.

На развитие интеллектуального капитала в процессе получения высшего образования целесообразно посмотреть и с точки зрения конкурентоспособности на глобальном рынке труда, со стороны различных стран и народов.

Здесь важно понять, на основании каких критериев и показателей бизнес-сообщество оценивает профессиональный и личностные характеристики студента, репутационный статус вуза в бизнес-сообществе, а также те противоречия и угрозы, с которыми сталкивается бизнес, принимая на работу выпускников университетов, не имеющих достаточного опыта практической работы.

В этой связи наблюдается значительная активизация сотрудничества бизнес-сообщества и вузовской научной об-

щественности уже на стадии разработки учебных планов, программ по образовательным курсам, в первую очередь тем, которые имеют практическую направленность, планирования и организации производственных практик.

Вместе с тем очень важно понимать объективные различия в подходах к существующим критериям оценивания качества подготовки выпускников, которые присутствуют между академической общественностью и бизнес-сообществом в конкретных сферах профессиональной деятельности.

Таким образом, для достижения корректности в обеспечении указанных подходов очень важно учесть важный нюанс: кто является работодателем – государственный или частный бизнес?

В том случае, если речь идёт о подготовке кадров для государственной службы, то подготовка должна вестись на основе государственных образовательных стандартов. Если работодателем выступает частный бизнес, то именно предприниматели либо их союзы должны определять содержание и выбор форм обучения будущих кадров.

Смена руководства Министерства образования и науки в августе 2016 г. породила надежды на возможные позитивные изменения после отставки Д. В. Ливанова. Профессор Саратовского государственного университета, философ и известный блогер В. В. Афанасьева даже написала открытое письмо руководителю министерства образования и науки Татьяне Васильевой, где перечислила пять признаков тяжёлой болезни системы российского высшего образования.

В заключении отметим, что вряд ли стоит рассчитывать на быстрое разрешение названных выше проблем и противоречий высшего образования.

Во-первых, необходимо учитывать финансовую составляющую любых радикальных изменений, особенно в условиях экономического кризиса и международной изоляции России.

Во-вторых, сформировались группы интересов и лоббирования в области государственной образовательной политики, различной, а подчас даже противоположной направленности. Видимо, именно с этим связана столь частая смена министров, отвечающих за сферы образования и науки в нашей стране.

В-третьих, обозначился раскол общества в отношении к реформам высшего образования. Поэтому даже у апологетов реформ российского высшего образования нет единства в вопросе о масштабах и характере требуемых изменений.

Между тем, неустроенность системы высшего образования с её проблемами перманентного снижения социального статуса ППС и девальвацией ценности научных знаний требует внимания и принятия конкретных мер, направленных на скорейшую оптимизацию системы.

Более того, уже сам факт наличия указанных проблем содержит в себе угрозу роста оппозиционных настроений среди профессорско-преподавательского состава россий-

ских вузов, нарастания в их среде антисистемных настроений или, напротив, политической апатии.

В любом случае данная ситуация является существенным фактором риска с точки зрения стабильности сфор-

мировавшегося в России политического режима, поскольку речь идёт о высококвалифицированных профессионалах, непосредственно влияющих на процесс политической социализации студенческой молодёжи.

Источники и литература / Sources and references

1. Андриюшина Е. В., Луценко Н. О. Влияние современной российской государственной образовательной политики на процессы образовательной миграции // Государственное управление. Электронный вестник – № 66. – Февраль 2018.
2. Балашов В. В., Пацула А. В., Ленёв Р. В. Проблема мотивации научной деятельности студентов вуза: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования. – 2016. – № 4.
3. Беляков С. А. Система финансирования образования: анализ эффективности. – М.: Технолечать, 2008.
4. Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования/ Educational Studies Moscow. – 2017. – № 3.
5. Вербицкая Л., Касевич В. Кто боится Болонского процесса? // Высшая школа XXI века. – 2007. – № 8.
6. Горбунова Е. В. Выбытия студентов из вузов: исследования в России и США // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. – 2018. – № 1. – С. 110–131.
7. Гостев А. Н. Муниципальное управление трудоустройством населения // Социология образования. – 2015. – № 2. – С. 23–33.
8. Гостев А. Н. Социально-психологическая подготовка населения в условиях обострения геополитических противоречий // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: закономерности развития и нац. особенности политики, экономики и права. – М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2007. – С. 57–74.
9. Гостев А. Н., Борисова Е. А., Демченко Т. С. Коррупция в системе вузовского образования: проблемы и пути разрешения // Социология образования. – 2013. – № 7. – С. 82–98.
10. Гостев А. Н., Демченко Т. С. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства: Монография. – М.: Изд-во СГУ, 2011.
11. Гуров В. А. Политическое образование и университет в современной России // Политика: наука, философия, образование. – СПб: СПбГУ, 2011.
12. Колесникова К. Ректор МГУ назвал ошибкой переход вузов на четырехлетнее обучение // Рос. газета. № 7146 (278) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/07/rektor-mgu-nazval-oshibkoj-perehod-vuzov-na-chetyrehletnee-obuchenie.html> (дата обращения: 16.04.2019).
13. Ленёв Р. В. Теория социального управления в высшей школе: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 183 с.
14. Михайлова Н. В. Высшее образование в России: проблемы и перспективы // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2016. № 3 (10). С. 23–26 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://поснавка.поснавка.орг/assets/mikhailova_vyssheobrazovanievrossii.pdf (дата обращения: 17.03.2019).
15. О Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете: федеральный закон от 10.11.2009 № 259-ФЗ – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93587 (дата обращения: 17.03.2019).
16. О национальной доктрине образования в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 04.10.2000 № 751 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения: 14.03.2019).
17. Рейтинг лучших университетов мира по версии Times Higher Education – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info> (дата обращения: 11.04.2019).
18. Серякова С. Б., Красинская Л. Ф. Реформа высшего образования глазами преподавателей: результаты исследования / Высшее образование в России. – № 11, – 2013. – С. 22–30.
19. Торкунов А. В. Российские вузы в процессе интернационализации. Вызовы и приоритеты // Международные процессы. – Том 15, – № 1, – С. 6–12.
20. Торкунов А. В. Российские вузы в процессе интернационализации. Вызовы и приоритеты // Международные процессы. – 2017. – Том 15. – № 1. – С. 10.
21. Федеральные университеты 10 // Российское образование. Федеральный портал – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu.ru/vuz/federal> (дата обращения: 10.05.2019).
22. Филиппов В. М. Болонский процесс и «Дорожная карта России - Евросоюз» // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 1. – С. 5–9.
23. Шаракшанэ С. А. Укороченные стандарты – наше будущее? // Российская философская газета. – 2009. – № 6. – С. 3.
24. Etzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. – London: Routledge, 2008.
25. Kemper K. Education in the era of neoliberal globalization: Latin America in comparative perspective // Higher Education. – 2002. – № 43. – P. 429–455.
26. Lenz R. Internationalisierung, Kooperation und Transfer. Externe bildungspolitische Akteure in der Russischen Federation. – Stuttgart: ibidem-Verlag, 2015.
27. Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // The American Journal of Sociology. – 1977. – № 83. – P. 340–363. 8
28. Musselin C. Towards a European academic labour market? Some lessons drawn from empirical studies on academic mobility // Higher Education. – 2004. – № 48. – P. 55–79.
29. Salerno C. Public money and private providers: Funding channels and national patterns in four countries // Higher Education. – 2014. – № 48. – P. 101–128.

Информация об авторе:

Чирун Сергей Николаевич, д.полит.н., доцент кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета. E-mail: sergii-tschn@mail.ru.

Author information:

Chirun Sergey Nikolaevich, Advanced Doctor in Political science, associate professor departments of philosophy and social Sciences of Kemerovo state University. E-mail: sergii-tschn@mail.ru.

Бирюков С. В., Барсуков А. М.

СЕРГЕЙ БАБУРИН И РОССИЙСКИЙ ОБЩЕНАРОДНЫЙ СОЮЗ: ФЕНОМЕН «ЛЕВОГО НАЦИОНАЛИЗМА» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию современного положения и перспективам «левых» сил в современной России. Авторы анализируют дискурс представителей «левого» национализма как особого политико-идеологического феномена. В исследовании представлена авторская концепция и взгляд на особенности процессов демократизации и причины неспособности «левых» сил донести до избирателей собственные идеи и модель модернизации. Это привело, по нашему мнению, к тому, что российские левые силы в 2000-е годы не смогли так же сформулировать последовательного системного ответа на вызовы, стоящие перед российским обществом. Авторы считают, что положение российских левых сил осложнилось продвижением

со стороны власти новых геополитических проектов. В результате произошла маргинализация российских «левых» сил. Тем не менее, авторы утверждают, что, несмотря на неудачи прежних попыток Сергея Бабурина вернуться в большую российскую политику, явно преждевременно говорить об истощенности и невостребованности его идей в российском обществе.

Ключевые слова: национализм, Сергей Бабурин, российский общенародный союз, Россия, ксенофобия, патриотизм.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования

Данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Бирюков С. В., Барсуков А. М. Сергей Бабурин и Российский общенародный союз: феномен «левого национализма» в контексте политического процесса в современной России // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 31–43.

POLITICAL SCIENCE

Biryukov S. V., Barsukov A. M.

SERGEY BABURIN AND THE RUSSIAN PEOPLE'S UNION: THE PHENOMENON OF «LEFT-WING NATIONALISM» IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL PROCESS IN MODERN RUSSIA

Abstract

The article is considering the current situation and prospects of the "leftist" forces in modern Russia. The authors analyze the discourse of representatives of the "leftist" nationalism as a special political and ideological phenomenon. The research presents the author's concept and view on the features of the processes of democratization and the reasons for the inability of the "leftist" forces to convey its own ideas and model of modernization to the voters. In our opinion, this led to the fact that the Russian left forces in the 2000s were unable to formulate a consistent systematic response to the challenges facing Russian society. The authors believe that the situation of the Russian left-

ist has been complicated by the promotion of new geopolitical projects by the authorities. As a result, the Russian "leftist" was marginalised. However, the authors argue that despite the failure of Sergei Baburin's former attempts to return to the big Russian politics, it is clearly premature to talk about the exhaustion and lack of demand for his ideas in Russian society.

Keywords: nationalism, Sergei Baburin, Russian national Union, Russia, xenophobia, patriotism.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

For citation: Biryukov S. V., Barsukov A. M. Sergey Baburin and the Russian people's union: the phenomenon of «left-wing nationalism» in the context of the political process in modern Russia // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 3. P. 31–43.

«Левые» силы России: исходная ситуация

Успех современных политических сил различной идео-

логической ориентации сегодня в значительной степени определяется их способностью сформировать непротиворечивый политический дискурс. Дискурс, в понима-

нии авторов, – совокупность теоретических представлений и концептов, ценностных ориентиров и общих принципов познания, выражающая совокупный взгляд на социально-политическую реальность и возможные пути ее преобразования [33, р. 199–235]. Увязав тот или иной дискурс с существующими социальными и политическими реалиями, взяв за основу политическая сила способна выработать на его основе конкретную политическую программу и последовательную стратегию изменений, предложив ее обществу.

Попробуем рассмотреть с заявленных позиций современное положение и перспективы «левых» сил в современной России – и прежде всего представителей так называемого «левого национализма», представляющего собой специфический политико-идеологический феномен.

Способны ли современные российские «левые» к формулировке своевременного и комплексного ответа на вопросы из текущей «повестки дня», к адекватному осмыслению современной российской ситуации и ключевых проблем развития страны? В этой связи следует напомнить, что Россия – страна постсоветского пространства, пережившая в 1990-е – начале 2000-х годов сложные процессы трансформации политических и экономических систем, связанные с такими явлениями, как деиндустриализация, форсированное складывание класса крупных собственников, распад унаследованной от советского периода истории социально-профессиональной структуры, усложнение ситуации в системе международных отношений, формирование режима «ограниченного плюрализма» в политике [17].

Современная Россия – страна, проходящая через стадию «модернизации сверху» и показывавшая в течение ряда лет неплохие экономические показатели, что позволяло им рассчитывать на успешное преодоление ситуации во многих сферах жизни общества, сложившейся в конце 1990-х годов. Вместе с тем глобальный экономический кризис конца 2000-х годов продемонстрировал истощенность стратегии «сырьевого роста» и механизмов «управляемой демократии», подтвердив не слишком высокую эффективность сложившейся в России социально-экономической и политической системы. Глубокая системная деградация в итоге превратилась в один из возможных для современной России сценариев. Данная угроза во многом связана с нежеланием немалой части российской элиты потерять свои привилегированные статусные позиции (связанные с неразделенностью власти и собственности), последовательно модернизировать экономику страны и ее политическую систему, поскольку на практике последнее бы неизбежно означало конец так называемого «сословного государства» [21, с. 3–36]. Эффект «сжатия» российской экономики вследствие прекращения устойчивого экономического роста, как представляется, может привести к росту напряжения

и неуправляемости в социальной сфере. Результатом этого стало определенное ухудшение условий для воспроизводства социального и человеческого капиталов [9, с. 141–147].

Вследствие особенностей российской политической и экономической систем, а также «оппортунистической стратегии» поведения части политического класса России так и не удалось до конца решить две жизненно важные для страны задачи – восстановить Российское государство в качестве полноценного инструмента реализации общего блага, стоящего над всей совокупностью корпоративно-клановых интересов и способного эффективно реализовывать общенациональные приоритеты развития, формулируемые в процессе диалога с гражданским обществом.

Кроме того, в эпоху 2000-х годов в России так и не была реализована ключевая предпосылка и составляющая российской модернизации – структурная перестройка экономики, которой в силу все той же «корпоративной заинтересованности» активно противодействовала «правлящая элита» (привыкшая к извлечению масштабной «рен-ты» за счет своего монопольного положения в системе «власти-собственности») [23].

В то же время «левые» силы России пока не сумели сформулировать и донести до массового избирателя качественную и понятную альтернативу политическому и социально-экономическому курсу власти (что является условием их политической конкурентоспособности), заявить и отстоять собственную модель модернизации, которая бы отвечала запросам достаточно большого числа россиян.

Но как и каким путем могли российские «левые» ответить на описанные выше вызовы? Какими средствами и в каком направлении они могли бы изменить политический дискурс и современную повестку дня?

На взгляд авторов, на сегодняшний день наиболее важными перспективными задачами для «левых» сил России могли бы быть:

- разработка и донесение до избирателей собственной стратегии социально-экономического развития России, отвечающей интересам не только наемных работников, но и различных категорий среднего класса, включая представителей малого и среднего бизнеса;
- обоснование и продвижение модели демократии, правового и социального государства, отвечающей условиям и возможностям России;
- разработка и продвижение модели национально-государственного строительства и национальной политики, соответствующей российской специфике и цели комплексной модернизации страны;
- разработка качественно новой стратегии рабочего движения, отвечающей «запросам дня» и общедемократическим стандартам;

– разработка и реализация качественно новой стратегии в области культурно-информационной политики, обеспечивающее продвижение новых социальных и морально-нравственных ценностей, призванных прийти на смену «культурному ядру», сформированному в интересах «олигархо-бюрократического симбиоза».

Вместе с тем, взгляды на возможные пути решения проблем, существующих в российском обществе, напрямую зависят от идеологических предпочтений российских «левых» того или иного толка. Спектр российских «левых» сегодня можно представить следующим образом:

1. Левые антиглобалисты (Александр Бузгалин, Сергей Колганов).
2. Левые глобалисты (Борис Кагарлицкий);
3. Левые альтерглобалисты (Михаил Делягин, Михаил Хазин).
4. Левые проевропейской, социал-демократической ориентации (партия «Справедливая Россия»);
5. Левые традиционалисты, пытающиеся рассматривать социализм как наиболее адекватный вариант «русского пути» развития (КПРФ Г. Зюганова).
6. Левые «неосталинисты», сторонники «Пятой Империи», «нового советского проекта» («СС-СР-2.0») (Александр Проханов, Сергей Кургинян).
7. «Левые националисты», сторонники «государственного социализма для русских» (Сергей Бабурин, часть членов РОС).
8. «Антисистемные левые» («Левый фронт», Сергей Удальцов).
9. Левый «маргинес» (анархисты, троцкисты, национал-большевики).

В то же время следует признать, что в сложившейся на сегодняшний день ситуации российские «левые» различных толков не предложили не только «системного ответа», но и просто «обобщенной рефлексии» относительно проблем, которые стоят сегодня перед «левым» движением в масштабах всего мира.

Причины слабости левых сил в современной России, мешающие их успешному ре-позиционированию в современной ситуации, при этом заслуживают отдельного рассмотрения.

Прежде всего – последствия масштабной атомизации постсоветского общества и аномии в результате масштабных (и неоднозначных по своим последствиям) социальных трансформаций 1990-х годов. Последние, помимо всего прочего, способствовали масштабной деидеологизации российского общества в форме «освобождения от ценностей», затруднив любое увязывание «практической политики» с какой-либо определенной ценностной системой. В этой ситуации апелляция к «левым» (как и иным) идеологемам и ценностям не порождала ожидаемого резонанса в российском социуме [18, с. 10-19].

Помимо этого, следует вспомнить и о результатах масштабной и сравнительно успешной антикоммунистической (равно как и антисоциалистической) государственной пропаганды 1990-х годов, изменившей сознание российского общества не в пользу «левых» сил. Последняя систематически проводилась начиная с периода «поздней перестройки», переживая «пики» активности в периоды наиболее значимых для российской власти кампаний (апрельский референдум 1993 года о доверии Президенту России и его социально-экономической политике, президентская электоральная кампания 1996 г.), сформировав в России достаточно устойчивый антикоммунистический дискурс, который не был разрушен и в ситуации относительного ослабления официальной антисоветской риторики в 2000-е годы.

Сыграла свою роль и значительная поляризация в среде наемных работников – маргинализация значительной части работников традиционных индустриальных отраслей (1990-е годы) в результате масштабной деиндустриализации вкупе с выделением узкого слоя высокооплачиваемых работников сырьевых и некоторых других высокорентабельных и работающих на экспорт отраслей промышленности (металлургия, химия и др.). Последние на протяжении 1990–2000-х годов традиционно выступали в качестве опоры действующей власти и сторонников статус-кво. В результате привычная электоральная база в лице квалифицированных индустриальных рабочих у российских «левых» и само рабочее движение в России в качестве организованной и консолидированной силы отсутствуют [25].

Наряду с этим сказался и слабо структурированный характер современного российского общества («общество-каша» по выражению историка Андрея Фурсова), которое находится в состоянии затянувшегося перехода (большое число переходных и «промежуточных» по своему характеру социальных групп). Политическая артикуляция интересов организованного подобным образом социума объективно затруднена как для собственно «левых», так и для политических сил с иной идеологической базой (тех же либералов) [31].

Помимо всего прочего, серьезные последствия вызвал кризис общественных и гуманитарных наук, развернувшийся на фоне общего масштабного кризиса российского образования. Молодое поколение россиян с самого начала 1990-х годов испытало на себе всю полноту проявлений этого кризиса, не владея при этом фундаментальной методологией, позволяющей критически и комплексно оценить окружающую его социальную реальность [3].

Слабости «левых» сил России способствовало и воздействие целенаправленной государственной пропаганды, делающей акцент на государственно-патриотические и лоялистские установки, востребованные зна-

чительной частью российского общества. Фактор системного информационного воздействия позволял и позволяет российской власти сохранять за собой роль хозяина политического дискурса страны с самого начала 2000-х годов, не допуская серьезных посягательств на свои прерогативы в деле воспроизводства символического капитала.

Снижению популярности «левого» дискурса содействовала и масштабная деполитизация общественного сознания в 2000-е годы, которая, в свою очередь, явилась составной частью «неформального пакта», положенного в основу стратегии «стабилизации по Путину». В рамках этого пакта российскому обществу (равно как и политическому классу страны) предлагалось отказаться от «спонтанных» форм политического самовыражения в обмен на сохранение элементов социальной опеки за счет использования рентно-распределительных механизмов [12].

Ослаблению «левых» способствовал и устойчивый консервативный тренд, сложившийся в российском общественном сознании и связанный с возросшим уважением к институтам государства и семьи, патриотическими и консервативными ценностями. Как результат, консолидация «системных» политических сил в современной России происходит именно на консервативно-государственнической основе. Опираясь на подобные настроения, российская власть способна нейтрализовать любую оппозиционную силу (либеральную, националистическую, левую и др.), не разделяющую основных положений описанного выше «ценностного консенсуса», положенных в основу официального политического дискурса [10, с. 25–49].

Определенный шанс на выход российских «левых» из политико-идеологической ловушки был связан с феноменом «левого национализма» – политико-идеологического течения, стремящегося увязать социалистический выбор России с реализацией фундаментальных черт русского национального характера – таких, как стремление к справедливости, к коллективному самопожертвованию, к обретению некоего «царства правды», лежащего за пределами меркантильного и материалистически ориентированного мира. Так, согласно мнению видного русского философа Николая Бердяева, исторические потрясения России предопределяются национальным характером русского народа, сочетающим в себе ряд несоединимых черт: тягу к сильному государству и анархизм, национализм и «всемирную открытость», жестокость и человечность. Русский большевизм, опирающийся на многие черты традиционной русской культуры (извечный поиск справедливости, догматизм, аскетизм, склонность к экстремизму), представляет собой национальное явление и должен быть изжит эволюционным путем [7, с. 295–304].

В то же время некоторые другие исследователи («сменовеховцы», С. Семанов, Э. Лимонов, группа А. Дуги-

на и др.) усматривали в национал-большевизме не некое «переходное» направление в развитии послереволюционной мысли России, но счастливо обнаруженный вполне органичный синтез социалистической (в ее русском национальном «прочтении», обосновывающем «глубоко национальный» характер Октябрьской революции) и державно-государственнической идей, который может быть положен в основу стратегии государственного строительства в настоящем [2].

Между тем, в ситуации политического перехода 1990-х годов было осуществлено несколько попыток сравнительно успешного (исходя из особенностей тогдашней политической ситуации) синтеза «левой» и национал-патриотической идеи – программа Фронта национального спасения (ФНС) в 1992–1993 годах (тогда коммунистов и патриотов объединило уважение к позитивному наследию СССР и неприятие «радикальной демократии» в версии Б. Ельцина и его ближайшего окружения), а также сходная по смыслу программа Народно-патриотического союза России (НПСР), положенная в основу избирательной программы Геннадия Зюганова в период думской и президентской избирательных кампаний 1995 и 1996 годов (тогда лидер КПРФ предпочитал говорить о «русском социализме» как о выражении определенного национального архетипа) [15]. И если набравший к осени 1993 года немалую популярность ФНС был официально запрещен после победы президентской стороны над сторонниками Верховного Совета России в результате масштабного и кровопролитного противостояния в Москве в сентябре – октябре 1993 года, то НПСР даже после проигрыша Г. Зюгановым президентских выборов Б. Ельцину сумел провести многих своих представителей и сторонников на должности глав немалой части регионов, относимых к «красному поясу» [27, с. 5].

Однако с начала 2000-х годов российским «левым» весьма затруднительно было сформулировать и реализовать последовательный ответ на вызовы в рамках системы, последовательно выстраиваемой Президентом России Владимиром Путиным.

Особое значение в подобной ситуации имел вызов со стороны сложившейся в начале 2000-х годов модели общественной стабильности, гарантирующей устойчивость позиций представителям различных идеологических «сегментов» российской политической элиты. В то же время ограничивала их свободу политического маневра, превращая оппозиционность многих из них (тех же лидеров КПРФ) в сугубо формальную и декларативную [8].

Не менее серьезным для «левых» (включая «левых националистов») оказался вызов «идеологической поливалентности» (принципиальной открытости к разным политическим идеям без однозначного увязывания своей политики с какой-либо одной из них) самого Владимира Путина, с помощью которой национальный лидер,

возвышаясь над линиями «идеологических расколов» и опираясь на свою личную популярность, самостоятельно сформировал выгодную ему «повестку дня», поместив в центр политического дискурса идеологию «просвещенного патриотизма» и последовательно уменьшил влияние традиционных российских идеологий (социализма, либерализма, национализма) [24]. В этой ситуации представителям различных идеологических течений, включая «левых» и «левых националистов», приходилось выбирать между сохранением своего статуса в «системе Путина» и неизбежной потерей статусных возможностей в случае выбора в пользу сохранения идеологического «лица».

В рамках подобной стратегии активная патриотическая риторика сочеталась с либеральной по духу экономической политикой и «системным» противодействием «этническому» национализму и иным проявлениям ксенофобии и радикализма в политике. Следует признать, что сама идеологема «просвещенного патриотизма» оказалась способной сравнительно успешно консолидировать вокруг российской власти представителей самых разных частей российского политического спектра, позиционируя всех противников данной идеологемы и политики Кремля – от этнических националистов до революционно настроенных леворадикалов – как «недоброжелателей» Российского государства и интересов большинства населяющих его народов [28].

В сложное положение российских «левых» (равно как и «левых националистов») поставило активное продвижение российской властью новых геополитических проектов – и прежде всего начавшего реализоваться с января 2015 года проекта создания Евразийского союза, задающего «новое качество» процессу «постсоветской интеграции» на «внеидеологической» и прагматической основе [1]. Последнее стало серьезным политическим вызовом для российских объединений «лево-патриотического» толка (КПРФ, «Справедливая Россия» и др.) до этого сравнительно успешно эксплуатировавших тему постсоветской интеграции в своей пропаганде. Евразийская идеология (в ее консервативно-охранительной версии, продвигаемой российской властью) позволила российской власти использовать в собственных интересах существующие в обществе «просоветские настроения», не проводя политики реального советизма. Наряду с этим принципиально наднациональный характер евразийской доктрины позволял ее властным адептам последовательно маргинализировать любые общественно-политические объединения, опирающиеся на идеи национализма (от национал-демократов до «левых националистов»). Евразийский вектор российской политики является альтернативой «революционным потрясениям» и массовому протестному движению, работая на укрепление той модели политической стабильности, которая сложилась

в России в 2000-е годы.

Актуализация российской властью евразийской проблематики ставит российских «левых» разного толка в достаточно сложное положение. С одной стороны, ее пропаганда неизбежно лишает легитимности и символического капитала т.н. внесистемных леворадикалов, не разделяющих идею возрождения Российской государственности в версии действующей власти. Одновременно на волне роста ностальгических просоветских настроений в явно проигрышной позиции по отношению к действующей власти оказываются и сторонники альтернативной «левой», считающие приоритетным направлением российской внешней политики сближение с институтами Европейского Союза. Против идеологической платформы таким образом мобилизовались значительные группы консервативно настроенного электората, а немногочисленные идейные сторонники оказываются в «подвешенном» состоянии. Так или иначе, но именно власть, определяя конкретные формы и трактуя содержание и смысл процессов евразийской интеграции, в любом случае сохраняет политическую инициативу на фоне своих политических и идеологических оппонентов.

В подобной ситуации одновременного сужения пространства как «левого», так и националистического дискурсов некоторые из российских «левых» усмотрели шанс для собственного ре-позиционирования посредством апелляции к также активно популяризируемой с начала 2000-х идеологии неосталинизма [13]. При этом многими из числа новообретенных адептов не учитывался в современном российском обществе неосталинизм как вариант мобилизационной стратегии. Он очевидно не связан ни с долгосрочными интересами российского политического класса, ни с интересами условно консервативного большинства российского общества, и прежде всего – не соотносится с представлениями и интересами укрепившегося за годы «политической стабилизации» среднего класса. Очевидно, что сталинизм не может являться социальной технологией, лежащей в основе модернизации российского общества и экономики, для чего необходима качественно иная социально-инженерная основа, учитывающая современные глобальные изменения. В то же время в качестве специфической информационно-пропагандистской технологии неосталинизм вполне способен служить интересам российского «правящего класса» и ориентированных на него социальных групп, поскольку обеспечивает «символическую» связь действующей власти с право-консервативными «сегментами» электората. Это позволяет известным образом «канализировать» усиливающиеся в сознании определенных групп российского социума праворадикальные настроения, не дав последним приобрести неуправляемый, антисистемный и разрушительный характер. Во-вторых, «дозированная» пропаганда неосталинизма в современ-

ных условиях способствует поляризации российского общества по линии «доктринальные либералы – их противники», что расширяет свободу маневра для действующей власти и побуждает противников либералов консолидироваться вокруг формируемого действующей власти политического «полюса». В-третьих, пропаганда неосталинизма известным образом дезориентирует носителей протестных настроений, препятствуя их адекватной политической артикуляции.

В конечном итоге, активно генерируя идеологические симулякры и внедряя в общественное сознание нереализуемые в современных условиях «футуристические проекты» наподобие СССР 2.0, так называемые «левые» неосталинисты прямо или косвенно поддерживают провластный политический дискурс, что особенно явно проявилось в ситуации «вызова Евромайдана» и «вызова Крыма» [20]. Благодаря этому они де-факто являются не «левой» оппозицией, а связующим звеном между властью и право-консервативными «сегментами» российского общества, освобождая официальных «носителей» власти от необходимости адаптироваться к неосталинистскому дискурсу, что позволяет им возложить эту задачу на плечи самих неосталинистов. То обстоятельство, что идеология неосталинизма фактически заводит «левое» движение в кризис и лишает его возможностей политического самоутверждения посредством диалога с разными политическими силами и социальными слоями, волнует проводников этой идеологии в стане «левых» сравнительно мало. Равно как и то обстоятельство, что интеграция в неосталинистский дискурс превратилась в «ловушку» для самих неосталинистов, лишив их свободы политического и идеологического маневра в современной ситуации.

Сергей Бабурин и РОС: перспективы «левых» националистов в рамках «системы Путина»

Особняком от других «левых сил» России стоят **левые националисты, сторонники «государственного социализма для русских»** – партия Российский общенародный союз (РОС) и ее лидер, видный оппозиционный политик 1990-х годов Сергей Бабурин, пытающийся самостоятельно адаптироваться к современным политическим и идеологическим вызовам. Бабурин и его сторонники предлагают собственное видение «русского социализма», отличное как от «платформы» КПРФ, так и «справедливороссов» и «неосталинистов». В построениях идеологов РОС социализм неразрывно связан как с русской национальной, так и с государственной («державной») идеями, и представляет собой своеобразную версию «русского пути» и «русского ответа на вызов истории». Понимаемый подобным образом «русский

социализм» фактически отрывается от марксистско-интернациональных корней и представляет собой своеобразный «русский аналог» корпоративно-этатистского по своему характеру «прусского социализма» в версии Освальда Шпенглера [32].

Сергей Николаевич Бабурин (род. 31 января 1959 г. в Семипалатинске) – российский политический, государственный и научный деятель – юрист (специалист в области истории государства и права). Доктор юридических наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Лидер общественно-политического националистического движения Российский общенародный союз, позднее «Народной воли» и «Народного союза». Депутат Государственной думы I, II и IV созывов; заместитель председателя Государственной думы II и IV созывов, член Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству. Председатель политической партии «Российский Общенародный Союз». Убежденный сторонник и активный лоббист признания Россией независимости Абхазии, Приднестровья, Южной Осетии.

Основные «вехи» политической биографии С. Бабурина достаточно характерны для оппозиционного политика позднесоветской и «ранней» российской эпохи: юрист по образованию, участник войны в Афганистане, декан юридического факультета Омского университета с 1988 года (один из самых молодых в стране). В 1990 году он был избран народным депутатом РСФСР от Советского территориального округа № 539 (Омск); на I съезде народных депутатов избран членом Верховного Совета РСФСР, баллотировался на пост спикера Верховного Совета.

Бывший сторонник «перестройки» М. Горбачева и связывавшихся с ней первоначально возможных позитивных преобразований, Бабурин становится лидером парламентской оппозиции Борису Ельцину после распада СССР и начала «радикальных реформ». Он, в частности, являлся одним из 7 депутатов ВС РФ, которые голосовали против ратификации Беловежских соглашений о прекращении существования СССР и о создании СНГ. Неприятие политического и экономического курса Ельцина-Гайдара естественным образом привело Бабурина в стан объединенной «лево-правой» оппозиции, консолидировавшейся вокруг Съезда Народных депутатов и Верховного Совета России. В результате в апреле 1992 года на VI съезде народных депутатов России вместе с Михаилом Астафьевым, Ильей Константиновым, Владимиром Исаковым, Николаем Павловым и другими он возглавил оппозиционный межфракционный блок «Народное единство», а в октябре того же года – избран сопредседателем Фронта национального спасения (ФНС), объединявшего коммунистов и националистов. Принадлежа к умеренному крылу ФНС, он, однако, покинул это

объединение незадолго до драматических столкновений между властью и силами оппозиции в Москве 1 мая 1993 года. Тем не менее в сентябре 1993 года Бабурин категорически осудил действия Ельцина по прекращению деятельности Верховного Совета РФ, он до последнего дня оставался в Доме Советов, чудом оставшись в живых.

В 1993 году был избран в Государственную Думу первого созыва. В этот период Бабурин создал депутатскую группу «Российский путь», которая была ориентирована на оппозицию Борису Ельцину и правительству Виктора Черномырдина. С 18 июля 1995 года Бабурин — член предвыборного блока «Власть — народу!», консолидировавшегося вокруг бывшего советского премьер-министра Николая Рыжкова; по результатам декабрьских выборов 1995 года он снова становится депутатом нижней палаты федерального парламента. В феврале 1996 года был избран заместителем председателя Государственной думы Федерального собрания РФ. В том же году Бабурин утвержден заместителем председателя Парламентского Собрания Союза Белоруссии и России, что означало заметное повышение его статусных политических позиций.

Активные политические и идеологические поиски позволили Бабурину в конце концов найти собственную политическую «нишу» в рамках «системы Путина» (что не удалось многим видным политикам 1990-х). Именно Бабурин, бывший в 1990-е годы одним из самых красноречивых сторонников вступления России в совет Европы, а затем ставший твердым приверженцем «евразийской интеграции», поддерживал и поддерживает тесные и особые отношения со многими ведущими политиками и государственными руководителями многих стран СНГ, включая даже и весьма трудных для Кремля переговорщиков. Его политическое прошлое позволило ему играть серьезную, хоть и неофициальную, роль в отношениях как с Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем, так и с Сербией, Ираном, Сирией, Кубой и другими латиноамериканскими странами [5], и в этом качестве востребуется теми, кто формирует и реализует ныне российскую внешнюю политику.

В дальнейшем Сергей Бабурин успешно сочетал политическую и научную деятельность, сделав впечатляющую научную карьеру, чему способствовали его неплохие связи во властно-политических кругах. В течение 10 лет он трудился над докторской диссертацией и в 1998 году защитил ее. Темой его работы стали территориальные, правовые и геополитические проблемы государства — то есть те вопросы, которыми он занимался и в качестве практического политика. В 2001 году он стал лидером партии «Народная воля», а также возглавил Российский государственный торгово-экономический университет. Проведя несколько лет в тени, в ситуации политического оживления в России после 2014 года С. Бабурин

снова напомнил избирателям о себе, заявив о своей принципиальной поддержке «крымской повестки».

По своим убеждениям Сергей Бабурин — последовательный государственный. Он неразрывно связывает русский национализм с державно-государственной идеей, что отличает его от многих деятелей российской национал-демократии.

Его ключевая политическая идея — преемственность российской государственности независимо от смены режимов и идеологий (по этой причине он не принял распад СССР после падения коммунизма).

Государство, согласно Бабурину, является ключевым субъектом российской истории; здесь очевидна перекличка с государственной школой (Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, А. В. Градовский) в истории русской политико-правовой мысли. С точки зрения предложенного С. Н. Бабуриным «императива выживания нации», чрезвычайно важно «сформулировать для России ее национально-государственные интересы, отражающие потребности существования и развития. История единого Российского государства, опыт совместной жизни составляющих ее народов и народностей исчисляется не десятилетиями, а столетиями. И главное, что будет доминировать над внутренними противостояниями в России, над всеми внешнеполитическими подходами имманентно русского российского руководства — это приоритеты российской государственности, торможение, остановка и поворот вспять центробежных тенденций в отношениях между республиками прежнего союзного государства». В конечном итоге, идейно-политические и духовные искания России побуждают ее к возвращению на имперский путь развития в его адаптированной к условиям современности «версии»: «Исторически Россия сформировалась как централизованная и многонациональная Православная Империя, раскинувшаяся на необъятных просторах Евразии. В основе ее преобразования — опора на традиции» [30].

Российское государство, по мнению Бабурина, призвано осуществлять протекционистские функции прежде всего по отношению к государствообразующему русскому народу, распространяя их и на другие народы, которые вместе с русскими участвуют в поддержании и развитии российской государственности. Государство в России призвано всемерно способствовать политическому, социально-экономическому и духовному развитию русского и других народов России, одновременно обеспечивая им социальную защиту (в рамках модели «русского социализма») [26]. Государство и народ, согласно С. Н. Бабурину, связаны друг с другом именно благодаря приверженности общим ценностям, среди которых особую роль играют верность православному вероисповеданию и патриотизм. Поэтому национализм Бабурина — не просто популистское дополнение к идее великодержав-

ности, как в случае В. Жириновского и ЛДПР, но ключевой элемент предлагаемой им политической конструкции.

Таким образом, Бабурин выступает как последовательный консерватор, а продвигаемый им проект «русского социализма» имеет государственнический и патерналистский (но не революционный и классовый) характер, что заставляет вспомнить концепцию государственного социализма видного германского мыслителя XIX века Лоренца фон Штейна, который рассчитывал избежать революции за счет придания современному ему прусскому государству социального характера. Характерно, что, в отличие от Г. А. Зюганова [11] и философа С. Г. Кара-Мурзы [19], Бабурин рассматривает русский социализм не как воплощение извечной соборно-общинной модели, но прежде всего как результат целенаправленной политики государства в социальной сфере.

Примечательно, что на протяжении практически всей своей политической карьеры С. Бабурин выступал против политических потрясений, неизменно подтверждая свою готовность сотрудничать с отдельными представителями режимов Ельцина и Путина, которые придерживаются державно-патриотической линии и признают социальную ответственность государства. Это позволило ему, оставаясь оппозиционером и ежегодно участвуя в протестных «Русских маршах» 4 ноября, сохранить неплохие личные отношения с представителями «патриотической» части политического истеблишмента России на протяжении нескольких десятилетий. С другой стороны, именно такое позиционирование Бабурина делало неизбежной поддержку им внешней политики Владимира Путина и идеологии «крымского консенсуса» начиная с весны 2014 года, что объективно снизило его собственную «узнаваемость» и популярность как политика.

В 2014 году, в ситуации активной ре-политизации российского общества в ответ на события внутри и вокруг Украины, С. Н. Бабурин участвовал в выборах в Московскую городскую Думу по спискам КПРФ, но потерпел неудачу. С 2015 года является президентом Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Занимает пост главного редактора журнала «Славяне». В декабре 2017 года объявил о своем намерении участвовать в президентской гонке, но потерпел неудачу на праймериз Народно-патриотического союза России (НПСР). В феврале 2018 года был официально зарегистрирован в ЦИК в качестве независимого кандидата в президенты России на выборах 2018 года. Однако длительное отсутствие в большой политике и особенно самой избирательной кампании позволили Бабурину получить лишь 1,02 % голосов [29].

Российский общенародный союз (РОС – с 2011 года Российский общественный союз) – политическая партия, созданная Сергеем Бабуриным и занимавшая видное

место в стане оппозиции президенту Ельцину в 1990-е годы. Российский общенародный союз (РОС) как общественно-политическое движение был создан по инициативе народных депутатов РСФСР – членов депутатской группы «Россия». Учредительная конференция, прошедшая в Москве 26 октября 1991 г., конституировала это новое политическое объединение.

Первый съезд РОС состоялся 21 декабря 1991 года. В его работе приняли участие 628 делегатов, представлявших 23 региональные организации движения. Среди участников съезда было 117 народных депутатов всех уровней, 98 делегатов из республик, краев и областей.

Съезд одобрил принятый на Учредительной конференции Устав движения, приняв программу «За экономику прагматизма и справедливости» и сделав ряд заявлений и обращений, сформировал руководящие органы движения. Председателем Координационного Совета РОС, как и ожидалось, был избран народный депутат РСФСР, координатор парламентской фракции «Россия» С. Бабурин.

Постепенно масштабы и географические рамки нового объединения увеличивались. 21 февраля 1993 года в Москве открылся II съезд РОС. В его работе приняли участие 528 делегатов от 25 регионов страны, гости из Приднестровья, Молдовы, Абхазии, Крыма, представители 14 партий и организаций.

19 – 20 февраля 1994 года в Москве прошел III съезд РОС, в котором участвовали 139 делегатов, представлявших 49 региональных организаций. На съезде движение было преобразовано в политическую партию «Российский общенародный союз». Председателем учрежденной политической партии съезд также избрал действующего на тот момент депутата Государственной думы России, координатора депутатской группы «Российский путь» С. Бабурина.

На IV съезде 25–26 марта 1995 г. была принята новая партийная программа. В 1995 г. РОС выступил одним из учредителей блока «Власть – народу!». Список блока «Власть – народу!» не преодолел на думских выборах 5% барьера. Однако выдвинутые или поддержанные блоком, по одномандатным округам в Государственную Думу ФС РФ были избраны 12 депутатов, в том числе пять членов РОС: С. Бабурин, А. Грешневиков, С. Глотов, Н. Зацепина, И. Аничкин, что позволило создать в Думе депутатскую группу «Народовластие» в количестве 41 депутата.

В начале правления В. Путина спрос на «системную» лево-патриотическую оппозицию снова актуализировался. Как следствие, 22 декабря 2001 года четыре общественно-политические организации России — «Российский общенародный союз» («РОС»), «Союз реалистов», «Спас» и «Русское Возрождение» на Учредительном съезде в Москве, в работе которого приняли участие 256 делегатов из 57 субъектов Российской Федерации, приняли решение создать новую партию «Партия Националь-

ного Возрождения «Народная Воля». Съезд утвердил Устав и Программу партии, избрал Центральный Политический Совет, Президиум ЦПС, Председателя партии, которым стал все тот же С. Н. Бабурин. 17 июля 2002 года Партия зарегистрирована в Минюсте, а 30 декабря прошла регистрацию с 58 региональными отделениями.

В результате непростых политических консультаций осенью 2003 года Партия «Народная воля» вошла в состав Избирательного блока «Родина (народно-патриотический союз)», став одной из трех блокообразующих партий. Преодолев 5-процентный барьер 7 декабря 2003 года, блок «Родина» прошел в Госдуму, набрав 9,2% голосов избирателей. 5,5 миллионов граждан России поддержали, таким образом, программу блока «Социальная справедливость и экономический рост». Была сформирована фракция «Родина», в состав которой вошли 9 депутатов — членов партии «Народная воля»: В. И. Алкснис, С. Н. Бабурин, И. К. Виктор, С. А. Готов, А. Н. Грешневиков, Н. С. Леонов, Н. А. Павлов, И. В. Савельева, А. В. Фоменко. В результате проведенных тогда консультаций и переговоров С. Бабурин избран Заместителем Председателя Государственной Думы РФ.

Однако блок «Родина», выполнив свою «системную» задачу по ослаблению электоральных позиций КПРФ, в итоге распался вследствие столкновения амбиций и расхождения взглядов его лидеров и учредителей. «Народной воле» оставалось лишь искать новых союзников на лево-патриотическом фланге, консолидируя вокруг себя немногочисленные политические организации. 20 марта 2007 года на совещании народно-патриотических сил был подписан «Акт единения национальных и народно-патриотических сил России», и принято решение о переименовании, на очередном съезде, политической партии «Народная Воля» в политическую партию «Народный Союз».

VII съезд Партии Национального Возрождения «Народная Воля» состоялся 24 марта 2007 года в Москве. Съезд переименовал Партию «Народная Воля» в политическую партию «Народный Союз» и одобрил «Акт единения национальных и народно-патриотических сил России», подписанный от имени партии С. Н. Бабуриным. В связи с переименованием партии внесены изменения в ее устав. Принято решение о подготовке партийной программы «Народного Союза». Съезд принял Манифест «Народного Союза».

В 2000-е годы продолжался процесс реорганизации партии с целью ее приспособления к меняющимся политическим реалиям. Однако востребованность партийной платформы, пытающийся синтезировать постсоветский консерватизм с русским национализмом державнического толка в условиях осуществленного В. Путиным «либерально-патриотического синтеза» оставалась низкой. В итоге 13 декабря 2008 года политическая партия «Народ-

ный Союз» на своем X (внеочередном) съезде была реорганизована путем присоединения к Общероссийскому общественному движению «Российский общенародный союз». 17 декабря 2011 года состоялся съезд Общероссийского общественного движения «Российский общенародный союз». На съезде присутствовало 176 делегатов из 54 субъектов Российской Федерации.

Съезд принял решение преобразовать общероссийское общественное движение «Российский общенародный союз» в политическую партию «Российский общенародный союз», а также утвердил Устав и Программу партии, избрал Центральный политический совет партии в количестве 91 человека, Президиум ЦПС в количестве 15 человек, Председателя партии и его заместителей, секретарей ЦПС и Совет Старейшин партии.

Председателем партии был избран С. Н. Бабурин, заместителями — И. В. Савельева, С. С. Стебанов, Р. П. Зенцов, И. Б. Миронов.

В бурном декабре 2011 года состоялся съезд общественно-политического движения «Российский общенародный союз», на котором было принято решение о его преобразовании в политическую партию. Председателем партии на съезде избран С. Бабурин. В ситуации «идеологической поляризации» в стране партия определилась со своей программой, стремясь занять определенную политическую нишу». В ситуации развертывавшихся «болотных протестов» Бабурин и его однопартийцы отказались поддержать как выступающую с «охранительных» позиций власть, так и «антисистемных либералов с Болотной». Они предпочли участвовать в ежегодных «Русских маршах» 4 ноября, активно формируя идеологическую платформу набирающего силу, по их мнению, «русского национального движения» и стремясь использовать эти акции для оказания давления на действующую власть с целью коррекции ее политики в направлении более последовательного «державного патриотизма».

Заявляя свою позицию по ключевым вопросам политики, РОС, в частности: — признает, что Россия — это государство русских, единственное место в мире, в котором на совершенно законной основе, в самых разнообразных формах (экономической, социальной, политической и культурной) и абсолютно беспрепятственно реализует себя русский народ и породненные с ним коренные народы России, используя для этого данные Богом природные и иные неотчуждаемые ресурсы; — считает Православие основой духовно-нравственной жизни страны и народа, а Русскую Православную Церковь — главной хранительницей устоев жизни нации, ее вековых традиций и обычаев, исконных ценностей и нравственных императивов;

— выдвигает социальную справедливость в качестве фундаментального принципа русского общества, на котором может и должна базироваться жизнь в России;

– полагает, что власть только тогда сильна и авторитетна, когда она нравственна, верно служит Отечеству и ответственна перед Богом и Народом за свои деяния, исходя из этого, требует проведение фундаментальной политической реформы, включая пересмотр действующей Конституции РФ;

- уверена в том, что в России будет возрожден достойно оплачиваемый труд;

- верит в то, что Россия будущего – это государство с действенной, социально ориентированной экономикой, развитие которой осуществляется для обеспечения общих материальных нужд общества, а не для безудержного обогащения узкой прослойки удачливых людей за счет всего остального общества;

- ставит целью скорейшее воссоздание прочного государственного союза трех славянских государств-республик бывшего СССР – Российской Федерации, Белоруссии и Украины, с ясной перспективой дальнейшего перерастания данного объединения в единое славянское государство – Российский Союз.

Наряду с этим, в качестве альтернативы представительной демократии партия называет прямое народовластие, являющееся залогом процветания страны и народа. Одновременно программа РОС содержит в себе специфическую версию «русского консерватизма».

С точки зрения партийной программы, «ближайшие годы России – это годы общенациональных свершений. Большинство граждан, готовых и дальше делить со своей Родиной ее исторический путь, объединены традициями, формирующими консервативные ценности. Консерватизм, в понимании РОС, – это верность себе, своему историческому и духовному пути, способность, сохраняя открытость, не поддаваться чужим влияниям. Будущее, таким образом, есть заново осознанное и улучшенное Прошлое. Движение общества в сторону консерватизма, таким образом – залог успешности Русского прорыва в будущее. Консерватизм, как полагают представители РОС, всегда национален: национальный консерватизм – это, прежде всего, любовь к историческому облику и признание творческой силы своего народа».

Таким образом, С. Бабурин и возглавляемая им партия стоят на позициях нелиберального и ориентированного на интересы этнических русских «государственного социализма». Последний, согласно их мнению, более всего отвечает духовным ценностям русского народа и предполагает такие элементы, как сильная и самодостаточная государственность, многоукладная экономика, поддержка государством Русской Православной церкви и защита «традиционных нравственных ценностей», активное геополитическое позиционирование России на постсоветском пространстве и в «зонах традиционных интересов». Очевидно, что речь в данном случае не идет о какой-либо версии «марксистского социализма», но о социализме

как составном элементе националистической доктрины интегрального характера.

Интерес к «советскому проекту» у членов РОС также присутствует, но менее ярко выражен, чем у «неосталинистов». Члены партии (и радикально настроенные, и более умеренные) – в большей степени доктринальные русские националисты, нежели сторонники социалистической ориентации. Они активно участвовали в протестных выступлениях 2011–2012 года вместе с другими националистическими объединениями («Русский марш»), не поддерживая многих знаковых фигур и идеологов этих протестных акций. Несмотря на относительную интегрированность в существующую политическую систему многих видных фигур движения (С. Н. Бабурин), значительное число участников РОС находятся в жесткой оппозиции к «системе Путина» из-за сохраняющегося влияния либералов, репрессий против националистов, неверной, с их точки зрения, социально-экономической и миграционной политики и др. Они не считают приемлемой для себя и партии возможную трансформацию как в социал-демократическом, так и в национал-демократическом направлениях. Исходя из этого, можно с полным основанием полагать, что элементы «социализма» и «социальной риторики» в программе РОС будут все более уступать элементам собственно национализма, что позволит причислить данное политическое объединение к российским «левым» со все большей степенью условности.

В то же время, с момента ухода с политической арены блока «Родина», политические лицо, линию и стратегию Российского общенародного союза определяли инициативы и действия, предпринимаемые С. Н. Бабуриным исходя из его личных политических убеждений и особенностей момента. Будучи известным и «знаковым» российским политиком национал-патриотического толка и обладая известными связями в «правлящей элите», С. Н. Бабурин мог позволять себе самостоятельные внешнеполитические инициативы, в том числе и до известной степени выходящие за рамки официального «политического дискурса».

Так, в частности, в декабре 2006 года С. Н. Бабурин обратился с открытым письмом к президенту России Владимиру Путину и президенту Белоруссии Александру Лукашенко с призывом интенсифицировать процесс интеграции двух стран. В нем он призвал ускорить процесс объединения двух стран и предложил, по собственным словам, «идею «Народной воли», которая заключается в создании Российского союза через соединение двух республик» (реакция руководителей стран на это послание неизвестна). Выступая 13 декабря того же года на международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы строительства и развития Союзного государства», организованной Парламентским собранием Союза Белоруссии и России и постоянным комитетом

Союзного государства, С. Н. Бабурин заявил: «Реинтеграция России и Белоруссии — это процесс собирания Родины», — и предложил именовать новое образование Российским союзом [4].

Одновременно Бабурин практически полностью солидаризировался с внешнеполитическим курсом «позднего Путина». В частности, на вопрос журналиста «Вы не устали от Путина?», заданный журналом «Власть», С. Н. Бабурин в марте 2007 года ответил: «После мюнхенской речи мне Путина даже мало» (в феврале 2007 года российский президент выступил с жесткой критикой внешнеполитического курса США и идеи однополярного мироустройства). Бабурин также выразил надежду, что «мюнхенское направление станет генеральным в нашей внешней политике на многие годы» [4].

Особую активность многолетний ректор Российского торгово-экономического университета (РГТЭУ) С. Н. Бабурин проявил себя и на «кавказском направлении» российской внешней политики. Так, в сентябре 2008 года, вскоре после того, как Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, президент республики Абхазия Сергей Багапш подписал указ, согласно которому Бабурин стал почетным гражданином Абхазии. Кроме него, за активное участие в развитии сотрудничества Абхазии и России почетными гражданами республики стали первый зампред комитета Госдумы по делам СНГ Константин Затулин и первый президент Адыгеи Аслан Джаримов [14].

Другой важный объект «внешнеполитических интересов» С. Н. Бабурина — непризнанная Приднестровская Республика. Бабурин был, в частности, награжден орденом Дружбы (2006), а также государственными наградами Югославии и Приднестровской Молдавской республики. Он является почетным гражданином общины Земун города Белграда [22], мэром которой в 1990-е годы являлся известный сербский националистический политик Воислав Шешель.

Характерна позиция С. Н. Бабурина в отношении «болотных протестов» и основных организаторов этого действия. Так, в интервью радиостанции «Эхо Москвы» он заявил, что «у многих было бы искушение заявить, что проведение марша — заслуга Навального, что только на него народ собрался. Нет, русские патриоты собрались и без Навального. И в этом отношении мы, разделяя общие требования честных выборов, наказания коррупционеров, искоренения коррупции и фальсификации в нашей жизни, во многом расходимся с лидерами Болотной. Поэтому что, извините, я слишком хорошо знаю, что такое Касьянов, Немцов» [6].

В том же интервью С. Н. Бабурин заявил, что «если бы люди в знак протеста шли к избирательным участкам, это было бы панацеей для выхода из кризиса. Большинство экспертов склоняется к тому, что люди, когда жареный

петух клюнет, пойдут не к избирательным участкам. Они пойдут брать вилы, и победят те в тот момент возникшие, может быть, из ниоткуда уличные лидеры, которые скажут им, кого громить в первую очередь, — вот, что страшно, чего власть должна больше всего опасаться, когда сегодня пытается уничтожить оппозиционные силы. Вот эта иллюзия, что все под контролем, уже развеялась. Так давайте поймем, что внешние угрозы, те силы, которые разрушили СССР, сегодня, чтобы спасти свои экономики, будут новую волну уничтожения обрушивать на нашу страну. И вот перед этими внешними угрозами как раз общество должно консолидироваться и вокруг национальной идеи — вокруг чего еще?» [6].

В завершение интервью С. Н. Бабурин достаточно ясно и категорично охарактеризовал систему внешнеполитических вызовов и рисков в отношении современной РФ: «Проиграли оттого, что на наших границах, на территории прежнего СССР, расположена военная инфраструктура, нацеленная против нас. Или вы думаете, что это божий одуванчик — НАТО? Поэтому, когда говорят о Прибалтике, надо исходить из сегодняшних реалий — сегодня это территория, где наша российская, или русская мафия отмывает деньги — как Гитлер это делал в Швейцарии. Где действительно некий заповедник. Сегодня это задворки ЕС, и я за то, что пусть они наслаждаются этим состоянием. У нас других дел хватает» [6].

Однако попытка сидеть на «двух политических стульях» стоила в итоге С. Н. Бабурину поста ректора РГТЭУ [16]. По мнению экспертов, бывший ректор С. Н. Бабурин явно слишком высоко ценил принцип университетской автономии, отказываясь принимать во внимание внутриэлитные и внутриполитические «расклады»: так, он позволял себе не только публично прославлять в 2008 году решение президента Д. А. Медведева о признании Абхазии и Южной Осетии, но и не менее публично осуждать в 2011 году решение того же президента о поддержке известной резолюции ООН, создавшей для авиации режима Каддафи «бесполетную зону».

Особой внешнеполитической темой для С. Н. Бабурина стала судьба Ливийской Джамахирии и ее лидера Муаммара Каддафи, ставшего именно в период ректорства Сергея Николаевича почетным доктором РГТЭУ.

В свою очередь, в октябре 2011 года, сразу после гибели Муаммара Каддафи, в вестибюле РГТЭУ был выставлен стенд с портретом погибшего почетного профессора РГТЭУ и некрологом. А в октябре 2012 года С. Н. Бабурин, среди прочего, возглавляющий общественный Комитет солидарности с народами Ливии и Сирии, провел в своем университете «круглый стол» на тему «Ливия без Каддафи: год спустя», с выводами которого вряд ли мог согласиться тогдашний Президент России Дмитрий Медведев, фактически одобивший падение режима Каддафи в результате «арабской весны».

Так или иначе, по признанию самого С. Н. Бабурина, в вопросах ликвидации РГТЭУ и увольнения его с поста ректора в 2012 году присутствовали не только внутривластная, но и внешнеполитическая составляющая.

Заключение

Обобщая все сказанное ранее, мы можем оценить политические возможности и перспективы РОС и его лидера как далеко не исчерпанные. Потерпев неудачу в попытке вернуться в большую российскую политику после весны 2014 года, С. Н. Бабурин, тем не менее, сумел адаптироваться к политическим вызовам 2000-х годов и не утратил шансы на эффективное политическое позиционирование себя и своих политических проектов в ближайшем будущем – особенно учитывая высокую вероятность новой ре-политизации в России на фоне не менее высокой популярности державно-патриотических идей. Принимая базовые установки официальной версии державно-патриотической идеологии, он ясно демонстрирует отличие своей позиции от взглядов Владимира Жи-

риновского (великодержавность с элементами правого популизма), Александра Проханова (последовательная интеграция в официальный государственно-патриотический дискурс с оставлением русских этнических мотивов на культурно-символическом уровне и педализацией идеи «левого поворота») и Сергея Кургияна (последовательное продвижение государственного патриотизма с одновременным отрицанием этнического национализма и апелляцией к «левой» идее в виде проекта СССР 2.0). Будучи интегрированным в государственно-патриотический (великодержавный) дискурс, Бабурин в то же время сохранил связи с «низовыми» и находящимися сегодня далеко не на подъеме движениями в духе этнического русского национализма, не утратив морального «права» на участие в их акциях и движении. Последнее делает фигуру С. Н. Бабурина и возглавляемую им партию РОС востребованными различными направлениями в рамках державно-патриотической, лево-патриотической и умеренно-националистической частей политического спектра современной России. Все это делает разговоры об исчерпанности С. Н. Бабурина как политика явно преждевременными.

Источники и литература / Sources and references

1. Скриба А. С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций. – Т. 9. – № 3. – 2014.
2. Агурский М. Идеология национал-большевизма — YMCA-PRESS, Paris, 1980.
3. Артемьев М. К вопросу о кризисе общественных наук – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/1811> (дата обращения: 12.06.2020).
4. Бабурин, Сергей. Председатель партии «Российский общенародный союз» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lenta.ru/lib/14159613 (дата обращения: 12.06.2020).
5. Бабурина в министры! – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxpark.com/community/politic/content/1781490> (дата обращения: 24.05.2020).
6. Без дураков – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/korzun/967382-echo> (дата обращения: 16.06.2020).
7. Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. – М., 1992.
8. Бондаренко В. Ф., Ефанова Е. В. Политическая стабильность в современной России: факторы, уровни, противоречия – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_4-2_09.pdf (дата обращения: 16.06.2020).
9. Бондаренко Г. И. Человеческий капитал как показатель уровня общественного развития // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2003. № 1.
10. Бызов Л. Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы // Общественные науки и современность. – 2015. – № 4.
11. Геннадий Зюганов. Основы единства – идеалы социализма и православие – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusinros.ru/gennadiy-zyuganov-osnovyi-edinstva-idealyi-sotsializma-i-pravoslavie/> (дата обращения: 24.05.2020).
12. Данилов М. В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы). – Саратов, 2015 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2015/01/29/dissertaciya.pdf> (дата обращения: 12.06.2020).
13. Делягин М. Неосталинизм как идея модернизации России – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://delyagin.ru/citation/9821.html> (дата обращения: 12.06.2020).
14. Затулин стал почетным гражданином Абхазии – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rupor.info/news-v-mire/2008/10/01/zatulin-stal-pochetnim-grazhdaninom-abkhazii> (дата обращения: 12.06.2020).
15. Зюганов Г. А. «Россия, родина, народ» – предвыборная платформа кандидата на должность президента Российской Федерации Геннадия Андреевича Зюганова. – М.: Палей, 1996. – 32 с.
16. К итогам «Марша несогласных» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bolshoyforum.org/forum/index.php?topic=2899.0 (дата обращения: 22.06.2020).
17. Кагарлицкий Б. Ю. Управляемая демократия. – М., 2003.
18. Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. – М.: Научный эксперт, 2013.
19. Кара-Мурза С. Г. Социализм и коммунизм в России: история и перспективы – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novsoc.ru/s-kara-murza-sotsializm-i-kommunizm-v-rossii-istoriya-i-perspektivy/> (дата обращения: 04.06.2020).
20. Консенсусу левых и умеренных либералов приходит конец // Независимая газета. – 2016. – 28 сентября.
21. Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России (часть II) // Мир России: Социология, этнология. – 2008. – Т. 17. – № 4.
22. Лентапедия/Бабурина, Сергей – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikisource.org/wiki/Лентапедия/>

- Бабурин, Сергей (дата обращения: 12.06.2020).
23. Львов Д. С. Вернуть народу ренту. – М.: Алгоритм, 2004.
24. Малинова О. Ю. «Духовные скрепы» как государственная идеология – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Dukhovnye-skrepy-kak-gosudarstvennaya-ideologiya-17107> (дата обращения: 12.06.2020).
25. Мäлютин М. Левое и рабочее движение. Существует ли оно? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://libelli.ru/magazine/95_2/2_5.htm (дата обращения: 12.06.2020).
26. Оппозиция и русский вопрос («круглый стол») // Наш современник. – 1993. – № 6.
27. Остроушко В. «Красный пояс» России // Коммерсантъ. – 1996. – №58. – 6 апреля.
28. Путин сегодня – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.putin-today.ru/archives/8452> (дата обращения: 14.05.2020).
29. Сергей Бабурин – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://24smi.org/celebrity/37742-sergei-baburin.html> (дата обращения: 12.06.2020).
30. Сергей Николаевич Бабурин. Российский Путь - возрождение Империи – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rusland.im/5340/baburin-s-n-rossiiskii-put-vozhrozhdeniie-impierii (дата обращения: 12.06.2020).
31. Фурсов А. И. Общество-каша. Социальный тупик. Каким будет выход? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tinyvod.com/v/vJEoxhFbsd4> (дата обращения: 12.06.2020).
32. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. – Берлин, 1922.
33. Brown L., Strega S. (Eds.) Research as resistance. – Toronto: Canadian Scholars' Press, 2005. – P. 199–235.

Информация об авторах:

Бирюков Сергей Владимирович, д.полит.н., профессор кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: birs.07@mail.ru.

Барсуков Александр Михайлович, к.полит.н., заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: amb2@inbox.ru.

Authors information:

Biryukov Sergey Vladimirovich, Advanced Doctor in Political science, Full Professor Department of history of Kemerovo state medical University. E-mail: birs.07@mail.ru.

Barsukov Alexander Mikhailovich, Ph.D of Political science, Deputy Dean of the faculty of politics and international relations of the Siberian Institute of management, a branch of the Ranepa. E-mail: amb2@inbox.ru.

Васильев В. Е., Власова К. В.

ОБРАЗ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация

В предлагаемом исследовании авторы рассматривают образ мигрантов, конструируемый в средствах массовой информации, и его характеристики в период пандемии COVID-19. В статье рассмотрена теоретическая и практическая разработанность образа мигрантов в СМИ (негативные и положительные стороны образа) и выявлено влияние новой пандемии на образ иммигрантов в СМИ. Авторы задаются целью определить трансформацию негативного образа трудовых мигрантов в лентах информагенств в связи с пандемией COVID-19 посредством проведения количественного контент-анализа публикаций информагенств, касающихся освещения иммиграционной тематики. Авторы приходят к выводу, что в условиях непредвиденных и кри-

зисных ситуаций стигматизация мигрантов, являющихся ранее стереотипизированной группой, в электронных СМИ усиливается, поскольку происходит перенос опасностей, исходящих от ситуации, на менее понятный чужеродный объект, потенциально опасный в силу этой чужеродности. Методология данной работы основана на конструктивистской парадигме Т. Бергера и Т. Лукмана.

Ключевые слова: трудовые мигранты, информационные агентства, медиа-дискурс, негативный образ, национальная политика, пандемия COVID-19.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования

Данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Васильев В. Е., Власова К. В. Образ мигрантов в российских интернет-СМИ в период пандемии COVID-19 // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 44–51.

POLITICAL SCIENCE

Vasiliev V. E., Vlasova K. V.

IMAGE OF MIGRANTS IN RUSSIA INTERNET-MEDIA DURING THE PANDEMIC COVID-19

Abstract

In the proposed study, the authors consider the image of migrants constructed in the media and its characteristics during the COVID-19 pandemic. The article examines the theoretical and practical development of the image of migrants in the media (negative and positive aspects of the image) and reveals the impact of the new pandemic on the image of immigrants in the media. The authors aim to determine the transformation of the negative image of labor migrants in the news of news agencies in connection with the COVID-19 pandemic by conducting a quantitative content analysis of publications of news agencies related to coverage of immi-

gration topics. The authors conclude that in the context of unforeseen and crisis situations, the stigmatization of migrants, who are previously a stereotyped group, in the electronic media increases. The methodology of this work is based on the constructivist paradigm of T. Berger and T. Lukman.

Keywords: migrant workers, news agencies, media discourse, negative image, national policy, pandemic COVID-19.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

For citation: Vasiliev V. E., Vlasova K. V. Image of migrants in Russia Internet-media during the pandemic COVID-19 // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 3. P. 44–51.

Средства массовой информации – один из эффективных механизмов создания и внедрения в массовое сознание стереотипов и образов. Некий инструмент формирования «второй реальности» индивида и групп. При этом современный мир и процессы глобализации уже не могут обойтись без феномена массовых миграций, формирования иноэтничных анклавов, этнизации экономи-

ческих ниш и полиэтнического общества. Миграционные процессы и привлечение трудовых мигрантов на территорию нашей страны – это необходимая мера способная решить как минимум две задачи: демографическую и экономическую (нехватка рабочей силы). В этой связи СМИ, как важный компонент формирования межличностного взаимодействия и гражданского общества,

должны способствовать налаживанию диалога между составляющими принимающего общества и инокультурных, иноэтнических групп и способствовать их адаптации и интеграции в новую социальную среду наряду с национальной политикой государства. Однако зачастую происходит все наоборот: средства массовой информации транслируют ксенофобский дискурс, негативный конструкт образа «они» в отношении видимых мигрантов, который сложился в массовом сознании, тем самым усугубляя этнополитическую проблематику адаптации и интеграции мигрантов. Недаром некоторые исследователи полагают, что существует отдельный вид идентичности, формируемый идеями, фантазиями и мечтаниями, которые воспроизводят средства массовой информации как «фабрики производства смыслов» («медиа-идентичность») [21; 20].

Так или иначе, стигматизация мигрантов в обычное время в СМИ не нова. Вызывает интерес, как будет изменяться образ определенных групп, таких как мигранты, в кризисных ситуациях. Известно, что от терроризма до вспышек болезней мигранты часто нарекались негативными коннотациями, исходящими из угроз для местного населения. Эпидемии иногда воспринимались как «инородные», как, например, в случае с холерой в 1830-х годах, с ВИЧ/СПИДом в 1980-х гг. или, совсем недавно, в связи с гриппом (H1N1). В этом смысле пандемия COVID-19, как представляется, тоже не является исключением.

Актуальность данного исследования продиктована тем, что СМИ играют двоякую роль в отношении иноэтнических групп, уже стигматизируемых по этому признаку. С одной стороны, они могут усиливать негативный образ рассматриваемых групп, поскольку транслируют его в массы, с другой – способствовать решению этнополитических проблем государства, консолидируя их в общество. Особо актуальным представляется для исследования вопрос: в какой момент негативный образ мигрантов усиливается и какие факторы на это влияют. Поскольку в исторической практике много примеров того, как в период кризисных и непредвиденных ситуаций, связанных с потерями и ухудшением социально-экономического положения, люди склонны искать «врагов» этого положения в наименее защищенных и отличающихся группах населения, постольку образ мигрантов, транслируемый в СМИ в период пандемии COVID-19 как кризисной ситуации является актуальным для исследования.

Разработанность проблемы

Зарубежные исследования по этнополитической проблематике в основном посвящены поискам влияния негативной презентации иммигрантов и националь-

ных меньшинств в СМИ на воспринимающую аудиторию. Например, транслируемая важность и объективные знания об иммиграции или об иммигрантах способствуют изменению их восприятия у пользователей информации [15; 33]. И наоборот, еще до появления массового пула исследований в связи с иммиграционным кризисом М. Снайдерман, Л. Хагендрон, М. Приор [35] в 2004 году на основе социологических исследований доказали, что СМИ, подчеркивая этническую принадлежность в новостных сюжетах, могут усиливать враждебность вне транслируемой группы (т.е. среди аудитории, на которую распространялись эти сюжеты). Трансляция инаковости иммигрантов, иммиграционного кризиса, экономического дискурса предоставления социальных выплат и убежищ в средствах массовой информации способствует усилению антииммиграционных настроений в обществе, даже когда эта трансляция связана с объективной статистической информацией (количество беженцев, измерение иммиграции и т. д.) [37], усиливает уровень евроскептицизма [25] и приводит к росту инцидентов насилия, мотивированных современной праворадикальной идеологией. [28]

Зарубежные исследования с применением социологических методов обработки медиатекстов в отношении образа иммигрантов показали, что термины «мигрант» и «иммигрант» тесно связаны с трансляцией экономической угрозы (конкуренция на рынке труда), в то время как «беженцы» и «лица, ищущие убежище» – с экономическим бременем (нагрузка на систему социального обеспечения) [16]. Мисен и Якобс [30] заметили, что лица, принадлежащие этничности рома, иммигранты из Восточной Европы [17] в СМИ, изображаются преимущественно в негативном образе, как наибольшая (по сравнению с другими группами) угроза экономике, лица североафриканского и ближневосточного происхождения, как угроза культурным ценностям (несовместимость исламских и европейских ценностей, трансляция культурного расизма). Образ «беженцев», согласно исследованию Забровского и Чулиарки, освящается в контексте не только угроз экономике, а также радикального ислама и терроризма [18].

Причины негативной трансляции образа мигрантов можно усмотреть, например, в работе С. Сороки и С. Макадамса [36]. Они выявили, что люди более заинтересованы в негативной информации и более реагируют на нее, нежели чем на нейтральную либо позитивную информацию. Соответственно журналисты, описывая тематику миграционных процессов, следуют этому тренду. Из всего кластера политических новостей про миграционный дискурс в Западной Европе, самыми негативными по тональности являются инфоповоды, касающиеся интеграции иммигрантов [24].

Все чаще появляются исследования, в которых анализируется образ мигрантов в медиа с позиций дискурса стигматизации, представления мигрантов в негативном криминальном образе и угрозах безопасности [22; 23; 31]

Среди отечественных исследований, посвященных составляющим образа мигрантов в СМИ, стоит выделить работу Т. Г. Скребцовой. Она выделила 6 составляющих негативного образа мигранта в российских медиа: выходцы с Кавказа или из Средней Азии (именно эта группа вызывает наибольшую неприязнь); имеют неприятный внешний вид; переносчики опасных заболеваний; используются в качестве чернорабочих; не уважают «наши» правила, культуру, обычаи; плохо знают русский язык; берутся за любую, даже самую «грязную» работу, не пользующуюся популярностью у коренного населения; обладают сплочённостью, образуют этнические криминальные группировки; причастны к терроризму; создают острейшие социальные проблемы; осуществляют отток денег из нашей страны в страны СНГ [10]. Е. Комарова выделила, что тематика СМИ, посвященная освещению мигрантов в официальном дискурсе, акцентирует внимание аудитории на их статусе. Характеристиками данного статуса выступают нелегальность нахождения на территории РФ, иноязычность и иное вероисповедание. Подобное противопоставление «их» ценностей «нашим» подчеркивает различия между «своими» и «чужими» и создает риторику угрозы [8]. Н. Н. Аблажей выделил два типа образа трудового мигранта в медиа. Первый оценивается преимущественно негативно, в его характеристиках выделяются агрессия, угроза экономическому благосостоянию коренного населения и его культуре, обострение ситуации с преступностью, наркоманией, эпидемиологической обстановкой, несоответствие между нормами, принятыми в стране, и жизненными нормами этнических мигрантов, когда их образ жизни ограничен рамками этнической общины. В ином случае мигрант наделяется более позитивными характеристиками, долженствующими вызвать сочувствие в связи с многочисленными проблемами и трудностями адаптации [1].

В целом можно согласиться с выводом И. В. Ивлевой и А. В. Тавровского [6], что общим для всех составляющих негативного образа трудовых мигрантов в массмедиа являются гендерная, возрастная, этническая и классовая стереотипизация, ограниченный набор жизненных контекстов, обезличенность и пассивность мигрантов. С добавлением характеристики соотношения здоровья и этничности (данный аспект образа транслируется в СМИ и закрепляется в сознании только на основании примордиализма, якобы изначально принадлежащей объекту этнической характеристики).

В более ранних исследованиях акцентируется внимание на соотношении миграции в СМИ и этнической ксенофобии. Например, работа Е. О. Хабенской [11] позво-

ляет сделать вывод, что продуцирование этнофобии чаще всего происходит посредством избирательного обозначения журналистами этнической принадлежности героев криминальных сюжетов (указывания на этничность преимущественно «нерусских» преступников), демонизацией образа «чеченца» и «кавказца» (терроризм), демонстрацией инокультурных отличий, интеллектуальной неполноценности и создание образа врага, чужого, что объективно способствует формированию в массовом сознании представителей у этнического большинства негативных этнокультурных стереотипов «других» (иноэтничных). Подтверждают этот вывод и исследования В. И. Мукомеля [9], В. А. Ачкасова [2], И. М. Дзяшиловского и М. И. Дзяшиловской [5], согласно которым СМИ – основные продуценты ксенофобного дискурса, постоянно воспроизводящие и педалирующие дискурс расколотого общества, противопоставление сторонников одних ценностей другим. Ксенофобские настроения, спекулятивно тиражируемые СМИ, муссируемые публичными политиками, проникающие в массовую культуру и поддерживаемые отдельными представителями интеллектуалов, являются неотъемлемым компонентом общественного сознания. «Язык вражды», особенно в Интернете, стал обыденностью. Данный компонент обнаружила А. В. Гришина в сознании молодежи под влиянием негативного образа трудовых мигрантов в СМИ (невежественность, некомпетентность, отсутствие образования, дезинтеграция с акцентом на определенную этничность), где этот образ трансформируется и ведет к неприятию трудовых мигрантов как с точки зрения этничности, так и с экономических позиций (конкуренты на рынке труда) [4].

Поскольку наше исследование касается образа мигрантов в медиадискурсе именно в рамках пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, иными словами в рамках кризисной ситуации, постольку мы сталкиваемся с проблемой отсутствия должной теоретической и практической проработки данного предмета исследования. Мы склоняемся к выводу, что отсутствие работ по данной тематике продиктовано только временем, а не отсутствием интереса. Имеющиеся на данный момент исследования и работы касаются нашего предмета посвящены уже прошедшим кризисным ситуациям, эпидемиям и пандемиям. Среди таких стоит выделить работу социального психолога М. Шаллера [32], согласно которой угроза инфекционного заболевания приводит к появлению отворачивания к лицам, чей морфологический (в нашем случае фенотипический) облик или поведение отличается от общепринятых стандартов, что усиливает уровень этноцентризма в обществе.

Исследование Дж. Джексона и др. [27] показывает, как экологические катаклизмы и угрозы влияют на то, что культурные нормы становятся более предвзятыми к

определенным лицам, когда они ужесточаются в ответ на дестабилизирующие экологические угрозы. Это позволяет авторам сделать вывод, что американские штаты и доиндустриальные общества с более жесткими культурными нормами демонстрируют наибольшее предубеждение, основанное на цвете кожи, религии, национальности и сексуальности, и что напряженность предопределяет, почему предрассудки часто являются самыми высокими в регионах мира, в истории которых присутствуют экологические угрозы. Работа Г. Е. Маркуса и др. [29] акцентирует внимание на ситуациях неопределённости, в рамках, которых люди склонны вступать в праворадикальные группировки.

Самый поздний пример – бубонная чума, спровоцировавшая массовое насилие в Европе, в том числе убийство каталонцев на Сицилии, священнослужителей и нищих, и погромы против евреев, уничтожившие более тысячи общин [19].

Негативный образ трудовых мигрантов в российских СМИ как этнополитическая проблема

Современные глобальные трансформации предполагают возрастание экономического значения крупных городов, меняя демографические процессы в сторону все больших диспропорций в экономическом потенциале, географии занятости населения, благосостоянии и качестве жизни. Международные миграции и миграционные потоки — это неотъемлемая часть нынешнего общества. Глобализация (унификация) в этом смысле является противоречивым феноменом, поскольку в этих потоках, статистически различных, задействован поток индивидов, групп индивидов различной профессиональной подготовки, отличной религии, этнокультурной принадлежности, различных норм, правил и ценностей. При этом постиндустриальная экономика крупных городов предъявляет новые требования к скорости коммуникаций, гибкости рынка труда, адаптивности под меняющиеся потребности сферы услуг. Все это в полной мере относится к ключевым городским центрам экономического развития в России. И все это выявляет актуальность проблемы интеграции и адаптации людей, оказавшихся в новой социальной реальности, и людей, столкнувшихся с новыми непонятными и непривычными вызовами. Безусловно, в этой ситуации толерантное отношение между коренным населением и мигрантами приобретает важную политическую и социокультурную значимость с практической точки зрения.

Так или иначе, сегодня национальная политика (в той части, которая нацелена на регулирование иммиграционных процессов) РФ должна акцентироваться на решении таких проблем, как выравнивание баланса рабочей силы,

стабилизация демографической ситуации, и нивелирование издержек, связанных с решением озвученных проблем.

По данным Министерства внутренних дел РФ (данные могут быть верны лишь отчасти, поскольку не учитывают число внутренней миграции), количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства составляет 4 086 402 человека (на апрель 2020) [12]. Но это всего лишь цифры, важно учитывать структуру миграции. Касаясь последней, преобладающее большинство внешних иммигрантов в РФ — это выходцы из ближнего зарубежья, бывших стран СНГ (Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан), внутренней — уроженцы национальных республик РФ. Иными словами, тренд миграционных процессов в РФ связан с тем, что подавляющим большинством является «видимая» миграция, как с фенотипической, так и с конфессиональной и социокультурной точек зрения. Последнее особо важно, поскольку потенциально апеллирует к отличиям приезжих относительно принимающего сообщества и может вызывать рост различных этнофобий. Более того, динамика этнической ксенофобии, согласно ежегодным опросам общественного мнения Центра Юрия Левады с 2004-2019 гг., [13], как раз не только подтверждает этот тезис, но и свидетельствует об инерционном характере национальной политики России и ее ригидности применительно к адаптации трудовых мигрантов.

В таких условиях необходимо работать над усовершенствованием интеграции и адаптации мигрантов в области национальной политики страны. Средства массовой информации, как некая «четвертая власть», как «зеркало общества», могут быть эффективным инструментом (наряду с прочими) решения озвученной этнополитической проблемы. Однако, как показывают вышеописанные исследования, СМИ больше влияют на политизацию этничности и распространение ксенофобского дискурса, стереотипов и негативного образа трудовых мигрантов в массы, нежели чем облегчают их адаптацию и интеграцию в принимающее сообщество.

Образ трудовых мигрантов в ленте информагентств в период пандемии COVID-19

Для анализа образа трудовых мигрантов в медиа, его трансформации (усугубления) в рамках пандемии был выбран количественный метод контент-анализа применительно к публикациям информагентств, посвященным темам миграции. Выборку публикаций составила практика трех федеральных информационных агентств (сетевых изданий) — «РИА-Новости» (www.ria.ru), «Интерфакс» (www.interfax.ru), «ТАСС» (www.tass.ru) — за период с 01.03.2020 — 24.05.2020.

Рисунок 1. Динамика этнофобии в РФ с 2004-2019 гг. в процентах

Выборка обусловлена тем, что этот вид СМИ по сравнению с другими обладает рядом таких преимуществ, как интерактивность, транзактность, конвергентность и мультимедийность [7]. Однако более существенным преимуществом ИА, на наш взгляд, представляется то, что они являются главным источником продуцирования и распространения информационных поводов для других средств массовой информации. И это также подтверждается статистически: согласно рейтингу цитируемости федеральных СМИ аналитической компании Медиология [14] указанные ИА за апрель и март 2020 г. (то есть за период проведения нашего исследования. Данные за май 2020 г. еще не опубликованы) входили в топ-3 самых цитируемых по информационной цитате в СМИ и по гиперссылке в соцмедиа.

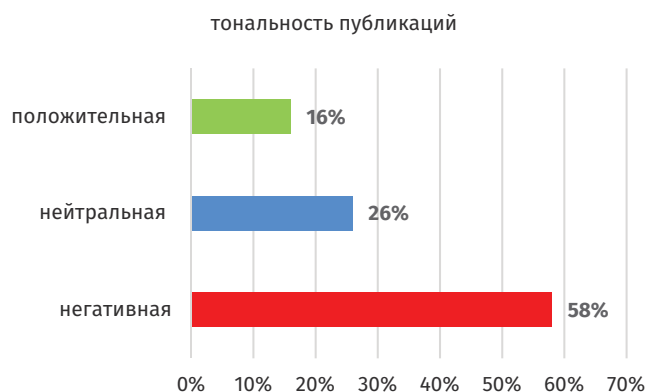
Выборка составила 120 публикаций. Наибольшее внимание проблемам миграции уделяло ИА «ТАСС». Остальные освещали тематику трудовой миграции примерно в равной степени.

Больше чем в половине публикаций освещение трудовых мигрантов носило негативный характер – 58%. Как и предполагалось ранее, этот тренд освещения сохранился, поскольку, согласно исследованиям, для российских СМИ типично транслировать тематику миграции преимущественно с позиций негатива.

Таблица 1. Выборка публикаций

Название СМИ	Количество публикаций	Процент
ТАСС	51	43 %
Интерфакс	35	29 %
РИА-Новости	34	28%

Рисунок 2. Тональность публикаций %

Однако, если ранее негативные публикации были связаны с освещением тем, касающихся преступлений, совершаемых мигрантами, сокращения квот на иностранную РС, негативной репрезентацией относительно трудовых мигрантов и т.д., то в период пандемии сообщения этой направленности (помимо типичной криминальной хроники) апеллировали к угрозам распространения и завоза инфекции и негодности для российской экономики (в связи с тем, что освободилось количество рабочих мест для коренного населения в будущем). Таким образом, аргумент о том, что такая характеристика образа ми-

грантов, как «носители различных инфекционных заболеваний» усиливается в период кризисных ситуаций, частично подтвержден.

Положительный характер публикаций (16%) в основном отсылал к мерам и предлагаемым инициативам поддержки трудовых мигрантов, автоматическом продлении их срока пребывания на территории РФ и частичной «амнистии» за нарушения ими миграционного законодательства. Однако и тут большинство публикаций касалось трансляции образа мигрантов описывали их в свете бедных, нуждающихся и живущих в неблагоприятных условиях.

Рисунок 3. Тематика публикаций по тональности

Исследование также выявило, что трендами негативной тематики стали проблемы здравоохранения (что очевидно относительно эпидемиологической ситуации) и типичное освещение криминальной хроники. Важно отметить, что переход негативного характера публикаций от проблем экономики к проблемам здравоохранения, в первую очередь связан с усилением характеристики негативного образа трудовых мигрантов как носителей опасных заболеваний (в данном случае – носителей COVID-19). Это обуславливается в первую очередь тем, что сама характеристика кризисной ситуации предполагает распространение опасного заболевания. Вероятно, если бы имелся другой тип кризиса (например, экологическая катастрофа), то стигматизация указанных групп превалировала бы в темах социальной политики и экономики.

Касаемо характеристик негативного образа мигрантов исследование показало следующие интенции:

- В публикациях, посвященных проблемам преступности трудовые мигранты освещались, как «злост-

Рисунок 4. Характеристики негативного образа трудовых мигрантов в %

ные» нарушители миграционного законодательства, и более негативно, как люди, совершающие тяжкие преступления (драки, убийства, нелегальная торговля запрещёнными предметами и веществами);

- В публикациях, посвящённых социальной политике – как нуждающиеся, живущие в неблагоприятных условиях. Касаясь данной характеристики важно отметить, что СМИ заговорили о ней впервые. Ранее медиадискурс не касался трансляции намерений и описаний инициатив поддержки трудовых мигрантов;
- Практически во всех публикациях, посвящённых темам здравоохранения, трудовые мигранты характеризовались как «носители COVID-19». Подобное обстоятельство может свидетельствовать о трансляции страхов, исходящих от эпидемии, на потенциально опасный, поскольку изначально чужеродный, объект – иммигрантов.

В экономических темах образ трудовых мигрантов описывался через сферу профессиональной принадлежности (мигранты-строители) с акцентом на иностранное происхождение (в частности это происхождение и контекстуальное противопоставление «свой/чужой» продуцировалось во всех публикациях), а так-

же как неэффективных для российской экономики. Относительно последнего, подобная трансляция типична для российской печатной и электронной прессы на протяжении долгого времени, что также способствует усугублению проблемы неэффективности национальной политики в области адаптации и интеграции трудовых мигрантов.

Таким образом, эпидемиологическая ситуация вокруг вируса COVID-19 повлияла на усиление негативного образа мигрантов в транслировании информационных агентств только лишь в той части, которая касается ее специфики и особенностей. Иными словами, пандемия COVID-19 усилила образ мигрантов как носителей опасных заболеваний. Данное обстоятельство – пример того, как кризисная ситуация способствует воспроизводству коллективного иллюзорного архетипа чужого и свидетельствует о переносе опасностей кризиса на наиболее «непонятный», «чужеродный» объект, который в силу этой чужеродности для коренного населения, является потенциально опасным. Отчасти этот вывод подтверждает механизм этнической ксенофобии, основывающийся на естественной норме человеческого существования – «страха перед всем чужим».

Источники и литература / Sources and references

1. Аблажей Н. Н. Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян // Вестник НГУ. – № 6. – С. 18–23.
2. Ачкасов В. А. Интеграция трудовых мигрантов в принимающее сообщество: роль СМИ // Политэк. 2011. – № 4. – С. 41–51.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
4. Гришина А. В. Психологические особенности восприятия образа трудового мигранта в СМИ в молодежной среде // Российский психологический журнал. – 2010. – № 5–6. – С. 52–56.
5. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. – М.: Московское бюро по правам человека, 2007. – 168 с.
6. Ивлева И. В., Тавровский А. В. Образы трудовых мигрантов в массмедиа // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 149–165.
7. Исхаков Р. Л., Старостин А. Н., Шадрин Н. В. Освещение трудовой миграции в российских средствах массовой информации (образ гастарбайтера в ленте информационных агентств) // Журналистика и массовые коммуникации. – 2015. – Т. 13. – С. 331–335.
8. Комарова Е. Образ мигрантов в медиадискурсе: традиционные СМИ и новые медиа // Филология и культура. – 2019. – № 4. – С. 52–60.
9. Мукомель В. И. Ксенофобия и мигрантофобия в контексте культуры доверия // Мир России. – 2014. – № 1. – С. 137–166.
10. Скребцова Т. Г. (Транс)формирование социальных стереотипов в современном российском публичном дискурсе (на примере трудовых мигрантов и беженцев) // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 224–230.
11. Хабенская Е. О. Этнические стереотипы и ксенофобия в СМИ (по материалам мониторинга прессы столичного региона) // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2005. № 21. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ashpi.asu.ru/studies/2005/hbnskja.html (дата обращения: 13.08.2020).
12. Официальный сайт МВД РФ: Статистические сведения по миграционной ситуации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/20171097/> (дата обращения: 13.08.2020).
13. Официальный сайт Центра Юрия Левады: мониторинг ксенофобских настроений, 2019 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/> (дата обращения: 13.08.2020).
14. Официальный сайт аналитической компании Медиология: Федеральные СМИ март 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7383/>; Федеральные СМИ апрель 2020. – Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7455/> (дата обращения: 13.08.2020).
15. Aalberg, T., Beyer, A. Human interest framing of irregular immigration: An empirical study of public preferences for personalized news stories in the United States, France, and Norway // American Behavioral Scientist. – 2015. Vol. 59 (7). – P. 858–875.
16. Baker, P., Gabrielatos, C., Khosravini, M., Krzyżanowski, M., McEnery, T., Wodak, R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press. // Discourse & Society. – 2008. – Vol. 19 (3). – P. 273–306.

17. Balch, A., & Balabanova, E. Ethics, politics and migration: Public debates on the free movement of Romanians and Bulgarians in the UK, 2006–2013. // *Politics*. – 2016. – Vol. 36(1). – P. 19–35.
18. Chouliaraki, L., Zaborowski, R. Voice and community in the 2015 refugee crisis: A content analysis of news coverage in eight European countries. // *International Communication Gazette*. – 2017. – Vol. 79(6–7). – P. 613–635.
19. Cohn S.K. Pandemics: waves of disease, waves of hate from the Plague of Athens to A.I.D.S. // *Hist. J.* – 2012. – Vol. 85. – P. 535–555.
20. Dennis A. Symbolic Interactionism and Ethnomethodology // University of California Press on behalf of the Society for the Study of Symbolic Interaction Stable. – 2011 – Vol. 34. – Issues 3. – P. 349–356.
21. Denzin N. Symbolic Interactionism and Cultural Studies. The politics of interpretation. – Oxford UK and Cambridge USA, 1992. – P. 115.
22. Emilia M. Valenzuela-Vergara. Media Representations of Immigration in the Chilean Press: To a Different Narrative of Immigration? // *Journal of Communication Inquiry*. – 2019, – Vol. 43(2). – P. 129–151.
23. Emily M. Farris, Heather Silber Mohamed. Picturing immigration: how the media criminalizes immigrants // *Politics, Groups, and Identities*. – 2018. – Vol. 6. – P. 814–824.
24. Negativity / Esser F. [Eds.] // *Comparing political journalism*. – 2017. – P. 71–91.
25. Hartevelde E., Schaper J. Blaming Brussels? The impact of (news about) the refugee crisis on attitudes towards the EU and national politics. // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. – 2018. – Vol. 56(1). – P. 157–177.
26. Howard M., Alexandra M.S. The Foreignness of Germs: The Persistent Association of Immigrants and Disease in American Society // *The Milbank Quarterly*. – Vol. 80. – 2002. – P. 757–788.
27. Jackson J.C., van Egmond M., Choi V.K., et al. Ecological and cultural factors underlying the global distribution of prejudice // *PLoS ONE*. – 2019. – Vol. 14(9). – P. 1–17.
28. Koopmans, R. Explaining the rise of racist and extreme right violence in Western Europe: Grievances or opportunities? // *European Journal of Political Research*. – 1996. – Vol. 30(2). – P. 185–216.
29. Marcus G.E., Sullivan J.L. *Malice toward Some: How People Make Civil Liberties Judgments*. – Cambridge Univ. Press, 1995. – 304 p.
30. Meeusen C., Jacobs, L. Television news content of minority groups as an intergroup context indicator of differences between target-specific prejudices // *Mass Communication and Society*. – 2017. – Vol. 20(2). – P. 213–240.
31. Moen-Larsen N. Brother and barbarians: Discursive constructions of refugees in Russian media // *ACTA SOCIOLOGICA*. – 2020. – Vol. 2. – P. 226–241.
32. Schaler M. Danger, Disease, and the Nature of Prejudice(s) // *Advances in Experimental Social Psychology*. – 2012. – Vol. 46. – P. 1–54.
33. Schemer, C. The influence of news media on stereotypic attitudes toward immigrants in a political campaign // *Journal of Communication*. – 2012. – Vol. 62(5). – P. 739–757.
34. Smallman S. Whom do you trust? Doubt and conspiracy theories in the 2009 influenza pandemic // *Journal of International and Global Studies*. – Volume 6. – P. 1–24.
35. Sniderman P. M., Hagendoorn, L., Prior, M. Predisposing factors and situational triggers: Exclusionary reactions to immigrant minorities // *American Political Science Review*. – Vol. 98(1). – P. 35–49.
36. Soroka S., McAdams, S. News, politics, and negativity. // *Political Communication*. – Vol. 32(1). – P. 1–22.
37. Van Klingeren M., Boomgaarden, H. G., Vliegenthart, R., De Vreese, C. H. Real world is not enough: The media as an additional source of negative attitudes toward immigration, comparing Denmark and the Netherlands // *European Sociological Review*. – 2015. – Vol. 31(3). – P. 268–283.

Информация об авторах:

Васильев Вадим Евгеньевич, политолог, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: vasilevve@bk.ru.

Власова Кристина Владимировна, политолог, Кемеровский государственный университет. E-mail: vlasovavk@inbox.ru.

Authors information:

Vasiliev Vadim Evgenievich, political scientist, Saint Petersburg state University. E-mail: vasilevve@bk.ru

Vlasova Kristina Vladimirovna, political scientist, Kemerovo state University. E-mail: vlasovavk@inbox.ru.

Бирюков С. В., Кисляков М. М., Востриков К. В.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

В статье авторами проанализированы и охарактеризованы теоретические и практические аспекты электоральной конкуренции в современной России, выделены основные этапы, подходы, методы исследования феномена электоральной конкуренции, показаны уровни, условия и факторы, сдерживающие ее развитие, раскрыты причины трудности в обеспечении реальной электоральной конкуренции, уточнены ее перспективы.

Ключевые слова: электоральный процесс, электоральная политика, электоральный авторитаризм, электоральная конкуренция, этапы, подходы, методы исследования, уровни, условия, факторы, причины проблем, перспективы развития.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Источник финансирования

Данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Бирюков С. В., Кисляков М. М., Востриков К. В. Электоральная конкуренция в современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 52–56.

PHILOSOPHY

Biryukov S. V., Kislyakov M. M., Vostrikov K. V.

ELECTORAL COMPETITION IN MODERN RUSSIA: STATE, PROBLEMS, PROSPECTS

Abstract

In the article, the authors analyzed and characterized the theoretical and practical aspects of electoral competition in modern Russia, highlighted the main stages, approaches, methods of studying the phenomenon of electoral competition, showed the levels, conditions and factors hindering its development, revealed the reasons for the difficulty in ensuring real electoral competition, clarified its prospects.

Keywords: electoral process, electoral policy, electoral authoritarianism, electoral competition, stages, approaches, research methods, levels, conditions, factors, causes of problems, development prospects.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

For citation: Biryukov S. V., Kislyakov M. M., Vostrikov K. V. Electoral competition in modern Russia: state, problems, prospects // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 3. P. 52–56.

По мере дальнейшего продвижения России по пути демократизации все более актуальными становятся вопросы развития электоральной конкуренции. Последняя традиционно рассматривается как необходимая предпосылка, объективный критерий и механизм реальной демократии. От того, как будут реализовываться основные принципы электоральной конкуренции, зависит сегодня дальнейшее утверждение демократических принципов в политической сфере. Как полагают некоторые исследователи, в современной России сложилось своего рода «визуальное общество». Немалая часть избирателей продолжают рассматривать электоральную конкуренцию, предшествующий ей процесс выдвижения кандидатов, предвыборные баталии и дебаты как своего рода спектакль, а не способ избрать выражающих их интересы представителей и добиться от них реализации своих запросов и интересов. Спектакль, который

люди готовы смотреть, но пока не готовы в нем полноценно участвовать.

На сегодняшний день доверие населения к демократическим институтам все еще не является достаточным, и многие россияне подчеркивают наличие реальной власти и влияния у коррумпированных чиновников, представителей криминалитета, крупного бизнеса и др.

Преодоление существующего благодаря этому отчуждения требует времени, целенаправленных усилий по повышению политической культуры избирателей, по развитию самого института выборов, по укреплению общенациональных политических партий. Все это требует существенной коррекции избирательных стратегий и избирательных технологий, которые в рамках постоянно изменяющегося публично-политического пространства все чаще обнаруживают пределы своих возможностей. В конечном итоге,

действенность электоральной конкуренции в современной России является необходимым условием управляемости общественно-политическими процессами в целом.

В связи со сказанным выше особое значение приобретают исследования, в которых раскрываются теоретические и практические аспекты электоральной конкуренции в современной России. Проблемы электоральной конкуренции получили отражение как в зарубежной, так и в российской научной литературе. Вместе с тем пока многие вопросы и в теории, и в практике остаются открытыми. И прежде всего вопрос о соотношении между формальными критериями и фактическим обеспечением электоральной конкуренции, а равно и об институциональных, правовых и процессуальных гарантиях последней. Поэтому существует необходимость анализа состояния, проблем и перспектив развития электоральной конкуренции в современной России.

Основные этапы исследования электоральной конкуренции в современной России

В исследовании проблем электоральной конкуренции в современной России условно можно выделить шесть основных этапов. Эти этапы совпадают с электоральными циклами, через которые прошло российское общество. В частности, в монографии «Региональный электоральный процесс: теория и практика» одним из авторов статьи проанализированы электоральные циклы и научная литература, посвященная вопросам электорального процесса и электоральной конкуренции.

Рассмотрим этапы изучения электоральной конкуренции.

Первый этап включает в себя период с конца 1980-х годов до 1993 года. На данном этапе появились первые работы, в которых анализировался опыт проведения первых альтернативных выборов и отдельные аспекты электоральной конкуренции. Данной проблеме посвящены работы В. А. Колосова, Н. В. Петрова, Л. В. Смирнягина, а также многочисленные публикации Г. В. Голосова, занимавшегося проблемами электорального поведения граждан и исследованием избирательных процессов в начале 90-х г. XX в.

Второй этап охватывает период с 1993 по 1996 годы. На этом этапе появляются крупные теоретические исследования, в которых дается анализ электоральной культуры как основы теории и практики электоральной конкуренции. Одним из первых феномен и проблематику электоральной культуры основательно проанализировал И. Н. Гомеров в докторской диссертации «Электоральная культура: политологический анализ» [2]. В этой работе автором впервые обоснованы важнейшие теоретические положения, раскрывающие сущность, основные составляющие элементы, функции электоральной культуры, ее влияние на развитие электоральной конкуренции.

Третий этап в исследовании вопросов электоральной конкуренции с 1996 по 1999 годы был связан с изучением проблем избирательного законодательства как на федеральном, так и на региональном уровнях и их влиянием на развитие электоральной конкуренции. К этому времени уже был накоплен определенный опыт проведения альтернативных выборов и появилась возможность анализа некоторых проблем электоральной конкуренции.

Четвертый этап в изучении электоральной конкуренции охватывает период с 2000 по 2005 годы. В это время происходят изменения в процедуре избрания депутатов федерального и регионального уровней. Выборы депутатов в Государственную думу РФ проходили по федеральным округам, а выборы депутатов в региональные парламенты – по смешанной системе, т.е. половина состава депутатов избиралась по партийным спискам, а вторая половина – по мажоритарной системе (в одномандатных округах). На данном этапе появляются работы зарубежных авторов, в которых анализируются процессы развития электорального авторитаризма и виртуальной политики, тесно связанные с вопросами электоральной конкуренции.

Пятый этап в исследовании электоральной конкуренции – с 2005-го по 2012 год. Отличительные особенности этого этапа состоят в том, что изменяется процедура выборов глав исполнительной власти в субъектах РФ, происходит отмена прямых выборов губернаторов. Они стали избираться региональными парламентами по представлению Президента РФ. Победившие на региональных выборах политические партии с 2009 года получили право предлагать свои кандидатуры на должность главы исполнительной власти в регионе. Электоральная конкуренция в этот период имела ограниченный характер, что приводит к некоторому снижению интереса к ней со стороны исследователей.

Шестой этап в изучении электоральной конкуренции пришелся на период с 2012 года по настоящее время. В этот период изменяется процедура выборов и депутатов Государственной думы, и глав субъектов. Выборы депутатов федерального уровня стали проводиться по смешанной системе, а избрание губернаторов стало осуществляться на основе прямых выборов, но при этом кандидаты должны были заручиться поддержкой со стороны представителей муниципального органа. Изменения в процедуре выборов позитивно отразились на развитии электоральной конкуренции и стали предметом специальных исследований. В этот период появляются работы, в которых рассматриваются вопросы формирования сбалансированной системы электоральной конкуренции. Необходимо отметить, что электоральная конкуренция происходит не только в рамках закона, но и есть присутствие противоправных деяний. Рассматривая этот вопрос, нужно сказать о публикациях, посвященных теме электоральной коррупции, которая, безусловно, как явление появилось вместе с институтом выборов. Тем не менее, богатый фактический материал дал возможность

российским ученым исследовать данный аспект. Можно выделить работы, изучающие данный вопрос, прежде всего Н. Д. Мешкова [8, с. 54–58], который исследовал основные формы и виды коррупции в избирательном процессе. Также интересны работы К. Э. Антоновой [1, с. 59–61] и М. В. Шедия [14, с. 86–96], изучавших типологию и основные модели коррупционных стратегий поведения.

Анализ основных этапов исследования электоральной конкуренции в современной России показывает, что если на первых этапах она изучается в рамках электорального процесса в целом, то на последнем, шестом этапе она рассматривается в качестве самостоятельного предмета научного исследования.

Подходы, методы и уровни исследования электоральной конкуренции в современной России

Сегодня можно констатировать наличие в российской политологии нескольких основных подходов к изучению феномена электоральной конкуренции. *Первый подход* предполагает анализ электоральной конкуренции в контексте феномена межпартийной конкуренции. *Второй подход* нацелен на изучение электоральной конкуренции с точки зрения использования электоральных и пиар-технологий. В рамках *третьего подхода* исследуется электоральная конкуренция в контексте развития рынка консалтинговых услуг.

Методы исследования электоральной конкуренции включают в себя историко-сравнительный метод, количественный и качественный анализ, а также прикладные методы: опрос, анкетирование, наблюдение, контент-анализ документов. Историко-сравнительный метод, в частности, позволяет проследить эволюцию взглядов и подходов ученых-политологов в исследовании электоральной конкуренции. Количественный и качественный анализ, в свою очередь, дает возможность изучить изменения в содержании электоральной конкуренции.

Прикладные методы позволяют получить сравнительный социологический материал на федеральном и региональном уровнях по таким показателям, как явка избирателей на выборы, изменение политических предпочтений избирателей.

При изучении проблем электоральной конкуренции важно определить соотношение этого понятия с другими близкими по смыслу понятиями. Важно помнить в этой связи, электоральная конкуренция – это составная часть электорального процесса и электоральной политики. Электоральный процесс в широком смысле слова охватывает процесс организации и проведения выборов, включая оказание консалтинговых услуг. Выборы сегодня проходят на трех уровнях, а именно: на федеральном, региональном и муниципальном. На каждом уровне имеют место особенности раз-

вития электоральной конкуренции. На федеральном уровне электоральная конкуренция проявляется на выборах Президента РФ и депутатов Государственной думы РФ. Итоги выборов Президента РФ показывают, что число претендентов на этот пост постепенно сокращается. Сокращается и количество политических партий, борющихся за мандаты депутатов в российский парламент. Электоральная конкуренция при этом носит преимущественно декоративный характер. Реальной конкуренции практически нет. На наш взгляд, под реальной электоральной конкуренцией следует понимать такое состояние в политической жизни общества и политического процесса, при котором все субъекты электорального процесса имеют равные права, свободы и возможности для достижения своих целей. Несколько иная картина развития электоральной конкуренции существует на региональном и муниципальном уровнях. Как показывают исследования ряда авторов, электоральная конкуренция в регионах и муниципалитетах также приобретает относительный характер. Связано это с тем, что в муниципальных образованиях отсутствует конкурентная среда субъектов электорального процесса в связи с недостаточностью ресурсной составляющей, столь необходимой для появления реальной электоральной конкуренции. Вместе с тем в различных регионах электоральная конкуренция зависит от конкретных факторов и условий. Они обусловлены, прежде всего, социально-экономическим состоянием региона, особенностями региональных элит, близостью к внешним рынкам и возможностями привлекать инвестиции под конкретные проекты. В связи с этим попытаемся дать ответы на следующие вопросы: какие факторы и условия сдерживают развитие электоральной конкуренции? в чем причины проблем такого положения? что необходимо сделать для развития электоральной конкуренции и каковы могут быть ее перспективы?

Состояние и проблемы развития электоральной конкуренции в современной России

Оценка состояния и проблем электоральной конкуренции в современной России дана в ряде работ зарубежных и отечественных исследователей. В числе зарубежных авторов можно отметить труды, в которых отражены проблемы электорального авторитаризма и виртуальной политики. Заслуживает внимания монография под редакцией А. Шедлера «Электоральный авторитаризм: динамика несвободной конкуренции» и работа Э. Вильсона «Виртуальная политика». По мнению зарубежных ученых, в постсоветской России имеет место использование политических практик, приводящих к сдерживанию электоральной конкуренции и делающих выборы неконкурентными. Российские особенности электорального авторитаризма исследованы в работе С. А. Карандашовой [5, с. 52–68]. Как отмечает автор,

на губернаторских выборах в России в 2012–2014 гг. были использованы такие политические практики как назначение врио губернаторов, право выдвижения кандидатов в губернаторы только политическими партиями, муниципальный фильтр, участие в выборах технических кандидатов и спойлеров, а также анализируемые А. Шедлером практики «вложенных игр», т.е. система внутриэлитных договоренностей, которые привели к тому, что электоральная конкуренция приняла ограниченный характер. В регионах России, как утверждает С. А. Карандашова, имела место «управляемая сверху» электоральная конкуренция.

Вопросы проведения государственной электоральной политики и ее влияние на электоральную конкуренцию, изучены в работе Н. В. Гришина. Как утверждает автор, в современной России идет процесс формирования электоральной политики на государственном уровне [3, с.71–82]. Проблемы электоральной межпартийной конкуренции затрагиваются в исследовании С. А. Шпагина [15, с. 273–283]. Позиция автора состоит в том, что межпартийная конкуренция в период электорального цикла 2012–2016 гг. на выборах в региональные парламенты проявлялась на низком уровне. Большое значение приобретают работы, изучающие электоральную конкуренцию в российских регионах. Это работа Ю. С. Перфильева, посвященная электоральной конкуренции в Иркутской области [11, с.62–70], Р. С. Мухометова [9, с. 65–75] и Р. В. Пырмы [12, с.39–58]. В исследовании Ю. Д. Петрова и Н. А. Григорьева дан анализ электоральной конкуренции на региональных и муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия) [12, с.105–112.]. Авторы приходят к выводу, что в исследуемом регионе электоральная конкуренция в последние годы носила относительный характер. Проявление электоральной конкуренции на президентских и парламентских выборах в России, в 1995–2018 гг. затрагивает Р. Ф. Туровский [13, с. 23–50]. Таким образом, можно констатировать, что вопросы электоральной конкуренции получили отражение как в зарубежной, так и в российской научной литературе. Но при этом исследователями недостаточно полно раскрыты такие аспекты как условия и факторы, причины сдерживающие развитие электоральной конкуренции.

На наш взгляд, в качестве **условий и факторов**, сдерживающих развитие электоральной конкуренции в России, можно выделить ряд групп.

Первая группа – это социально-экономические. В их числе: невысокие темпы экономического развития, связанные с отсутствием экономической конкуренции, которая, как известно, является катализатором политической конкуренции; высокий уровень безработицы и, как следствие этого, снижения реальных доходов граждан, в том числе занимающихся экономической деятельностью. Вторая группа – социально-политические. К ним можно отнести запутанность и противоречивость избирательного законодательства на федеральном и региональном уровнях, разные возможно-

сти доступа к СМИ политических партий и кандидатов, использование административного ресурса представителями правящей партии. Третья группа – политико-психологические. Невысокий уровень электоральной, правовой и политической культуры у организаторов и участников выборов. Также можно отметить отсутствия потребности в профессиональных политических консультантах и политических технологах со стороны многих субъектов избирательного процесса, которые используют для победы на выборах, как правило, административный ресурс федерального значения. За этот ресурс и разворачивается сегодня конкурентная борьба между различными политическими группами, желающими избираться не только в региональные органы власти, но и в федеральные.

Основной комплекс проблем в развитии электоральной конкуренции в современной России связан, в первую очередь, с неразвитостью рыночных отношений (прежде всего – в институциональном смысле). Неразвитость демократических принципов в политической жизни российского общества, в свою очередь, дополняется сегодня отсутствием системы повышения политической, правовой и электоральной культуры у субъектов электоральной конкуренции и у выбирающих между ними граждан. Огосударствление политического рынка, в свою очередь, проявляется в сужении круга участников политической конкуренции, невостребованности профессиональных политических консультантов и политических технологов – при подготовке подобных специалистов некоторыми российскими вузами.

В итоге складывается ситуация, когда на основе общеизвестных процедур социологического опроса уже нельзя с полной уверенностью прогнозировать изменение ситуации на электоральном поле. Планы и модели поведения электората нередко становятся неожиданностью для наблюдателей и самих кандидатов на выборах. Достаточно высокие показатели абсентеизма в ходе нескольких последних электоральных кампаний также не могут не беспокоить, равно как и феномен принятия избирателями «окончательного решения» исключительно на избирательном участке. Именно поэтому повышение уровня политической культуры и сознательной ответственности избирателей за их участие в выборах, стимулирование осознанно мотивированного голосования, повышение качества политического консалтинга и самих избирательных технологий являются сегодня необходимыми предпосылками не только для обеспечения реальной электоральной конкуренции, но и для необходимой модернизации самого института выборов как такового.

Перспективы развития электоральной конкуренции в современной России

Для развития электоральной конкуренции в современной России необходимо добиться экономической стабильности и решить острейшие социальные проблемы, в част-

ности, значительно снизить уровень безработицы. Согласно мнению большинства опрошенных за последние годы социологами граждан нашей страны, их интересуют насущные проблемы выживания. Среди них занятость, рынок труда, повышение доходов, упавших в связи с пандемией коронавирусной инфекции. В этих условиях требовать от граждан активного участия в выборах (тем более при отсутствии реальной конкуренции) достаточно проблематично. Чтобы исправить эту ситуацию, необходимо утверждать демократические принципы и использовать регулярное проведение выборов, обеспечивая их прозрачный и честный характер. Также важно, чтобы политический рынок в России последовательно приобретал цивилизованный характер. На этом рынке должен быть представлен качественный политический продукт (оригинальные идеи, ясные и понятные для большинства граждан политические программы). Должно быть изменено содержание электоральных стратегий. Достижение конечной цели электоральной конкуренции на-

правлено на завоевание доверия со стороны избирателей, а не борьба за их голоса. Как отмечают отдельные исследователи, на современном этапе в России создаются предпосылки для формирования сбалансированной системы электоральной конкуренции [5, с. 19–27]. Как полагают авторы статьи, данная система должна затронуть межпартийные отношения, которые должны строиться на правовой основе, и должны быть установлены разумные пределы вмешательства государства в развитие электоральной конкуренции. На электоральном рынке оказанием консалтинговых услуг должны заниматься не любители, а профессионалы. Еще одно важное направление в развитии электоральной конкуренции – совершенствование избирательного законодательства. Все участники электоральной конкуренции должны иметь равные права и возможности участия в проводимых в соответствии с законодательством избирательных кампаниях, результаты которых не должны быть никоим образом искажены с помощью т.н. «неполитических методов».

Источники и литература / Sources and references

1. Антонова К. Э. Формы электоральной коррупции // Молодой ученый. – 2018. – № 47 (233). – С. 59–61. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/233/54183/> (дата обращения: 03.06.2020).
2. Гомеров И. Н. Электоральная культура: политологический анализ: автореф. дис. докт. полит. наук. – М., 1995. – 42 с.
3. Гришин Н. В. Государственная электоральная политика: предметная область нового научного направления. – Каспийский регион: экономика, политика, культура, 2014, № 3 (40), – С.71–82.
4. Избирательные технологии и избирательное искусство. – М.: РОССПЭН, 2001. – 176 с.
5. Карандашова С. А. Российские особенности электорального авторитаризма: новые практики обеспечения победы инкубентов на губернаторских выборах // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. №1. – С.52–68.
6. Кисляков М. М. Региональный электоральный процесс: теория и практика: монография. – Кемерово: Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017.
7. Курочкин А. В. Причины ограниченной электоральной конкуренции российских политических партий // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Регионоведение». – 2019. – Т.29. – С.19–27.
8. Мешков Н. Д. Основные формы и виды коррупции в избирательном процессе // Политические партии и выборы: проблемы современности: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Оренбург, 2016. – С. 54–58.
9. Мухаметов Р. С. Динамика электоральной конкуренции кандидатов на прямых выборах // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). – С. 65–75.
10. Петров Ю. Д., Григорьев Н. А. Электоральная конкуренция на региональных и муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия) // Власть, 2018, №7, – С.105–112.
11. Перфильев Ю. С. Электоральная конкуренция в современной Иркутской области: муниципальный разрез // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. – С. 62–70.
12. Пырма Р. В. Институциональные ограничения конкуренции на выборах руководителей субъектов Российской Федерации в 2012–2017 годах. Гражданин. Выборы // Власть. 2017. № 4. – С. 39–58.
13. Туровский Р. Ф. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Полития, 2018, №2 (85). – С. 23–50.
14. Шедий М. В. Типология коррупции и основные модели коррупционных стратегий поведения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 86–96.
15. Шпагин С. А. Электоральный цикл 2012–2016 гг. и партийные системы в регионах России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – №54. – С. 263–273.

Информация об авторах:

Бирюков Сергей Владимирович, д.полит.н., профессор кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: birs.07@mail.ru.

Кисляков Михаил Михайлович, д.полит.н., профессор кафедры философии и культурологии Кемеровского государственного медицинского университета.

Востриков Константин Валерьевич, к.полит.н., доцент Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева.

Authors information:

Biryukov Sergey Vladimirovich, Advanced Doctor in Political science, Full Professor Department of history of Kemerovo state medical University. E-mail: birs.07@mail.ru.

Kislyakov Mikhail Mikhailovich, Advanced Doctor in Political science, Full Professor of the Department of philosophy and cultural studies of Kemerovo state medical University.

Vostrikov Konstantin Valeryevi, Ph.D of Political science, associate Professor of the Kuzbass state technical University named after T. F. Gorbachev.

Валиуллина Е. В.

ИНТЕРАКТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Аннотация

В статье представлены результаты исследования интерактивной направленности личности в юношеском возрасте при помощи одноименной методики Н. Е. Щурковой в модификации Н. П. Фетискина. Интерактивная направленность – это направленность личности на взаимодействие и сотрудничество с другой личностью. Большинство респондентов исследования обладают средним и низким уровнем ориентации на личностные (эгоистические) интересы и ориентации на взаимодействие, сотрудничество.

Для цитирования: Валиуллина Е. В. Интерактивная направленность личности // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 57–60.

PSYCHOLOGY

Valiullina E. V.

INTERACTIVE PERSONALITY TREND

Abstract

The article presents the results of a study of the interactive personality trend in adolescence using the eponymous technique of N. E. Shchurkova in the modification of N. P. Fetitskin. Interactive personality trend is the orientation of the individual towards interaction and cooperation with another person. Most of the respondents in the study have a medium and low level of orientation to personal (selfish) interests and orientation to interaction, cooperation. Marginal orientation

is represented mainly by low indicators, girls are more prone to this type of trend than boys.

Ключевые слова: интерактивная направленность, ориентация на личные интересы, ориентация на взаимодействие, маргинальная ориентация.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования

Данная работа не имела источников финансирования.

For citation: Valiullina E. V. Interactive personality trend // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 3. P. 57–60.

Специфику социального благополучия человека, устойчивость развития его личности, формирования коммуникативной компетентности обеспечивает сочетание реальных свойств и качеств личности, особым из них является направленность. Направленность обуславливает вектор развития личности, выступает параметром ее структуры, побуждением к деятельности и специфичным качеством, связывающим потенциальные возможности индивида с активностью их реализации.

Понятие «направленность личности» в отечественной психологии имеет множество противоречивых значений и всевозможных типологизаций, которые можно встретить в работах Л. И. Божович, Б. И. Додонова, Е. П. Ильина, А. Д. Карнышева, К. К. Платонова, С. Л. Рубинштейна и др. Так, Л. И. Божович определяет направленность личности как «устойчивую (трансситуативную) устремленность, ориентированность мыслей, чувств, желаний, фантазий, поступков человека, которая является следствием доминирования

определенных (главных, ведущих) мотиваций» [2, с. 289]. А. Д. Карнышев отмечает, что в общем плане направленность личности можно рассматривать как результат взаимодействия объективных целей жизнедеятельности с субъективными побудителями человеческой активности [7].

Ряд авторов (Е. П. Ильин, Б. Ф. Ломов, В. С. Мерлин, А. К. Осницкий, М. Г. Резниченко и др.), изучая категорию направленности личности, анализируют ее «структуру», куда относят: влечения, желания, интересы, склонности, стремления, убеждения, идеалы, мировоззрение, мотивы и т. д. [8]. Д. В. Колесов, напротив, утверждает, что «структура направленности» – неверное словосочетание в самой основе, поскольку «направленность» – это вектор активности, а вектор никакой «структуры» иметь не может и «у вектора не может быть компонентов» [9, с. 16].

К. К. Платонов и Г. Г. Голубева выделяют такие качества направленности личности «как уровень, широта, интенсивность, устойчивость, действенность» [6, с. 5]. В ти-

пологии направленности авторы берут различные критерии для классификации, выделяя большое количество ее видов: личная, деловая, коллективная; эмоциональная (альтруистическая, эстетическая, романтическая, гностическая и т.д.); профессиональная; гуманистическая, асоциальная, общественная; мотивационно-ценностная и т.д.

Н. Е. Щуркова, разрабатывая авторские педагогические технологии и программы воспитания [12], анализирует понятия нравственной, духовной направленности, изучает личностную социализацию и интерактивную направленность. «Интеракция» (англ. interaction) определяется как «взаимодействие», взаимное действие и влияние людей друг на друга (групп друг на друга). В научной литературе под социальной интеракцией понимают процесс, «при котором индивиды и группы в ходе коммуникации своим поведением влияют на других индивидов и другие группы, вызывая ответные реакции» [5, с. 62]. Таким образом, интерактивная направленность личности – направленность личности на взаимодействие с другой личностью, стремление к межличностному общению и сотрудничеству.

С целью изучения параметров интерактивной направленности личности в юношеском возрасте было проведено исследование.

Методика исследования

Исследование было проведено при участии 82 респондентов (из них 30 юношей и 52 девушки), возраст опрошенных молодых людей от 17 до 19 лет. Методы исследования: анализ научной литературы по проблеме исследования; опросник «Диагностика интерактивной направленности личности» (Н.Е. Щуркова в модификации Н.П. Фетискина) [11, с. 59]; методы математической статистики (χ^2 -критерий Пирсона, U-критерий Манна-Уитни).

Результаты исследования

Статистические данные исследования представлены в таблице 1, достоверность между расхождениями распределений была проверена при помощи χ^2 -критерия Пирсона.

Таблица 1. Средние значения параметров интерактивной направленности

Параметры		Ориентация на личные (эгоистические) интересы	Ориентация на взаимодействие, сотрудничество	Маргинальная ориентация	$\chi^2_{3\text{мп}}$
Средние значения					
Юноши	M	14,83	13,70	8,16	105,89*
	m	2,81	4,37	3,47	
Девушки	M	14,67	13,46	9,55	154,31**
	m	3,85	3,61	2,90	

Примечание: * – расхождения между распределениями статистически достоверны при $p < 0,05$; ** – расхождения между распределениями статистически достоверны при $p < 0,01$.

Согласно методике изучения интерактивной направленности, ее составляющими стали параметры (шкалы): ориентация на личные, эгоистические интересы, ориентация на взаимодействие, сотрудничество и маргинальная ориентация.

Ориентация на личные или эгоистические интересы как параметр интерактивной направленности показывает преобладание мотивов личного благополучия, удовлетворения собственных стремлений и субъективных интересов. При этом притязания и потребности других людей игнорируются, что может приводить к сложностям социальной адаптации и развитию конфликтности личности. «... люди, обладающие «конфликтным характером», которые активно и часто конфликтуют, целенаправленно провоцируют разногласия, инициируют споры, отличаются бытовой несговорчивостью» [3, с. 6].

Такой параметр интерактивной направленности личности, как ориентация на взаимодействие, обусловлен интересами кооперации, конструктивного межличностного общения, потребностями совместной деятельности. Направленность на сотрудничество с другими людьми отражает мотивацию на общение как процесс, когда имеет значение само общение, взаимодействие, а не конкретные результаты такой деятельности.

А. А. Бодалев утверждает, что «сформированная в личности направленность на человека способствует успешности общения, выбору наиболее соответствующих способов взаимодействия... проявляется отношение, что порождает в личности ориентировки на положительные качества в другом человеке» [1, с. 57].

Маргинальная направленность (в рамках теории интерактивной направленности личности) характеризуется склонностью индивида к импульсивности поступков,

Рисунок 1. Процентное соотношение уровней интерактивной направленности

слабым самоконтролем, низким уровнем прогнозируемости поведения, проявлением элементов конформизма и инфантилизма. Многие исследователи выделяют такие черты маргинальной личности, как «несамостоятельность, неуверенность в своих способностях, неадекватное социально-сексуальное развитие, дезадаптивные реакции во всех основных социальных сферах, инфантилизм, заниженную самооценку» [10, с. 366] и другие.

На гистограмме (см. рисунок 1) представлено процентное распределение уровней интерактивной направленности по шкалам.

Как видно на представленной гистограмме, большинство опрошенных молодых людей имеет средний уровень ориентации на личные (эгоистические) интересы, 62% из них показали подобный результат. Около трети из них (36%) имеют низкий уровень параметра, высокий уровень выявлен лишь у 2%. Такие результаты свидетельствуют, что эгоистическая направленность у респондентов данного исследования выражена слабо, в зависимости от конкретной ситуации общения они могут ориентироваться как на свои желания, так и на интересы других людей.

Такие выводы подтверждают и результаты данных процентного соотношения по параметру направленности на взаимодействие и сотрудничество – высокий уровень показали 3% молодых людей, примерно одинаковое количество из них имеют средний и низкий уровень пара-

метра (46% и 51% соответственно). Высокие показатели этой шкалы (согласно авторам опросника) соответствуют оптимальной адаптации и социализации, в настоящем исследовании минимальное количество его участников могут быть отнесены к данной категории.

Подавляющее большинство юношей и девушек исследования обладают низким уровнем маргинальной направленности (88%), 12% показали средний уровень, высокий уровень параметра выявлен не был (0%). Подобные результаты показывают, что выраженная маргинальность, импульсивность, неконтролируемость поступков у молодых людей отсутствует. У некоторых из них может проявляться инфантильность поведения и слабый волевой контроль. «Волевой потенциал – способность личности управлять собственной волевой сферой, поддерживать оптимистичный взгляд на жизнь и получать положительные эмоции от событийной насыщенности» [4, с. 86].

Сравнительный анализ по количественному уровню параметров интерактивной направленности личности между юношами и девушками проведен при помощи U-критерия Манна-Уитни, результаты представлены в таблице 2.

Как следует из представленных данных, полученное эмпирическое значение параметров ориентации на личные (эгоистические) интересы ($U_{Эмп} = 705$) и ориентации на взаимодействие, сотрудничество ($U_{Эмп} = 727$)

Таблица 2. Сравнительный анализ исследуемых групп юношей и девушек по параметрам интерактивной направленности

Параметры	Ориентация на личные (эгоистические) интересы	Ориентация на взаимодействие, сотрудничество	Маргинальная ориентация
UЭмп	705	727	602*

Примечание: * – полученное эмпирическое значение ($U_{Эмп}$) находится в зоне неопределенности (уровень значимости при $p \leq 0,05$); ** – полученное эмпирическое значение ($U_{Эмп}$) находится в зоне значимости при $p \leq 0,01$.

находятся в зоне незначимости, тогда как эмпирическое значение показателей маргинальной ориентации (УЭмп = 602) находится в зоне неопределенности, что свидетельствует о том, что различия между юношами и девушками по данному параметру достоверны на уровне статистической значимости (при $p \leq 0,05$).

Среднее значение параметра маргинальной ориентации в интерактивной направленности личности у девушек ($9,55 \pm 2,90$) значительно выше, чем среднее значение у юношей ($6,16 \pm 3,47$). Девушки в большей степени, нежели юноши, склонны к импульсивным реакциям, непредсказуемым поступкам, инфантильным проявлениям, неконструктивным способам выхода из конфликтных ситуаций.

Выводы

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) Интерактивная направленность личности – это направленность личности на взаимодействие, общение, сотрудничество с другой личностью и/или группой.
- 2) Личностная (эгоистическая) ориентация в ситуации

общения у молодых людей преимущественно выражена на среднем уровне, эгоистическая направленность проявляется редко.

2) Ориентация на взаимодействие и сотрудничество как у юношей, так и у девушек находится на низком и среднем уровне, мотивы поддержания конструктивных взаимоотношений выражены слабо.

4) Незначительное количество молодых людей проявляют маргинальную интерактивную направленность на среднем уровне, позволяя себе импульсивные высказывания и поступки.

5) Девушки несколько чаще, чем юноши, склонны к маргинальным способам реагирования в ситуации интеракции.

Низкий уровень готовности к продуктивной интеракции, слабое стремление к общению и сотрудничеству, отсутствие элементарных форм сочувствия и эмпатии в ситуации межличностного взаимодействия, неоптимальные параметры интерактивной направленности могут свидетельствовать о недостаточно сформированной коммуникативной компетенции молодых людей и сложностях в процессе социальной адаптации.

Источники и литература / Sources and references

1. Бодалев А. А. Личность и общение. – М., 1995. – 328 с.
2. Большой психологический словарь / Под ред. Мещерякова Б. Г., Зинченко В. П. – М.: 2003. – 672 с.
3. Валиуллина Е. В. Взаимосвязь конфликтоустойчивости и фрустрации личности // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 1–9.
4. Валиуллина Е. В. Волевой потенциал личности и реализация потребностей в саморазвитии // Научно-методический журнал Концепт. – 2020. – № 3. – С. 86–91.
5. Врублевская О. А. О сущности понятия «социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. – 2006. – № 5 (12). – С. 60–65.
6. Деятельность личности: сборник научных трудов / под ред. В. Г. Леонтьева. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2005. – 171 с.
7. Карнышев А. Д. Социальная и экономическая психология. – Иркутск: Изд-во БУГЭП, 2011. – 484 с.
8. Клименко И. В. Динамика мотивационно-ценностной направленности студентов на профессиональную деятельность. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2014. – 21 с.
9. Колесов Д. В. Направленность личности // Развитие личности. – 2008. – № 4. – С. 8–21.
10. Крупник Е. П. Психологическая характеристика маргинальной личности // Преподаватель XXI век. – 2010. – Т 2. – № 2. – С. 361–366.
11. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 339 с.
12. Щуркова Н. Е. Педагогическая технология. – М., 2002. – 224 с.

Информация об авторе:

Валиуллина Евгения Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психиатрии, наркологии и медицинской психологии Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: valiullinajv@ya.ru.

Author information:

Valiullina Evgeniya Viktorovna, Ph.D of psychological sciences, associate Professor of Department of psychiatry, narcology and medical psychology of Kemerovo state medical University. E-mail: valiullinajv@ya.ru.

Турамурадова И. Г.

НАРОДНОЕ ПЕСЕННОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО В СТУДЕНЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРНОМ АНСАМБЛЕ «АЛТЫН-АЙ» КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Статья посвящена музыкальному наследию коренных малочисленных народов Сибири на примере ансамбля «Алтын-Ай» Кемеровского государственного института культуры. Изучение культурного многообразия народов через разные формы народного музыкального творчества. Также в статье рассматривается преемственная модель передачи песенных традиций в ансамбле и необходимость сохранения разных жанров народного творчества, что является главной целью в подготовке специалистов в области культуры и искусства. Ключевым моментом служит проведение этнических праздников и обрядов с участием преподавателей и студентов, где про-

исходит изучение народных традиций не в теории, а на практике. При написании статьи, использовались информационные и аналитические материалы, собранные за период работы студенческого фольклорного ансамбля. Основной акцент ставился на системном анализе и обобщении результатов собранного материала.

Ключевые слова: духовная культура, музыкальная культура, музыкальный фольклор, традиция, народная песня.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования

Данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Турамурадова И. Г. Народное песенное исполнительство в студенческом фольклорном ансамбле «Алтын-Ай» Кемеровского государственного института культуры // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 61–63.

PHILOLOGY, LINGUISTICS, LINGUISTICS

Turamuratova I. G.

FOLK SONG PERFORMANCE IN THE STUDENT FOLKLORE ENSEMBLE «ALTYN-AI» OF THE KEMEROVO STATE INSTITUTE OF CULTURE

Abstract

The article is devoted to the musical heritage of the indigenous peoples of Siberia on the example of the ensemble "Altyn-AI" of the Kemerovo state Institute of culture. Studying the cultural diversity of peoples through various forms of folk music. The article also considers the model of continuity in the transmission of song traditions in the ensemble and the need to preserve various genres of folk art, which is the main point in the training of specialists in the field of culture and art. The key point is the holding of ethnic holidays and ceremonies with the participation of teachers and students, where the study of folk

traditions is not in theory, but in practice. When covering the article, information and analytical materials collected during the work of the student folklore ensemble were used. The main emphasis was placed on systematic analysis and generalization of the results of the collected material.

Keywords: spiritual culture, musical culture, folklore, tradition, folk song.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

There was no funding for this project.

For citation: Turamuratova I. G. Folk song performance in the student folklore ensemble "Altyn-AI" of the Kemerovo state Institute of culture // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 3. P. 61–63.

В современном мире музыкальное творчество разных народов привлекает особое внимание профессионалов и любителей этого жанра. Музыкальная культура включа-

ет в себя сложные процессы взаимовлияния народных и профессиональных образцов музыкального творчества. В условиях Сибирского федерального округа это стано-

вится особенно актуальным. Сибирский регион в течение многих веков собирал людей из разных уголков нашей страны. Многие «переселенцы» из южных и северных регионов столетиями стараются сохранить свои самобытные культурные традиции, куда входит и песенный жанр. Для многих музыкантов это бесценная кладовая для изучения истории и быта народа. На основе таких традиций возникают новые формы подачи музыкального материала слушателям. Одним из условий сохранения и изучения жанров фольклора является взаимодействие традиционного и инновационного элементов. В песенном фольклоре проявляются национально-культурные традиции, формируя в людях чувство гордости за свой народ, ощущение духовной близости и принадлежности к своим национальным корням. Народная песня является отражением в содержании нравственных форм и ценностей этноса, выработанных предшествующими поколениями.

Для научного исследования представляет особый интерес модификация, трансформация песенного фольклора путем ее обработки. В современной музыкально-исполнительской практике особое место занимает интерпретация песенных жанров, музыкального фольклора. Музыканты разделяют их на «аутентичный», «вторичный», «профессиональный». И задача музыкантов-педагогов состоит в необходимости полного и глубокого осмысления и анализа песенного фольклора в условиях подготовки специалистов в институтах культуры и искусств.

Различные аспекты изучения песенного фольклора представлены в трудах А. В. Анохина, О. И. Алексеевой, Е. А. Дороховой, В. А. Котеля Л. В. Марковой, Л. В. Шаминой и др. Влияние народной музыкальной культуры на становление и развитие профессиональной музыкальной школы в России подробно анализируют Ю. А. Кремлёв, А. А. Кенель, Г. А. Ларош, В. Ф. Одоевский, В. В. Радлов и др. Историю музыкального фольклора прослеживают Б. В. Асафьев, Б. Н. Путилов и др.

Предметом пристального изучения этнографов, филологов, искусствоведов, культурологов и других специалистов, является народная песня. Всестороннее изучение помогает исследователям глубже понять ее историческую значимость для народа, раскрыть содержание, вникнуть во все тонкости исполнительства, по достоинству оценить данный жанр народного искусства, донести идею и смысл песни до сердец слушателей. Для этого необходимо воспитывать такого специалиста, который будет любить народное творчество, жить с ощущением важности своей работы, быть искренним, вызывая тем самым искренний интерес. Иначе дорогу к сердцу слушателей можно не найти.

Достаточно много дискуссионных и обсуждаемых моментов существует в музыкальном сообществе. Это и вопрос о показе на сцене «аутентичных» жанров песенно-

го фольклора, о необходимости его переработки, аранжировки, режиссуры песни.

В конце XIX века на сцене творили такие корифеи как Ф. И. Шаляпин, А. В. Вьяльцева, О. В. Ковалева, В. В. Панина, Н. В. Плевицкая и др. В современной исполнительской практике возникла необходимость в режиссуре народной песни. Многие профессиональные и любительские коллективы уделяют большое внимание театрализации песни, ее сценической интерпретации.

Фольклорный студенческий ансамбль коренных тюркоязычных народов Сибири «Алтын-Ай» Кемеровского государственного института культуры под руководством профессора, доктора культурологии Н. Д. Ултургашевой существует с 2004 года. Как и многие студенческие коллективы, прошедшие определенные трудности и становление в профессиональном плане, он сталкивается с множеством проблем, связанных не только с организационными моментами, но и с выбором репертуара.

В творческой копилке ансамбля собрано множество песен, частушек, сказок и другого фольклорного материала, которые студенты каждый год пополняют, выезжая летом на фольклорно-этнографическую практику. Студенты изучают жизнь коренных малочисленных народов, проживающих в сибирском регионе, телеутов и шорцев, хакасов, тувинцев, алтайцев. Многие студенты приезжают со своим собранным музыкальным материалом из национальных республик (Республика Хакасия, Республика Тыва, Республика Алтай, п-ов Таймыр). И главная задача преподавателей, руководителя многонационального коллектива – привить любовь и уважение к культурным традициям разных народов Севера и Сибири. Многие песенные жанры у народов Севера (эвенки, ненцы, ханты и др), Сибири (тувинцы, хакасы, алтайцы, шорцы, телеуты), невозможны без танцевальных элементов или инструментальных наигрышей. Поэтому все больше внимания уделяется театрализации песни, созданию ярких музыкально-драматических номеров с привлечением выразительных средств разных видов искусства.

На этом этапе работы возникает множество вопросов, с которыми сталкиваются многие руководители подобных коллективов. Как сочетать эстетические нормы традиционных форм народного пения с современными формами музыкального искусства? Как достичь и не перегнуть палку органичного сочетания яркой самобытной формы исполнения с глубиной содержания? Как, изучая песенный фольклор того или иного народа, оставаться современным и быть востребованным и понятным обществом? И это еще не все вопросы, на которые приходится отвечать руководителю ансамбля.

Для определенного решения требуется долгий процесс погружения в древние пласты культуры того или иного народа, чей музыкальный материал будет использован. В те-

чение года студенты организуют и принимают участие в национальных праздниках «Шагаа» (тув.), «Чыл Пазы» (хак.), «Навруз» (тат.), «Мылтык» (шор.), «Пельменек» (телеут.), «Икэнипкэ» (эвенк.), «Эл Ойын» (алт.), принимают участие в международных и всероссийских научных студенческих конференциях, где стараются описывать культурно-историческую самобытность своих народов, подтверждая уникальность этих этносов разными видами народного творчества, в том числе и песенным фольклором. На кафедре теории и истории народной художественной культуры ежегодно с участием студентов и преподавателей факультета проводятся «День тюркской письменности» и «День славянской письменности». В процессе подготовки студенты изучают культуру разных народов, и самое главное, – языки народов. Преподаватели и студенты между собой здороваются, прощаются, спрашивают о здоровье и т.п. на разных языках, используя уже полученные знания. Заканчиваются эти мероприятия традиционно – дегустацией национальных блюд, которую студенты и преподаватели организуют

своими силами. Такой опыт взаимодействия намного лучше и понятнее студентам в понимании культурной самобытности коренных народов Сибири.

Важным в изучении песенных жанров музыкального фольклора является и погружение в историческую эпоху того времени, когда происходило становление российской государственности. Студенты (участники ансамбля «Алтын Ай») изучают традиционную культуру сибирских татар, телеутов, шорцев и др. народов. Участвуют в театральных постановках, одной из которых является П.П. Ершова «Сузге», история татарской царицы – супруги хана Кучума (1837). В 2018 году эту постановку очень тепло встретили в г. Тобольске.

Таким образом, изучая традиции, обычаи, музыкальную культуру разных народов, понимая основные исторические события, которые накладывали отпечаток на все виды творчества, студенты глубже понимают и принимают текст музыкальных произведений, которые они исполняют в ансамбле.

Источники и литература / Sources and references

1. Турамурадова И. Г. Духовная культура и музыкальный фольклор коренных и малочисленных народов Кузбасса // Миссия конфессий. – 2019. – Том 8. – Часть 5 (№ 40).
2. Турамурадова И. Г. Музыкальное творчество народов Кузбасса как форма межкультурной коммуникации // Устойчивое культурное развитие регионов: стратегические ориентиры государственной политики и общественные инициативы. – Кемерово, 2020. – С. 151-156.
3. Ултургашева Н. Д., Турамурадова И. Г. Фольклор коренных народов Южной Сибири в контексте функционирования традиционной художественной культуры // Миссия конфессий. – 2020. – № 4.

Информация об авторе:

Турамурадова Ирина Григорьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры. E-mail: ira.turamuratova@mail.ru.

Author information:

Turamuratova Irina Grigorjevna, Ph.D of cultural studies, associate Professor of the Department of theory and history of folk art culture of the Kemerovo state Institute of culture. E-mail: ira.turamuratova@mail.ru.

Лебедева А. С.

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ И ФРОНТОВОЙ ЭПИСТОЛЯРИЙ: ДОМИНАНТНО-ДЕТЕРМИНАНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИЗНАКОВ

Аннотация

Актуальность данного исследования обусловлена его вписанностью в проблематику теории письменной повседневной русской речи и жанроведения. Целью работы является выявление доминантно-детерминантных связей и установление иерархической связи между ними. Объектом исследования выступают тексты естественной письменной русской речи – военные мемуары и фронтовые письма. Предметом исследования являются доминантно-детерминантные связи в текстах рядовых носителей естественной письменной речи. Исследование выполнено в русле школы Натальи Борисовны Лебедевой, существующей с 2000 г., где основным объектом исследования является естественная письменная речь (ЕПР), под которой понимается речевая деятельность, характеризующаяся следующими признаками: письменная форма, непрофессиональность исполнения, спонтанность, нетиражируемость, неофициальность бытования, отсутствие участия промежуточных лиц и инстанций (цензор, редактор, полиграфические механизмы и

пр.) между автором и адресатом, единственность существования. В настоящее время можно говорить о нескольких подходах в изучении естественной письменной речи. В данной работе мы придерживаемся подхода Барнаульско-Кемеровской школы естественной письменной речи, где выделены два подхода к изучению рукописных текстов: анализ по коммуникативной семиотической модели (далее КСМ) и доминантно-детерминантная методика выявления независимых (доминантных) и зависимых (детерминантных) жанроворелевантных признаков.

Ключевые слова: естественная письменная речь, доминантно-детерминантные связи, военные письма, военные мемуары.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Источник финансирования

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-412-420005. Соглашение с АКО № 28/2019 от 16.12.2019 г.

Для цитирования: Лебедева А. С. Военные мемуары и фронтовой эпистолярный: доминантно-детерминантные отношения признаков // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 3. С. 64–66.

PHILOLOGY, LINGUISTICS, LINGUISTICS

Lebedeva A. S.

MILITARY MEMOIRS AND FRONT EPISTOLARY: DOMINANT DETERMINANT RELATIONS

Abstract

The rationale of this study is inclusion in the problems of the theory of the written everyday Russian speech and genre studies. The purpose of this work is to identify dominant-determinant relationships and establish a hierarchical relationship between them. The object of the research is the texts of natural written Russian speech - military memoirs and letters from the front. The subject of the study is dominant-determinant communication in the texts of ordinary Russian native speakers. The research was made in line with the school of Natalya Borisovna Lebedeva, which has been existing since 2000, where the main object of the study is natural writing, which is understood as speech activity characterized by the following features: writing, lack of professionalism,

spontaneity, non-replicability, unofficial existence, lack of participation of intermediaries and authorities (censor, editor, printing mechanisms, etc.) between the author and the addressee, the uniqueness of existence. At the Barnaul-Kemerovo School of Natural Writing (hereinafter referred to as the NWP), two approaches to the study of handwritten texts are distinguished: an analysis using a communicative semiotic model (hereinafter referred to as CSM), and a dominant-determinant technique for identifying independent (dominant) and dependent (determinant) genre-relevant characters.

Keywords: natural written language, dominant-determinant relations, military letters, military memoirs.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the frame-

work of the scientific project No. 20-412-420005. Agreement with AKO No. 28/2019 dated 16.12.2019.

For citation: Lebedeva A. S. Military memories and front epistolary: dominant determinant relations // Humanities and social sciences bulletin, 2020, Vol. 1, No. 3. P. 64–66.

Данное исследование строится на анализе признаков, выделенных по КСМ, определением и построением доминантно-детерминантных между системой основополагающих признаков исследуемых жанров в текстах ЕПР, которые выстраиваются в определенную иерархию. В КСМ выделяются субстанциональные и несубстанциональные фациенты. «Субстанциональные фациенты: 1) автор; 2) адресат; 3) знак; 4) орудие и средство; 5) субстрат; 6) место расположения знака. Несубстанциональные фациенты: 1) цель; 2) графико-пространственный параметр знака; 3) среда коммуникации; 4) коммуникативное время; 5) ход коммуникации; 6) социальная оценка» [1].

Материалом послужили тексты военных мемуаров двух авторов (Н. В. Иванова и Ф. Г. Дмитриева), представленные в рукописном виде. Общий объем мемуаров Н.В. Иванова составляет 3 тетради по 96 листов, объем мемуаров Дмитриева – 4 тетради по 96 листов, а также письма с фронта в количестве 20 штук.

В нашей школе выдвинут принцип гносеологической толерантности, суть которого заключается в беспристрастном и уважительном отношении к текстам ЕПР, вследствие чего при цитировании текстов ЕПР полностью сохраняется авторский стиль во всем его специфическо орфографическом и пунктуационном своеобразии [2]. Этот принцип не допускает использования оценочного слова «ошибка», «неграмотно», они заменяются выражением «несовпадение с конвенциональными (кодифицированными) правилами написания» [2].

Военные мемуары – письменные воспоминания участников военных событий, основанные на личных впечатлениях, записках, дневниках, письмах, а также официальных документах.

Фронтовые письма – это текст, который написан на бумаге или других материалах, используемый при переписке между двумя и более адресатами.

В центре нашего исследования находятся два жанра, с одной стороны, со схожими признаками: военная тематика, субстрат, орудие написания, рукописный текст, с другой стороны, с разными признаками: адресат, автор, адресант, цели.

У авторов мемуаров мы разграничиваем субстанционально-социальные признаки, например, возраст, и функциональные признаки: выбор материала, цели и другие.

Доминантные признаки военного эпистолярия и мемуаров определялись путем выявления ядерных признаков

каждого рассматриваемого жанра [3]. В ядерную зону входят признаки, которые ярко выражены и имеют эксплицитную форму выражения. Ядро представляют релевантные признаки.

В ходе исследования нами был выделен в качестве доминанты целевой фактор данных жанров.

В военных мемуарах целью является выбор описываемой ситуации и объем жизненного материала, коммуникативно значимого для автора. В нашем исследовании представлено два автора мемуарных текстов, в чьих воспоминаниях война занимает важное место. Но для первого автора – Н. В. Иванова – война занимает основное место – это центральная тема в его воспоминаниях, поэтому он детализирует описание военных событий, углубляется в подробности. Автор четко указывает адресата и цель: *«Внучке Настеньке, с целью чтобы она узнала всю правду о войне»* У второго автора – Ф. Г. Дмитриева – война также занимает важное место, но наряду с данной темой автор затрагивает и другие аспекты своей жизни. Он пишет о своей семье, рассказывая нам свою родословную, пишет о своём родном селе, о своей работе и прочих вещах, которые были в его жизни. В начале своих воспоминаний он пишет: *«Вам, детям, внукам и правнукам посвящается эта краткая летопись»*.

Таким образом, в военных мемуарах мы наблюдаем актуализацию мнемонической функции с целью систематизации того, что человек увидел и пережил в связи с определенными событиями, что не оставляет желания поделиться с современниками и своими родными своей жизнью и жизненным опытом.

В военных письмах прослеживается четкая граница между жанровой функцией и авторской целью. Целью фронтовых писем является установить связь фронтового мира с миром родных и близких, функция жанра письма имеет более общий характер – это установление контакта. Цель определяется личностным мотивом, следовательно, она предполагает наличие субъекта. Функция жанра выработана культурной историей социума. Доминантным признаком в жанре фронтового письма является целевой фактор: установление связи двух миров – фронта, где смерть, и тыла, где родные и близкие. Поэтому значительное (в некоторых письмах – преобладающее) место занимает фатическая функция – передача приветов родным и близким: *«Добрый день мама, папа, Кланы, Верочка и бабушка», «Здравствуйте дорогие папа, мама и сестренка Маруся!», «Добрый день! Привет с фронта*

уральских землякам» «Дорогие и мои любимые, шлю Вам большой привет!», что не свойственно военным мемуарам, для которых доминантным является выбор описываемой ситуации.

Целевой параметр является детерминантой параметру автор. Так как целью мемуаров является запечатление автором своих воспоминаний на бумажном носителе, то, как правило, авторами мемуаров являются молодые люди, имеющие определенный жизненный багаж. В их воспоминаниях мы видим описание военных событий, ход военных действий, а также быт и культуру того времени (последнее наблюдается у Дмитриева Ф. Г.). Целью является передать свою точку зрения на моменты в жизни авторов, в исследуемых мемуарах – это «донести всю правду о военных действиях» до близких людей.

В военных письмах цель также определяет параметр автора. Цель фронтового письма – передача информации в кратчайшие сроки. То есть перед нами две формы передачи информации о войне: офлайн и онлайн. Авторы писем – молодые люди призывного возраста, которые в момент написания писем находятся на фронте. Солдатам важно не только донести всю правду о военных событиях, в которых они находятся на данный момент (в некоторых случаях это невозможно сделать из-за цензуры), а передать своим родным «приветы» и со-

общить, что с ними всё в порядке, что они живы и здоровы.

Таким образом, мы видим, что цель детерминирует автора. Для фронтового эпистолярного и военных мемуаров автор должен обладать следующим набором признаков. Во-первых, это человек, с определённым жизненным багажом, с уровнем образования, которого бы хватило для написания текста. А также, это человек, который был очевидцем или непосредственно участвовал в военных действиях, о которых он рассказывает.

К детерминантным признакам относятся и другие: формальные стороны письма, орудие и средство написания текста, графико-пространственные характеристики, в частности расположение текста на бумажном субстрате, ход коммуникации. Между этими признаками также в свою очередь устанавливаются свои доминантно-детерминантные отношения.

Отсутствие детального описания таких признаков, как адресат, структурная и содержательная стороны знакового текста, не позволяет сделать выводы о комплексном представлении, что входит в перспективу описания указанных аспектов, которые детерминированы доминантным признаком цели, а также классификация доминантно-детерминантных отношений между фациентами коммуникативно-семиотической модели в жанрах «военные воспоминания» и «фронтовой эпистолярный».

Источники и литература / Sources and references

1. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. – Барнаул, 2003.
2. Лебедева Н. Б. Мемуары как письменно-речевой дискурс рядового носителя русского языка: ценностно-концептный анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №1(61). – Т.1 – С. 92–100.
3. Сухотерина Т. П., Лебедева Н. Б., Воронова Н. Г., Дмитриева Е. Ф., Панкрашова О. С. Жанры естественной письменной речи: Народные мемуары: монография / Т. П. Сухотина, Н. Б. Лебедева, Н. Г. Воронова и др. – Барнаул: АлтГПА, 2012. – 550 с.

Информация об авторе

Лебедева Анастасия Сергеевна, аспирант Кемеровского государственного университета. E-mail: gorod_ne_ysnet@mail.ru.

Author information:

Lebedeva Anastasia Sergeevna, post-graduate student of Kemerovo state University. E-mail: gorod_ne_ysnet@mail.ru.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

К публикации в научном журнале принимаются статьи, авторами которых являются академические ученые, преподаватели вузов, докторанты и аспиранты. **Статьи студентов не принимаются даже в соавторстве с кандидатами и докторами наук.** Предоставляемые материалы должны быть самостоятельными авторскими произведениями, отвечающими критериям научности, либо представлять собой самостоятельное экспертное заключение по проблеме. Все статьи публикуются в авторской редакции. Рекомендуемый объем текста 0,5 – 1,0 п.л. В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Электронная почта редколлегии: vogn@kemsma.ru.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Фамилия и инициалы автора (авторов) (на русском и английском языках).
2. Название статьи (на русском и английском языках).
3. Аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках).
4. Конфликт интересов (на русском и английском языках).
5. Источник финансирования (на русском и английском языках).
6. Для цитирования (на русском и английском языках).
7. Текст статьи.
8. Список источников и литературы (заголовок на русском и английском языках).
9. Информация об авторе, включая расшифровку ФИО, место работы, должность, e-mail (на русском и английском языках).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

1. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 14, межстрочный интервал – 1,0; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 1,25 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц).

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.

- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., А. Е. Сидоров. Неправильно: А.Е. Сидоров.

2. Заголовок статьи необходимо предоставить на русском языке, прописными буквами, размер шрифта – 14, жирный, по центру.

3. Инициалы и фамилия автора – строчными буквами, размер шрифта – 14, выравнивание по левому краю, без отступа.

4. Аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках).

Аннотация должна включать в себя следующие разделы:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

5. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» (либо «Источники и литература»). Ссылки на научные источники из Интернета допускаются и должны быть оформлены в соответствии с требованиями следующих стандартов:

- ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления
- ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления